

Э.А. Томпсон

ЗАГАДКИ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГУННЫ

Грозные воины степей

375 – 376 гг.

УДК 820
ББК 63.3(0)31
Т56

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

ГУННЫ

Грозные воины степей

Т56 **Томпсон Эдвард А.**
Гунны. Грозные воины степей / Пер. с англ.
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2008. — 256 с. — (Загадки древних цивили-
заций).

ISBN 978-5-9524-3492-9

Гунны — первое известное государственное объединение кочевых тюркоязычных народов. Что заставило эти племена объединиться? Какими они были? Чем руководствовались римляне в торговых отношениях с гуннами? Автор отвечает на эти и многие другие вопросы, исследует материальную организацию и социальную структуру гуннского общества до Аттилы и подвергает анализу то, что было сделано этим вождем, вошедшим в анналы мировой истории.

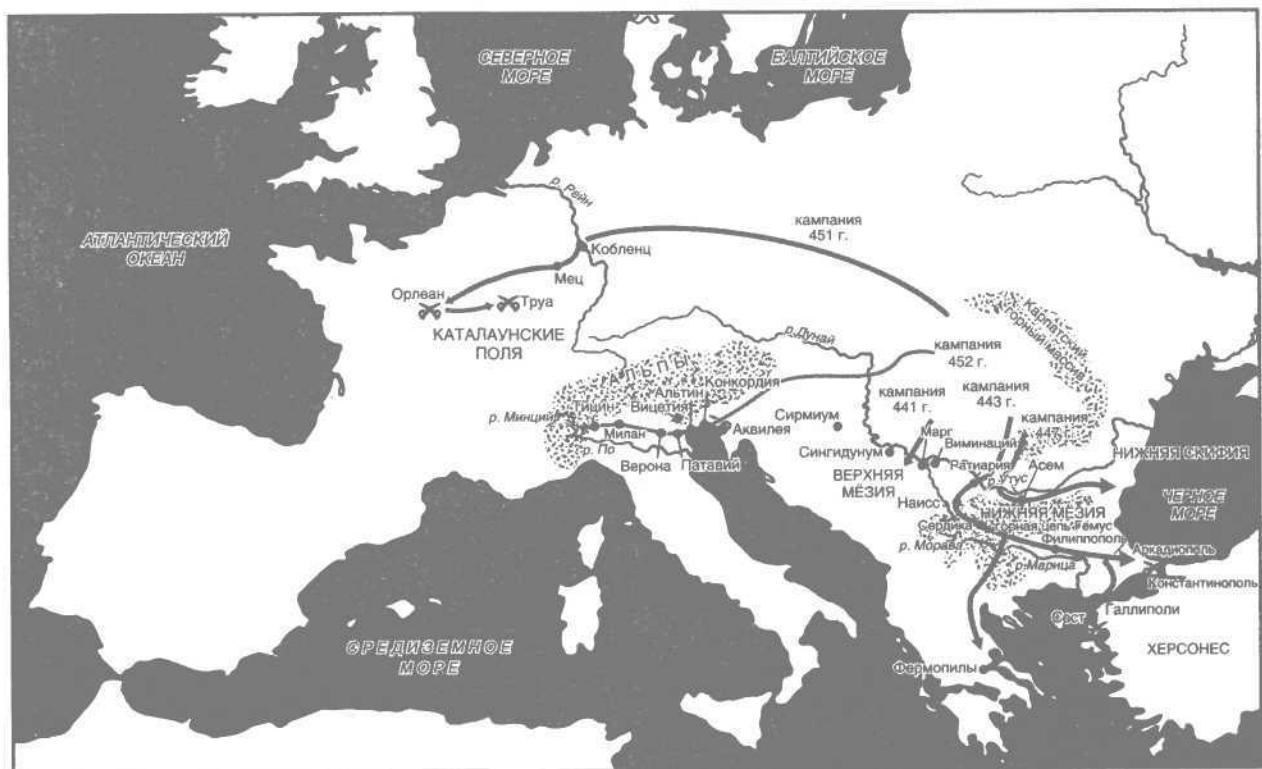
УДК 820
ББК 63.3(0)31

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2008

ISBN 978-5-9524-3492-9

Карта 1. Гунны до Аттилы

ВВЕДЕНИЕ

Ученый, изучающий историю Римской империи и решивший написать историю гуннов, должен начать с признания, что предлагает историю, которая не имеет ни начала, ни конца. Такая история должна начинаться с вопроса: надо ли отождествлять гуннов с сюнну, которых так часто упоминаются в китайских хрониках? Этот вопрос обсуждается с тех пор, как французский ученый профессор Дегинь впервые предложил идентифицировать гуннов с сюнну. Но Дегинь жил в XVIII веке, когда не существовало многих наук, с которыми в настоящее время история должна считаться. Однако не все авторитетные источники склонны принять эту версию. Противники теории родственности сюнну и гуннов часто в качестве возражения приводят слова Бюри о том, что тот, кто поддерживает эту теорию, основывается на полете фантазии, а не на фактах. Во всяком случае, пока специалисты не пришли к общему мнению, человеку, изучающему историю Римской империи, настоятельно рекомендуется ничего не говорить о сюнну.

В конце книги мы обсудим так называемую «легенду Аттилы». Почему никогда не забывают того, кого называли «бичом Божьим»? Почему восточные римляне называли гуннами каждую последующую волну свирепых варваров, обрушающуюся на них с северо-востока? Почему мы сами, когда хотим облить грязью

наших врагов, называем их именем этих кочевников, которые жили в невероятно тяжелых условиях полторы тысячи лет назад? Ответ на эти вопросы можно найти при изучении германской саги, средневековой и современной литературы. Надо отметить, что дискуссии по этому вопросу в основном велись венгерскими учеными на родном языке, а венгерский язык, как и китайский, не по силам многим известным ученым.

В этой книге нам придется довольствоваться, как это делали некоторые римляне, тем, что история гуннов начиналась не в Монголии, а у рек Кубань и Дон, и признаться, что нам ничего не известно о гуннах до конца IV столетия, когда они напали на остготов (острогоотов). Наша история закончится крахом империи Аттилы. Правда, гунны еще сражались в армиях Юстиниана, но в VI веке они уже не играли особой роли и вскоре растворились в основном населении Европы, или их заменили другие так называемые гунны, которые постоянно двигались через степь на запад. Нам нечего сказать и об Этцеле.

С учетом этих оговорок книга строится следующим образом. В 1-й главе дается краткое изложение основных источников, из которых мы получаем сведения о гуннах. Во 2-й и с 4-й по 6-ю главы рассказывается о дипломатических отношениях гуннов с римлянами, о победах и поражениях гуннов в войне. Об этом писали многие английские авторы, но они не давали полной информации о гуннах. Эдвард Гиббон в своей книге «Упадок и разрушение Римской империи» в главах о V столетии далек от того, чтобы считаться лучшим. Ходжкин в книге «Италия и ее захватчики» рассказал самую полную историю гуннов, но его работа, хотя и представляет огромную ценность, на данный момент уже устарела. Последующие авторы, такие как Бюри, авторы «Кембриджской средневековой истории» и другие, воссоздают более или менее полную историю гуннов, но их основной целью является история Римской

империи, а описание жизни Аттилы отходит на второй план. Таким образом, эти главы не будут лишними. В них сделана попытка рассказать историю гуннов намного подробнее, чем это было сделано в других работах. Мы приводим полный, хотя и недоказательный, отчет о посольстве Максимина к Аттиле, но у нас почти нет сведений о вторжении гуннов в 447 году и никакой информации о причинах этого вторжения.

В заключительной части книги я пытаюсь ответить на вопросы, возникающие в процессе чтения. Почему гунны действовали именно так, а не иначе? Как они смогли достичь таких высот? Какими они были? Ответам на эти вопросы я посвятил 3-ю и 7-ю главы, сделав попытку исследовать материальную организацию и социальную структуру гуннского общества. Сразу становится ясно, насколько изменилось гуннское общество с того времени, к которому относятся источники, из которых черпал свою информацию Аммиан Марцеллин, до времени появления Приска Паннийского¹ в лагере Аттилы. Если мы хотим представить общество, созданное Аттилой, мы должны понять, каким оно было до того, как во главе его стал Аттила. Ни одно человеческое сообщество не бывает статичным; гуннское общество было более динамичным, чем большинство. Я уверен, что до настоящего времени не было предпринято попыток подробно изложить социальную историю гуннов, и боюсь, что читатель обнаружит больше недостатков, а точнее, нехватки информации, в 3-й и 7-й главах, чем в остальной книге.

Мы стремились понять, чем объясняется поведение римлян в торговых отношениях с гуннами. Как оценить политику Феодосия II с Хрисафием (Хрисанфием) и Маркианом в отношении новых захватчиков? Совре-

¹ Приск Паннийский (Vв.) — византийский дипломат и историк. Выполнял дипломатические поручения византийских императоров. Автор сочинения «История Византии и деяния Аттилы». (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.)

менные историки от Тиллемона¹ и Гиббона² до Бюри и Эрнста Штайна осуждали Феодосия II за слабость и бесхарактерность и превозносили Маркиана, называя его защитником, на которого можно положиться.

Но если мы поймем сущность гуннского общества, если обратим внимание на очевидное социальное деление, существовавшее в Восточной Римской империи, если, наконец, поймем, что Приск был пристрастным и предубежденным писателем, тогда, я полагаю, мы придем к другому выводу. Феодосий II провел Восточную Римскую империю через один из сильнейших штормов V столетия лучшим и самым разумным курсом, известным ему. Маркиану очень повезло. Когда он взошел на трон, обстоятельства изменились, и возникла совершенно иная ситуация. Гунны интересны сами по себе, но еще интереснее их отношения с римлянами. Читатель найдет в этой книге несколько общих высказываний о гуннах и предположительные выводы о влиянии их появления на Дунае и Рейне на ход европейской истории.

Эта книга предназначена в первую очередь для людей, интересующихся историей Римской империи.

¹ Тиллемон (1637—1698) — французский церковный историк, аббат, большой знаток древних авторов, и его труды представляют собой наиболее полную сводку фактического материала о римских императорах, их внешней и внутренней политике.

² Гиббон Эдуард (1737—1794) — знаменитый английский историк, всецело посвятил себя изучению римской истории. Сочинение, обессмертившее имя Гиббона, «История упадка и разрушения Римской империи», охватывает период с конца II в. н. э. (правление Коммода) до падения Константинополя в 1453 г. (первоначально Гиббон планировал довести свой труд до падения Западной Римской империи, но потом расширил его, прибавив к трем уже вышедшим томам еще три).

Глава 1

ИСТОЧНИКИ

Когда гунны впервые переправились через Керченский пролив в Крым и влились в поток европейской истории, они были неграмотными. И когда они, в конце концов, затерялись в суматохе V—VI столетий, они по-прежнему были неграмотными. Песни, которые слышал Приск, когда гунны пели в освещенном факелами пиршественном зале, песни, в которых прославлялись боевые подвиги Аттилы, со временем, возможно, превратились бы в эпические памятники, повествующие об их победах.

Конечно, остготы, среди которых гунны жили долгое время, имели весьма смутные воспоминания о собственной ранней истории, почерпнутые из старинных песен о подвигах предков, которые они исполняли в почти повествовательной манере под аккомпанемент арфы. Но гунны исчезли так быстро, что даже если они начали слагать эпические поэмы, но все равно не записывали их, и не осталось никого, кто бы мог исполнять эти песни. В действительности гунны не имели представления о своем происхождении и мало что могли рассказать римским путешественникам.

1

Древние народы оставляют после себя не только эпические поэмы, сказания, но и другие свидетельства. Однако сообщество гуннов по своей природе было таким,

что мы не можем рассчитывать на обнаружение большего числа их следов, проводя археологические исследования. В степи в условиях кочевой жизни человек мог переносить с собой весьма ограниченное количество материалов — железа, дерева, текстиля, поскольку постоянно двигался от пастбища к пастбищу. Только поселившись у источника ресурсов, он мог получить их в большом количестве, а для этого ему пришлось бы отделиться от сообщества, частью которого он являлся. Степные кочевники по большей части использовали предметы обихода, приобретенные путем обмена или грабежа; сами кочевники не занимались ручным трудом. «Не думаю, — пишет Миннс, — что кочевники сами работали с металлом. Работа по металлу была уделом рабов, покоренных народов», и трудно представить кого-то из приспешников Аттилы, тратящего время на художественную работу по металлу. Однако нет никакой причины, почему бы кочевнику не иметь с собой какого-то инструмент и небольшое количество материалов. У кочевника более свободный доступ к источникам сырья, чем, скажем, у кузнеца, ведущего оседлый образ жизни. Но дело в том, что кочевник изготавливал только при крайней необходимости очень небольшое количество изделий, которые оставили еле заметный след в археологических источниках.

Действительно было найдено несколько предметов, которые археологи с уверенностью приписывают кочевым народам, хлынувшим в Европу в древние и Средние века. К сожалению, уровень современной науки не дает возможности сказать, были ли эти предметы привезены в степь, а если нет, то можно ли часть из них приписать гуннам. В 1932 году вышел в свет серьезный труд профессора Алфельди под названием «Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung», в котором автор утверждал, что по крайней мере четыре группы предметов можно считать принадлежностью гуннов. В 1935 году другой венгерский ученый, Золтан, заявил,

что предметы, которые Алфельди определил как гуннские, в действительности являются римскими предметами, вывезенными из империи и известными также по раскопкам в Унтерзибенбрунене¹, в Нормандии и на юге России.

Недавние открытия и тщательное изучение предметов, на которые ссылается Алфельди, внесло столько неясностей в изучаемый вопрос, что опытный археолог, если бы взялся писать о гуннах, едва ли смог извлечь какую-нибудь пользу из обнаруженных находок. И конечно, что уж говорить о тех, кто никогда тщательно не исследовал чайник, найденный в Малой (Западной) Валахии, и для которых Ходmezёвашархей² ничего не говорящее название.

Гунны не чеканили монет, поэтому можно было с уверенностью предположить, что вряд ли удастся обнаружить большое количество нумизматических находок. Так на самом деле и произошло, но римские монеты, найденные в различных районах, где господствовали кочевники, похоже, позволяют сделать пару выводов. Однако эти выводы всего лишь предположения и служат только незначительным подтверждением имеющихся письменных свидетельств.

2

Совершенно ясно, что, изучая историю гуннов, мы можем полагаться исключительно на свидетельства греческих и римских путешественников и историков.

Очень может быть, что, когда гунны в семидесятых годах IV века начали двигаться в западном направле-

¹ Унтерзибенбрун — поселок в Австрии, в федеральной земле Нижняя Австрия.

² Ходmezёвашархей — город на юго-востоке Венгрии в долине реки Тиса, где во время раскопок был обнаружен клад золотых римских монет весом 6 кг.

ни, Аммиан Марцеллин¹ уже решил написать историю своего времени. Во всяком случае, когда он написал свою тридцать первую книгу приблизительно в 395 году, он считал нужным написать о новоприбывших и дал их описание².

¹ Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 395 н. э.) — величайший историк поздней Римской империи, по происхождению грек, родился в Антиохии (Сирия). Принимал участие в персидской кампании императора Юлиана в 363 г. Известно, что Аммиан посетил Грецию и Египет, в 371 г. вернулся в Антиохию, а вскоре после 378 г. поселился в Риме, где и находился до конца жизни. В Риме Аммиан написал историю Римской империи от царствования Нервы (96—98 гг. н. э.) до битвы при Адрианополе (378 г. н. э.). Таким образом, его сочинение продолжает историю Рима с момента, которым завершил свою «Историю» Тацит. Хотя Аммиан называет себя греком и греческий был его родным языком, писал он на латыни, поскольку предназначал свой труд для читателей-римлян. Благодаря своей «Истории», включавшей 31 книгу, Аммиан заслужил авторитет у современников как в Риме, так и в Антиохии.

² 1. ...Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко изрезывают щеки острым оружием, чтобы тем задержать свое временное появление волос на зарубцевавшихся нарезах, то они доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо обтесанным наподобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов. 3. При столь диком безобразии в них человеческого образа, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются коренями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои седла и дают ему немного попреть. 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания... У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша... Тело они прикрывают льяной одеждой или же сшитой из шкурок лесных мышей. 6. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют... Когда приходится совещаться им о серьезных дела, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути... 8. ...В бой они бросаются, построившись клином, и издают они при этом грозный вызывающий крик... Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили

До Марцеллина не появлялось трудов, сопоставимых по масштабу с его «Историей», так что у нас не должно быть никаких сомнений в том, что его описание гуннов есть нечто большее, чем по-новому сформулированные уже известные факты.

Итак, этот труд вышел из-под руки хорошо известного, получившего признание историка. Недостатком, если уж быть до конца честным, является то, что Аммиан, по всей видимости, никогда в жизни не видел гунна и не мог полагаться на собственные наблюдения. Следовательно, страницы его «Истории», посвященные гуннам, суммируют информацию, полученную из вторых рук — от военных, гражданских чиновников и других лиц, входивших в непосредственный контакт с незнакомыми варварами. Его источники вполне могли ошибаться, и, хотя Аммиан, несомненно, считал их столь же надежными, как и тех, кто давал ему информацию по остальным разделам его «Истории», описания гуннов не всегда соответствуют действительности. Взять, к примеру, его заявление о том, что гунны питаются сырым мясом, которое они кладут на спины коней под свои седла и дают ему немного попреть. Теперь уже ясно, что это выдумка (подобные вещи проделывали и воины князя Святослава, после чего мясо слегка обжаривалось на углях). Автор далек от повсевенного быта. — Ред.), хотя в нее долго верили, как и в подобные рассказы о татарах во времена Тамерлана. Но это не преднамеренное искажение действительности; информаторы Аммиана Марцеллина были введены в заблуждение обычаями степных кочевников, природа которых получила объяснение сравнительно недавно.

вражеский лагерь... 10. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... (Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1996).

Аммиана обвиняли в более серьезном прегрешении. Ему нравилось вставлять в свой текст фразы и предложения, взятые у предыдущих авторов, и поскольку такие «вставки» встречаются в главе, о которой идет речь, был сделан вывод, что Аммиан «был сторонником традиционного изображения скитов и в целом северных варваров». Он использовал не только избитые эпитеты, говоря о гуннах; он приводил описание внешности и поведения гуннов в качестве свидетельства их дикости и жестокости. Аммиан приписывает гуннам качества, которые Помпей Трог¹ использовал в отношении скитов, и даже приписывает им черту, которую Тит Ливий² считал чисто африканской.

Все это так, но какой вывод мы можем сделать на основании вышесказанного? Однако не следует спешить с обвинениями в адрес историка, ведь многие кочевые племена имели сходные обычаи и внешние признаки. Аммиан честный автор, и в тех случаях, когда у него не хватает информации или она оказывается ложной, к примеру в попытке решить вопрос о происхождении гуннов, он не боится откровенно признаться в этом. Кроме того, он предпринимал титанические усилия, стараясь получить самую точную информацию о народах и областях, описываемых в книге, используя сведения, прочитанные в других книгах, и собственные наблюдения. Нет ни малейшей причины считать, что его мнение

¹ Помпеи Трог (I в. до н. э. — I в. н. э.) — римский историк, автор всемирной истории от легендарных ассирийских царей до Римской империи Августа; под названием «История Филиппа» (в 44 книгах) дошла до нас в кратком изложении (сокращение Юстина и «Прологи»).

² Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский историк. Жил и работал в Риме, пользовался покровительством императора Августа. Автор «Истории Рима от основания города», в которой погодно изложена вся история Рима от легендарного основания города до 9 г. до н. э. Из 142 книг «Римской истории» сохранилось 35 (описание событий до 293 г. до н. э. и 218—168 гг. до н. э.); содержание остальных книг известно по кратким изложениям и так называемым извлечениям позднейшего времени.

о гуннах целиком отрицательное и, оставаясь равнодушным к этому вопросу, он не стремился к особой точности изложения. Вставки, возможно, не выдерживают критики с точки зрения литературного стиля и стилистики, но в данном случае для историка они не играют никакой роли. Аммиан дает яркое описание гуннов, хотя и неполное, как мы увидим дальше. М. Ростовцев подтверждает это мнение, заявляя, что Аммиан Марцеллин дал «точное, абсолютно реалистичное описание их образа жизни».

В данной книге утверждения Аммиана будут считаться убедительными, кроме редких случаев (как в примере с сырым мясом), где можно доказать их ошибочность.

3

Информация, содержащаяся в «Истории» Аммиана, имеет отношение к обществу гуннов, которое существовало с 376 года, когда гунны впервые вошли в контакт с остготами, и до 395 года, когда Аммиан издал последнюю часть своей «Истории». Как нам известно, первым путешественником, описавшим свое посольство к гуннам, был Олимпиодор¹ из египетских Фив. В 412 году к королю гуннов Донату из Константинополя был направлен посол Олимпиодор, который спустя несколько лет написал историю своего времени, включив в нее описание своей деятельности и, очевидно, посольство к гуннам. К сожалению, до нас не дошел оригинал сочинения Олимпиодора, который, безусловно, пополнил бы наши знания о кочевниках.

¹ Олимпиодор — историк, приближенный императора Гонория. Его трудом, который состоял из 22 книг, интересовался крупнейший книжник своего времени, знаменитый патриарх Фотий (ок. 820—891), который и передал нам произведение Олимпиодора в виде своих тщательно сделанных записей, точнее, выборок.

В своей работе он, возможно, показал пристрастное отношение в изложении некоторых спорных эпизодов внутренней римской истории, но у него была страсть к статистике и географической и хронологической точности изложения событий, и он обладал умением тонко ощущать социальные различия. Даже в дошедших до нас фрагментах мы можем обнаружить следы его точной терминологии. Он проводит четкое различие между военным командующим союза варварских племен и военачальником отдельного племени, называя первого правителем, а второго королем; дальше у нас еще возникнет проблема с королями гуннов. Кроме того, Олимпиодор был хорошо знаком с делами Западной Римской империи и обладал глубоким знанием латыни. Это очень важные факты, поскольку в годы с 407 по 425, которые Олимпиодор охватывает в своей работе, гунны обращали свое внимание в большей степени на Западную, чем на Восточную империю. Теперь становится понятным, что, если бы труд Олимпиодора сохранился, он представлял бы огромную ценность. Однако нам не следует довольствоваться только довольно кратким пересказом его описаний гуннов, который сохранил для нас Фотий. К счастью, Зосим² и церковный историк Созомен³ активно использовали труд Олимпиодора, поэтому часть их рассказов имеет чрезвычайно важное значение, поскольку почерпнуты из столь талантливого источника.

Однако следует помнить, что Зосим также использовал труды Евнапия³, который был наделен более чем полагается одному человеку недостатками.

¹ Зосим — позднеримский историк (конец V в.). Автор «Новой истории» (в 6 книгах, написана около 498 г.), в которой кратко изложена история Римской империи от Августа до взятия Рима Альрихом I (410 г.).

² Созомен — греческий церковный историк. Его «Церковная история» охватывает период с 323 по 439 г.

³ Евнапий (ок. 347 — ок. 420) — византийский историк и софист. Учился в лидийском городе Сарды у неоплатоника Хрисан-

Следовательно, мы должны с особой тщательностью проводить различие между теми частями работы Зосима, которые основываются на сочинении Евнапия, и теми, в которых он пересказывает Олимпиодора.

4

Последний посетивший гуннов человек, который представляется нам наиболее важным для изучения Аттилы, это Приск Паннийский, но для понимания его «Истории» нам необходимо прояснить пару фактов, касающихся обстоятельств, в которых греческие историки создавали свои труды. Их книги были предназначены только для узкого круга образованных людей, и, по причинам, о которых мы скажем позже, эти образованные читатели рассчитывали, что сочинения будут соответствовать определенным канонам. Во времена Приска в прозаических произведениях не допускалось использование выражений из обычной разговорной речи. Считалось, что, в частности, упоминание технических терминов наносит вред высокому стилю. Заслуга Олимпиодора состоит в том, что он пренебрег принятым правилом и смело написал, к примеру, о королях гуннов. К сожалению, Приск не последовал за Олимпиодором, а потому внес элемент неопределенности в свою работу, которая понравилась нам намного больше, если бы была более конкретной.

С другой стороны, цитаты из классических авторов считались признаком хорошего стиля, и в этом Приск преуспел в полной мере. Когда его подводила инфор-

мация, будущего воспитателя императора Юлиана Отступника, продолжал обучение в Афинах у христианина Проэрессия. Написал историческую хронику, прослеживающую события до начала V в., центральное место в ней отведено правлению императора Юлиана, которому дана высокая оценка. В то же время Евнапий критиковал действия Константина Великого, называя его «врагом и убийцей философов» в своем труде «Жизнеописания софистов».

мация — а это касается особенно случаев, имевших отношение к перемещению племен и ходу военных операций, — он вставлял в свою работу фразы и предложения, взятые из произведений популярных авторов, которые позволяли ему преодолевать трудности, возникавшие на пути повествования. Из этого не следует, что каждая заимствованная фраза, найденная в его работе, скрывает факт или ряд фактов, которые историк был не в состоянии найти у своих источников или в документах, которые бы мог использовать. Однако описания осады Наисса, причина перемещений степных племен и так далее, показывают, что в его работе существует много слабых мест. Читатель обратит внимание на резкий контраст с манерой Аммиана. Вставки в работах Аммиана не что иное, как свойственный ему литературный стиль: он знал, что хочет сказать, но не знал, как это выразить, и обращался за помощью Ливию и Тациту. В то время как Приск цитировал Геродота, когда ему уже совсем нечего было сказать.

Некоторые из его вставок ввели в заблуждение современных историков. В связи с этим существует распространенное мнение, что в IV и начале V века не все гунны как единое целое двинулись в западном направлении и подчинили готов, а только «королевские» семьи гуннов. Алфельди, к примеру, пишет: «Здесь (в Валахии в 380 году) приток людей в целом приостановился; только правящий клан перемещался в западном направлении в течение последующих тридцати лет и в результате этого движения вошел в прямой контакт с Западной Римской империей». Теперь единственным свидетельством этой точки зрения является повторение фразы «царские скифы» у Приска. Чрезвычайно опасно основывать теорию на этой фразе. Конечно, это просто вставка, косвенно позаимствованная у Геродота, и, заглянув к Зосиму, можно понять, что Евнапий первым предложил отождествлять гуннов Центральной Европы с «царскими скифами» по Геродоту. То, что

это определение есть у Приска, не что иное, как его *литературный* долг по отношению к Евнапию и Геродоту. Приск использует эту фразу только в отношении Аттилы и Бледы и их заместителей, но никогда в качестве собирательного термина в отношении всех гуннов Центральной Европы.

Однако использование Приском термина «скиф» не внесло никакой путаницы в современные труды, и в этом, я уверен, заслуга Бюри.

Бюри показал, что есть различие между используемыми Приском терминами «скиф» и «гунн». «Скиф» — общее обозначение всех кочевников, а поскольку многие кочевые народы объединились под Аттилой, был найден очень удобный термин для их определения. Итак, гунны были скифами, но не все скифы были гуннами. Однако большинство ученых не признает подобного разграничения и употребляет термин «гунн» в отношении всех без разбору северных кочевых варваров. Однако это свидетельствует о неправильном понимании канонов историографии во времена, когда писал Приск. В то время термин «гунн» еще не был в ходу у классических историков. Термин считался новым варварским названием, которого историки избегали, если это было возможно, стараясь не использовать в своих сочинениях. Позже, когда работы Приска стали, в свою очередь, классикой, мы находим историков, которые использовали термин «гунн», так же как Приск термин «скиф». Это стало возможным после долгого употребления этих терминов, когда слово «гунн» стало известно каждому читателю, и появились новые, необычные названия, такие как турок, хазар, печенег и тому подобные, которые не рекомендовалось упоминать. В таком случае нам придется предположить, что, когда Приск говорит «гунн», он имеет в виду это рассуждение, и, соответственно, мы не можем следовать за теми многочисленными учеными, которые считают, что акациры не были гуннами и что Эдеко (Эдикон) был германцем, несмотря на противо-

положное утверждение Приска. (В V веке хазары, как считает Приск, принадлежали к империи гуннов и назывались акациры¹.)

Из каких источников Приск черпал информацию? Нам не известно, была ли у него возможность использовать в своем сочинении документы прошлого. По словам Эвагрия, история правления Маркиана (450—457 гг. — Ред.) была написана «другими», и один или несколько неизвестных историков опубликовали свои сочинения до появления «Истории» Приска. Во всяком случае, судя по тому, насколько точно Приск описывает многие соглашения с гуннами, становится ясно, что он имел доступ к официальным документам. Кроме того, возможно, что он получал более или менее ценную информацию из бесчисленных речей, панегириков, памфлетов, исторических поэм и тому подобного. Но в целом самое верное предположить, что Приск черпал информацию из бесед с участниками событий, которые он описывал, но на которых лично не присутствовал. Его источником, по всей видимости, был Вигила, переводчик, присутствовавший на тайных беседах Хрисафия² и Эдеко, которого евнух пытался склонить к убийству Аттилы.

¹ Если Эдеко был германцем, то почему Хрисафий разговаривает с ним через переводчика Вигилу? (*Примеч. авт.*)

² Хрисафий Этотма — влиятельный евнух в чине кувикулярия при дворе императора Феодосия II. Год рождения неизвестен, умер в 450 г. Отличался красивой внешностью и большим корыстолюбием, сохранились слухи о его интимных отношениях с императором. Занял властное положение после конфликта, закончившегося прекращением всяких отношений между императором и его супругой. Принял на себя звание патрона партии прасинов. Активно интриговал против своих соперников, добиваясь безраздельного влияния на слабовольного императора. Был замешан в организации убийства видного византийского военачальника Иоанна-вандала, погубил карьеру популярного в народе префекта столицы и претория Кира, на долгие годы отстранил от власти сестру императора Августу Пульхерию. Пытался подбить германца Эдеко, состоящего на службе у повелителя гуннов, на убийство Аттилы за 50 фунтов золота. Эдеко передал сведения о намерениях византийцев Аттиле, и тот потребовал выдачи Хрисафия. Но конфликт удалось уладить диплома-

Мы знаем, что Вигила присутствовал на этих беседах и впоследствии рассказал о них историку. Если представить, что устные источники снабжали Приска основной информацией, то тогда следует относиться к его ссылкам на историю Запада с большой осмотрительностью. Знаменитый отчет о поездке Приска к Аттиле, естественно, попадает в эту категорию. Его отчет такой детальный, можно сказать, поминутный, что мало кто поспорит с утверждением Ходжкина, что Приск вел записи не просто ежедневно, но ежечасно и даже ежеминутно в течение всего посольства к Аттиле. В противном случае как объяснить, что он так точно воспроизводит все детали.

Возможно, Бюри преувеличивает достоинства Приска, когда объявляет его величайшим историческим писателем своего времени. Огорчает тот факт, что в сохранившихся фрагментах сочинения Приска очень мало хронологических отметок, не хватает географических данных, видна некомпетентность Приска как военного историка и т. д. Таким образом, по нашей оценке, выдержки из «Истории» Олимпиодора занимают более высокое место, чем «Византийская история» Приска. Тем не менее достоинства этого сочинения неоспоримы. Нет необходимости подчеркивать динамичность и живость повествования. Приск, по словам Бюри, мастер рассказа. Нам нет необходимости подробно останавливаться на его умении разъяснять курс дипломатии Византии или на огромном количестве достоверных сведений, содержащихся в работе, когда она существовала в полном объеме. Воссоздание истории Восточной Европы в середине V столетия представляет большую трудность: без фрагментов Приска нам при-

тическими средствами и богатыми дарами, и Хрисафий остался у власти. Карьера Хрисафия закончилась за несколько месяцев до смерти Феодосия; бывший фаворит по неизвестным причинам был отправлен в ссылку. После смерти Феодосия II Пульхерия выдала Хрисафия на расправу Иордану, сыну Иоанна-варвара.

шлось бы очень непросто. Остальные авторы донесли до нас отдельные факты, имеющие отношение к светским делам этого столетия, и только Приск рассказал нам историю.

5

Кроме летописцев, все последующие историки, сообщавшие нам интересную информацию о гуннах, черпали свои знания из работы Приска. Следовательно, они не требуют особых комментариев на страницах этой книги.

Изданная вскоре после 476 года (фрагмент 42, возможно, не был написан до смерти Василиска) работа Приска получила известность даже на Западе. Об этом говорит Кассиодор, основной источник Иордана. Его долг по отношению к Приску подробно объясняет Моммзен (Теодор Моммзен (1817–1903), немецкий историк Древнего Рима. — Ред.). Он отмечает, что все рассказы об Аттиле Иордан взял у Приска, но в них не осталось и следа от Приска. Первое место в «Гетике» Иордана, взятое у Приска, содержит описание характера Аттилы и рассказ о его экспедиции в Галлию, а во втором говорится о смерти Аттилы, похоронах и о распаде его империи. Моммзен замечательно показал пре-восходство стиля Иордана в этой части его сочинения — яркая характеристика гуннов, красивая песня, исполненная на похоронах Аттилы, скрупулезная мотивация событий, вдумчивость, когда предположение оборачивается замечательным афоризмом, удачными сравнениями. Когда мы постигаем два эти места в работе Иордана, говорит Моммзен, «из мира варваров мы, кажется, возвращаемся в цивилизацию и слышим культурную речь вместо высокопарного стиля монаха из Мёзии». Похвала весьма относительная: Моммзен имеет в виду другие части работы Иордана. Даже в от-

рывках, взятых у Приска, Иордан демонстрирует свою гениальность в неправильном толковании самого простого рассказа из предоставленного ему источником.

В Восточной империи Иоанн Малала¹ был среди тех, кто ценил работу Приска, но, прочитав ее, пришел к выводу, что Аттила был не гунном, а гепидом.

Эвагрий отдает должное точности, с какой Приск описал жизнь Аттилы, и, хотя замечает, что этот период также освещен другими авторами, но только Приск обнародовал множество фактов, имеющих отношение к светской истории середины V столетия. К сожалению, выражения, заимствованные им у Приска, он без разбора относит к многим авторам (включая себя), поэтому мы не знаем, какие характерные особенности отличают его работу. И наконец, Иоанн Антиох в качестве одного из источников использовал «Византийскую историю», и три его фрагмента совпадают с тремя фрагментами Приска. Это большая удача, поскольку Антиох просто переписал авторитетный источник, сохранив подлинные слова Приска, и, таким образом, помог нам решить важный хронологический вопрос.

Но вот что действительно кажется удивительным, так это то, что Прокопий Кесарийский раскопал факт, который имел печальные последствия для некоторых частей его сочинения. Он связывает наступление великого гунна с 376 годом, *после* заселения вандалами Африки, и сообщает, что осада Аттилой Аквилея произошла *после* смерти Аэция, что, по справедливому замечанию Гиббона, является «непростительной ошибкой». Ученый, изучающий историю гуннов, не может надеяться на большую помощь со стороны Прокопия.

Короче говоря, наша главная задача — восстановить историю Аттилы и гуннов. Хочется надеяться, что после дальнейших исследований археологи смогут внести

¹ Иоанн Малала — византийский хронист. Видимо, сириец по происхождению. Биография неизвестна.

заметный вклад в наши знания по данному вопросу. Будьте уверены, что мы не просто так рассказываем о той или иной работе о гуннах. Мы хотим узнать, что авторами *сделано*, и если сделано, то где они брали материалы, при каких обстоятельствах это происходило, в каких условиях они работали, чтобы в результате получить законченную вещь. Даже с теми знаниями, которыми мы обладаем на данный момент, нам должно сильно повезти, чтобы познакомиться не только с Аттилой и гуннами, но и с другими варварами-захватчиками V столетия.

Глава 2

ИСТОРИЯ ГУННОВ ДО АТТИЛЫ

1

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру». Аммиан Марцеллин не делает никакой попытки вытащить гуннов из азиатской глубины. Он не выдвигает никаких нелепых предположений, связывая гуннов с каким-либо давно известным племенем варваров. В ходе подготовительной работы он крайне редко сталкивался, если это вообще происходило, с таким названием. У него, возможно, было личное мнение о происхождении гуннов, но, если это и так, его мнение основывалось ни на каком-то конкретном свидетельстве, а потому он просто говорит, что они жили там, где они жили, когда история впервые узнала о них. Для Аммиана их история началась в Восточной Европе, к северу или северо-востоку от Азовского моря, и жили они у Ледовитого океана. Он даже не догадывается, почему они покинули родные места.

Где Аммиан боялся сделать шаг, там не задумываясь врывался Евнапий. Существует история, объясняющая первое появление гуннов, которую можно прочесть в любой исторической литературе, относящейся к истории Византии. Эту историю можно найти у Созомена и Зосима, у Приска и Иордана. Затем она появляется у Прокопия Кесарийского и Агафия Миренейского.

28

Вторжение арабов не смогло остановить ее появление на страницах следующих историков. Ее можно прочесть у Симеона Логотета (именуемого также Симеон Магистр и Симеон Метафраст), в славянской и греческой версиях у Льва Грамматика и Феодосия из Мелитены. Затем она появляется у Цедренуса и, наконец, в начале XIV века в «Церковной истории» Никифора Каллиста. Немного историй подобного рода имели такую долгую жизнь.

Согласно этой истории, готы и гунны долгое время жили рядом, ничего не зная о существовании друг друга. Их разделял Керченский пролив; и те и другие считали, что за горизонтом нет земли. Но однажды быка, принадлежавшего гуннам, ужалил овод, и он побежал через болото на противоположный берег. Пастух бросился за быком и обнаружил землю там, где предполагалось, что ее нет. Он вернулся и рассказал об этом соплеменникам. Существовал и второй вариант истории, согласно которой несколько гуннских охотников, преследуя оленя, перебрались через залив и с удивлением увидели землю «более умеренную по климату и удобную для земледелия». Они вернулись назад и доложили об увиденном остальным гуннам. Был ли бык или олень виновной стороной, но вскоре гунны пересекли пролив и атаковали готов, населявших Крым.

Эта легенда впервые появилась в «Истории» Евнапия, и мы стали счастливыми обладателями фрагмента его работы, где он рассуждает о происхождении гуннов. Евнапий откровенно пишет, что никто не может дать ясный ответ на вопрос о происхождении гуннов и о стране, в которой они жили до того, как отправились завоевывать Европу. С учетом этого он включил в свой труд то, что показалось ему вполне правдоподобным, но потом изменил свое мнение и заменил на более приемлемый вариант. О чем он говорит? Труд Евнапия дошел до нас в отрывках, и в них нет самой легенды. Евнапий, «чтобы не составить сочинения из одних ве-

29

роятностей и чтобы изложение наше не уклонялось от истины», оговаривается, что использует «сведения, заимствованные из древних писателей, сопоставляя по правдоподобным соображениям, а современные известия взвешивая с точностью» (Евнапий, фр. 41). А.А. Васильев излишне доверчиво относится к словам Евнапия, когда пишет: «Из отрывка Евнапия (о том, что он будет излагать лишь правдивые истории) видно, что уже в конце IV — начале V века вопрос о первом появлении гуннов в Восточной Европе излагали различно и уже в то время об этом ходили рассказы, которые вызывали сомнения относительно их правдивости. Так как Евнапий лег в основу изложения, по крайней мере, некоторых последующих историков, писавших о гуннском вторжении, то мы почти с уверенностью можем сказать, что легенда об олене или лани, в связи с переходом гуннов на Таврический полуостров, уже находилась в сочинении Евнапия и была именно тем более ранним материалом, который позднее приводил его в смущение». Увы, это не совсем так. Когда Евнапий говорит, что обращался за помощью к древним писателям, то это были не историки, а поэты. Васильев, рассматривая версию легенды, содержащейся в сочинении Созомена, обращает наше внимание на фразу: «...ужаленный оводом бык перешел через озеро, и за ним последовал пастух...» «Ужаленная оводом» взято у Эсхила из мифа об Ио, которая, «ужаленная оводом», бежала из страны в страну. Мы должны согласиться с Васильевым, что вариант с быком не что иное, как «пережиток античного мифа об Ио, в которую влюбился Зевс, и, чтобы скрыть ее от своей жены Геры, превратил в корову». Евнапий поместил в начале своей работы вымышленный рассказ, чтобы объяснить первое появление гуннов, хотя затем изменил свое мнение в свете сообщений о гуннах, полученных им позже. Нет нужды говорить, что эта легенда не дает ответа на вопрос, почему гунны напали на Крым, и непонятно,

почему некоторые ученые сделали вывод, что кочевники пересекли Керченский пролив зимой по льду залива. Единственный правильный вывод, который мы можем сделать на данный момент, что в самом начале V века никто точно не знал, как гунны переправились в Крым, чтобы атаковать остготов.

Из более поздних версий истории Евнапия мы можем понять, что он делал несколько попыток идентифицировать гуннов с разными народами, известными в древности. Зосим, опираясь на авторитет Евнапия, говорит, что мы должны идентифицировать гуннов или с «царскими скифами», или с «курносым народом» (Геродот упоминает и тех и других), или мы должны просто предположить, что гунны берут начало из Азии и оттуда пришли в Европу. Филосторг выдвигает дополнительное предположение, которое — мы можем даже не сомневаться — извлек из сочинения Евнапия. Он склонен отождествлять гуннов с небрами, о которых Геродот говорил как о чуть ли не мифических людях, живших на самом дальнем краю Скифского государства. Во всяком случае, мы можем сказать, что Евнапий делал все возможное для своих читателей. Он высказал по крайней мере четыре предположения о происхождении гуннов, три из которых основывались на соображениях Геродота, и те читатели, которые не согласились хотя бы с одним из этих предположений, по мнению Евнапия, имели очень тяжелый характер.

Теории Евнапия не исключали полностью другие предположения. На этот счет у Павла Оросия¹ было собственное мнение, отличное от Евнапия.

Он упоминает гуннов как живших недалеко от Кавказа и считает, что нет ничего таинственного в их нападении на готов и римлян; совершенно очевидно, что

¹ Оросий из Кордовы — христианский писатель IV—V вв., друг и ученик Августина и Иеронима, автор богословских сочинений и «Истории против язычников», в которой защищал христиан от обвинений в содействии гибели античного мира.

это заслуженное наказание за грехи. Гунны были долго заперты в неприступных горах, но Бог выпустил их как наказание за наши грехи, считает Оросий. Вероятно, многие христиане думали как Оросий, но были и те, кто обратился за информацией к Геродоту, отождествляя гуннов с теми скифами, которые на протяжении двадцати лет взыскивали ежегодную дань с Египта и Эфиопии. (Около 630 г. до н. э. скифы из Северного Причерноморья, пройдя перед этим Закавказье, Сирию и Палестину, вышли к Египту, который сумел откупиться. — Ред.) В свою очередь, Прокопий внес свою лепту, предположив, что новоявленные захватчики были не кем иным, как киммерийцами. (За 50—80 лет до скифов, преследуемые ими, на Ближний Восток вторгались киммерийцы (либо, как и скифы, ираноязычный, либо фракийский индоевропейский народ), но так далеко, как позже скифы, не прошли — громили Урарту, Северную Ассирию, Малую Азию, где в конце концов были разбиты лидийцами. — Ред.) На протяжении долгого времени ученые предпринимали отчаянные попытки, стремясь разгадать эту тайну. Константин VII Порфирогенет (Багрянородный) (византийский император Македонской династии, правивший в 908—959 годах) считал, что Аттила был королем аваров и его завоевания привели к основанию Венеции. Еще более любопытным было мнение Константина Манассеса, поэта, который считал, что фараон Сесострис сделал гуннов союзниками и после завоевания Азии отдал им Ассирию (древнее государство на территории современного Ирака) и переименовал гуннов в парфян. В XII веке этот ход мысли привел к логическому выводу Иоанна Цецеса. По его мнению, гунны принимали участие в Троянской войне; Ахиллес прибыл в Трою во главе армии гуннов, болгар и мимидонцев.

Не принимая во внимание эти последние фантазии, позвольте вернуться к первым из высказанных сооб-

ражений, поскольку они требуют некоторых комментариев. Действительно ли Евнапий и его последователи отождествляли гуннов с неврами, шимейцами и прочими кочующими народами? Неужели один из высокопреосвященных епископов V столетия, о котором мы еще будем говорить на страницах этой книги, действительно считал, что гунны ели своих родителей? Весьма сомнительно. В то время греческие дознаватели не считали, что в их обязанность входит, подвергая себя опасности, отправляться в степь в поисках истины о кочующих там свирепых варварах. Аммиан и Олимпиодор могли более серьезно подходить к изучению вопроса, чем их современники, но в большинстве случаев ни историкам, ни народу не требовалась абсолютная правда в описании северных кочевников. Однако каждый писатель считал своим долгом продемонстрировать знание произведений классиков, являвшихся наследием его класса. Знание классических произведений отличало образованный класс от остального населения. «Вам хорошо известно, — писал Либаний императору Юлиану в 358 году, — что, если кто-нибудь уничтожит нашу литературу, мы окажемся на одном уровне с варварами», и спустя столетие такие же высказывания делали представители обеспеченных слоев общества. Сидоний¹ пишет своему корреспонденту: «Когда отобрать у нас звания, благодаря которым высшие отличаются от низших, то единственным признаком высшего сословия будет знание литературы».

То, что авторы отождествляли гуннов с массагетами², придерживаясь точки зрения Геродота, который

¹ Сидоний — галло-римский писатель, с 471 или 472 г. епископ в Арвернах (современный Клермон-Ферран, Франция). Его сочинения — ценный источник по истории поздней Римской империи.

² Массагеты — собирательное название ираноязычных кочевых и других племен Закаспия и Приаралья в сочинениях древнегреческих авторов.

упоминал этих кочевников древности, приукрашивали рассказы об их войнах фразами из Тацита¹, не является признаком детской доверчивости или невероятной глупости.

Это просто говорило о том, что автор принадлежит тому социальному классу, который Сидоний сравнивает с римским сообществом, по его словам, «единственным сообществом в мире, в котором чужими являются только рабы и варвары».

Но давайте обратимся к готам. У них не было работ Эсхила или Геродота, на которых они бы могли основывать свои предположения. Вместо этого среди них ходила народная легенда, которая сохранилась в сочинении Иордана. Согласно этой легенде, некогда жил король готов по имени Филимер, пятый по счету правитель, после того как готы покинули Скандинавию. Среди своих подданных он обнаружил колдунов, на языке готов алиорумнов. Он изгнал их из подвластной ему страны в безлюдные пространства скифской пустыни. Там нечистые духи, странствующие по пустыне, совокупились с ними, в результате чего появилось самое дикое из всех известных племен — «племя маленьких, отвратительных, живущих в нищете полулюдей». Мало кто усомнится, что эту историю рассказывали именно напуганные готы, пораженные свирепостью атаковавших их гуннов.

Принимая во внимание все эти бесчисленные предположения, трудно не восхититься сдержанностью Аммиана, писавшего, что «племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру».

¹ Тацит (ок. 58 — ок. 117 н. э.) — один из величайших историков Древнего Рима.

В то время у историков, писавших для образованной публики, было принято заменять непривычные названия племен и имена варваров на давно знакомые названия и имена, данные Геродотом и Тацитом. Иначе дело обстояло с историками, чьи работы предназначались для чтения монахов и неспециалистов. С ними было бессмысленно говорить о неврах и шимейцах, о которых они никогда не слышали. А вот о гуннах и гепидах слышал каждый. Таким образом, мы часто находим у Иоанна Малала и других писателей, произведения которых читали люди необразованные, названия варварских племен, наводящих ужас, даже если они были неизвестны в те времена, о которых идет речь. Вот почему мы читаем у Иоанна Малала, что Люций Вер (соправитель Марка Аврелия) и император Карл встретили свою смерть в сражениях с гуннами. Мы также читали у неизвестного автора, что Константин Великий пересек Дунай и завоевал земли гуннов. Однако мы можем смело не учитывать эти утверждения. Современные ученые имели обыкновение считать, что, когда Дионисий Перигет¹ упоминает тохаров, фрунов и варварские племена из Сереса², он имеет в виду сюнну, которых часто отождествляли с гуннами.

Теперь, опровергнув эту точку зрения, от нее отказались. Дионисий также пишет о племени, живущем у Каспийского моря, называя их уннами. Переписчики изменили неизвестное название с «унны» на «гунны». У Птолемея (книга III, глава 5) мы находим такие строчки: «...между бастарнами и роксоланами живут

¹ Дионисий Александрийский, прозванный Перигет, то есть сочинитель перигезы, автор греческих дидактических поэм.

² Серес — самое раннее название, под которым Китай был известен в Римской империи («Серес» от латинского «серикус» — «шелк»).

гунны». Опираясь на эти свидетельства, можно с уверенностью сказать, что в начале II века нашей эры гунны уже поселились в областиPontийского моря, вероятно, между Бугом и Днестром. Но кажется весьма сомнительным, что они могли жить там на протяжении двухсот лет и римляне ничего не знали об их существовании. Если они соседствовали с бастарнами и роксоланами, почему их появление в конце IV века вызвало такое удивление? С другой стороны, Птолемей поместил их в очень неожиданном месте, если на самом деле они были предками гуннов, которые, вне всякого сомнения, поселились в бассейне Кубани или рядом, когда о них впервые узнали готы. Можно предположить, что сходные названия «унны» и «гунны» просто совпадение. Следует заметить, что, хотя западные римские писатели часто упоминают гуннов, никто из восточных римских писателей не употреблял горячанно звучавших букв в начале названия.

Безотносительно от сведений, полученных у Птолемея, нам не следует слишком решительно отбрасывать предположение, что персы и римляне сталкивались с гуннами уже в 363 году. В том же году Иовиан¹ подписал мирный договор с Шапуром, шахом сасанидского Ирана.

В договоре предусматривалось, что римляне и иранцы должны объединить усилия в строительстве укреплений в проходах Кавказских гор, чтобы защитить Армению от вторжения «варваров, которые неизвестны ни нам (римлянам), ни персам» (иранцам. — Ред.). Эти варвары не были теми гуннами, которые позже вторглись в Европу; это были кидариты, или черные гунны. Не только происхождение настоящих гуннов, но и их

¹ Иовиан Флавий Клавдий — римский император, родился около 311 г., один из военачальников свиты императора Юлиана, после смерти которого в 363 г. провозглашен императором, восстановил господствующее положение христианства в империи. Умер в 364 г.

перемещение и деятельность до последней четверти IV столетия остаются для нас такой же тайной, какой они были для Аммиана Марцеллина.

3

В 376 году римские военачальники, командовавшие гарнизонами на Дунае, получили донесения, что среди северных варваров началось необычно сильное оживление. Сообщалось, что все народы от Тисы до Черного моря пришли в волнение. Дикий народ необычайной свирепости вселил в людей такой страх, что они в спешке покидают свои дома. Римские военные отнеслись к этим сообщениям равнодушно. Их опыт подсказывал, что не следует ждать каких-то исключительных событий. Но слухи продолжали распространяться, и, наконец, на северном берегу появились первые беженцы; они просили защиты у империи. К первым беженцам присоединились все новые и новые, пока на берегу не собрались огромные толпы людей. Римские военачальники ошиблись. Империя Эрманариха¹ пала перед гуннами.

Эрманарих был не первой их жертвой. Еще раньше гунны подчинили аланов. Западной границей территории, занимаемой аланами, служил Дон; о восточных границах их расселения в Римской империи сведений не было. Аланы были типичными кочевниками и каждую весну перегоняли свой скот на новые пастбища. У них не было храмов. Они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю (как и родственные им и тоже ираноязычные скифы. — Ред.). Аланы отличались тем, что не были знакомы с институтом рабства².

¹ Эрманарих (Германарих) — король остготов из рода Амалов; предводитель возникшего во второй половине IV в. в Северном Причерноморье обширного племенного союза во главе с остготами; покончил с собой в 375 г.

² Они не понимали значение слова «рабство». (Примеч. авт.)

Аланы часто устраивали набеги на Боспорское царство, и даже на Армению и Мидию, так что римляне считали их, как и других кочевников, неукротимыми воинами. Но теперь их победили. Нет письменных свидетельств, при каких обстоятельствах и когда аланы стали подданными гуннов. Нам только известно, что, перед тем как подчиниться гуннам, огромное количество аланов было безжалостно убито.

По-видимому, вскоре после 370 года гунны с подчиненными им аланами стали совершать набеги на богатые владения Остготского государства. Империя остготов простиралась от Дона до Днестра и от Черного моря до Припятских болот. Набеги поначалу совершили небольшие группы гуннов, но затем они перешли в полномасштабное наступление¹.

Хотя слухи о жестокости гуннов, доходившие до престарелого готского короля Эрманариха, приводили его в отчаяние, он все-таки долгое время держал себя в руках, но в какой-то момент его нервы не выдержали, и он совершил самоубийство. Место короля готов занял внуценный племянник Эрманариха, Витимир. В авангарде армии гуннов наступали аланы. Витимир встретил их армией, частично состоявшей из гуннов, которых он называл, чтобы они сражались на его стороне против своих соплеменников. Армия во главе с Витимиром несколько раз вступала в бой с гуннами, но каждый раз встречала отпор и отходила с огромными потерями. Наконец в битве на реке Эрак, где-то между Днепром и Днестром, Витимир, правивший остготами всего лишь год, был убит. Теперь большая часть остготов подчинялась кочевникам, но появившаяся впоследствии история, согласно которой остготы добровольно прекратили борьбу, только фантазия готов, стремившихся объяснить свое окончательное поражение.

¹ Первую попытку атаковать готов предпринял небольшой гуннский отряд, а затем гунны собрали мощную армию и победили готов. (Примеч. авт.)

Оставшимися в живых готами стал править сын Витимира, Видерих, но, поскольку он был слишком молод, командование армией было возложено на Алатея и Сафраха. Несмотря на опыт и храбрость Алатея и Сафраха, гунны постепенно оттеснили готов к Днестру.

Теперь гунны подошли к границам Атанариха, во�дя вестготов. Атанарих решил оказать сопротивление захватчикам, если остыгнуты подвергнутся нападению, и закрепился на берегу Днестра неподалеку от Алатея и Сафраха. Первым делом он отправил несколько своих военачальников под руководством Мундериха во главе большого отряда примерно на 30 километров вперед по берегу реки, с тем чтобы, во-первых, передовой отряд выяснил и сообщил о передвижениях врага, а во-вторых, для того, чтобы прикрыть основную армию и успеть подготовиться к обороне. Гунны сразу поняли, что отряд Мундериха всего лишь часть армии готов, и решили не обращать на него внимания. Они перехитрили Мундериха и, прежде чем он смог обнаружить их местонахождение, ночью при лунном свете перешли вброд Днestr в 30 километрах в тылу его отряда. Атанарих не подозревал об опасности. Неожиданная атака гуннов потрясла Атанариха и его армию. Не оказывая сопротивления, готы рассеялись по предгорьям Карпат, понеся не столь большие потери. По всей видимости, одновременно были разбиты Алатей и Сафрах.

Тогда Атанарих решил возвести защитное укрепление между Дунаем и Прутом¹.

Работа велась быстро, умело и энергично, но армия по-прежнему пребывала в страшном смятении: гунны буквально наступали готам на пятки, единственное, что сдерживало гуннов, они столько награбили, что отяжели и передвигались медленно.

¹ Прут впадает в Дунай, в старину его называли Хиерасус, у Птолемея — Герасус, у Аммиана — Парота, у древних греков — Пилетус.

Готы были охвачены паникой, они уже были не в состоянии оказывать сопротивление. Готы стали уходить от Атанариха; вместе с семьями, с вещами они устремились к Дунаю. Они бежали от этих «людей, которых никогда прежде не видели... которые появились из какого-то отдаленного конца земли и сметали и разрушали все, что попадалось им на пути», на плодородные земли Фракии, под защиту широкого Дуная и римских гарнизонов.

Чем большее число готов добиралось до Дуная, тем явственнее римские военачальники стали осознавать, что сообщения, к которым они поначалу отнеслись с пренебрежением, были не чем иным, как правдой.

4

Осенью 376 года готам (по словам современников, их было 200 тысяч¹) разрешили пересечь Дунай, и спустя два года, 9 августа 378 года, восставшие готы разгромили армию императора Валента в сражении при Адрианополе.

Римляне потерпели одно из тяжелейших поражений в своей истории; Аммиан Марцеллин сравнил это сражение с битвой при Каннах (при Адрианополе пало 40 тыс. римских воинов, в том числе император Валент — почти вся армия. При Каннах в 218 г. до н. э. было убито 48 тыс. и взято в плен 10 тыс. из участвовавших в битве 69 тыс. римских воинов; кроме того, позже были убиты или взяты в плен еще 6 тыс. римлян в малом лагере и несколько тысяч в большом лагере и округе. Спаслись 14 тыс. имевшихся в римской армии перед битвой. Ганнибал потерял 6 тыс. убитыми (по Титу Ливию, 8 тыс.) из 50 тыс. воинов, имевшихся перед битвой

¹ Данные, взятые у Евнапия, сильно преувеличены. Аммиан ясно говорит, что все попытки пересчитать готов не удались. (Примеч. авт.) (Если готовы разгромили более чем 40-тысячную римскую армию, то вместе с семьями их было не менее 200 тыс. — Ред.)

в карфагенской армии. — Ред.). А какова доля участия гуннов в этой «битве при Каннах»?

Осенью 377 года римская армия заперла готов в горах Фракии. Готы оказались в отчаянном положении. У них не было еды, и римляне пресекали все их попытки выбраться из западни. Часть готов все-таки смогла выскользнуть из западни. Они объединились с гуннами и алантами, кочевавшими к северу от Дуная. Агенты готов сулили огромную добычу, если кочевники помогут им выбраться из критического положения. Эффект этого союза дал поразительные результаты. Как только римские командующие узнали об этом, они тут же стали оттягивать свои войска. Готы выбрались из западни, в которую их загнали римляне, и опять принялись за опустошение несчастной Фракии.

Нет сведений, что гунны, которые так решительно спасли готов, покинули их перед сражением при Адрианополе. Сразу после сражения, когда готовы предприняли тщетную попытку застать врасплох Адрианополь, мы опять узнаем о тех же самых гуннах. Спустя несколько дней после победы мы находим их в компании с готовами. Мы не сомневаемся, что все это время они были с готовами, и нам не кажется невозможным, что римскую конницу, потерпевшую тяжелейшее поражение в римской истории, разгромили не только готовы, но и гунны (при Адрианополе римская конница, безуспешно атаковавшая укрепленную позицию готов, оставила без прикрытия свою пехоту и прозевала стремительную атаку со склона высот подошедшей к полю боя конницы готов, которая сокрушила и уничтожила римскую армию. — Ред.). Нет ничего удивительного в том, что об этом нет ничего в наших источниках: Римская империя оказалась в таком катастрофическом положении, что впоследствии никто не мог дать ясного отчета о том, что произошло в действительности¹.

¹ Аммиан упоминает о конном отряде аланов. (Примеч. авт.)

В последующие годы мы немного узнали о гуннах. Однако мы абсолютно уверены, что они приняли активное участие в разграблении и опустошении северных балканских территорий после сражения при Адрианополе. 19 января 379 года на трон взошел Феодосий I¹.

В первый год своего правления Феодосий разгромил несколько крупных отрядов гуннов, аланов и готов, свирепствовавших на Балканах. Сарматы, карпы (дакийское племя. — Ред.) и другие даки, как и аланы, находились в подчиненном положении у гуннов, которые вели себя с привычной жестокостью: по словам современника, «они крушили все с неудержимой яростью». В поздних источниках говорилось, что в 427 году гунны в течение пятидесяти лет занимали Паннонию. Это заявление решительно отрицалось, но, если вспомнить, что спустя несколько лет после восшествия Феодосия I на престол часть гуннов подошла к границе Галлии, разумно предположить, что на следующий день после сражения при Адрианополе большие участки Паннонии, особенно восточные области, уже находились под властью гуннов.

Хотя мы несколько раз слышали о «свирепости кочующих гуннов» в последующие годы, только в 395 году они предприняли первое крупное наступление на Римскую империю, и до прихода Аттилы набеги в тот год

¹ Феодосий I, или Великий, Флавий — римский император с 379 г. Родом из Испании, сын полководца. Был энергичным военачальником и ловким дипломатом. После гибели императора Валента был провозглашен августом (соправителем императора Грациана), получив в управление восточную часть империи. При Феодосии было приостановлено наступление готов (в результате победы над ними в 382 г., а также благодаря соглашению с ними и расселению их в качестве федератов на территории империи). Он окончательно утвердил господство ортодоксального христианства, преследовал сторонников арианства и запретил отправление языческих обрядов. При нем было разрушено много языческих храмов, сожжена (частично. — Ред.) Александрийская библиотека, в 394 г. отменены Олимпийские игры. Христианская церковь признала его Великим. Феодосий I был последним императором, объединившим власть над восточной и западной частями Римской империи.

велись в большем масштабе, чем в остальные годы. Зимой 395 года Дунай покрылся льдом, и гунны воспользовались возможностью перейти на территорию Римской империи и возобновить разорение страны, которое Феодосию I удалось только приостановить. Опять на Фракию пришелся главный удар, но Далмацию тоже ожидало вторжение. Клавдиан злобно заявляет, что фактически гуннов пригласил в империю Руфин, префект претория, чья позиция подвергалась яростным нападкам со стороны Стилихона¹.

Придерживаясь тех же идеалов, что Стилихон, Клавдиан сделал его героем большинства своих исторических эпосов и других политических произведений. Восхвалению действий Стилихона и поддержке его политики Клавдиан посвятил весь свой большой поэтический талант. Врагов Стилихона Клавдиан считал своими врагами, а поскольку Стилихон и Руфин были врагами, то делается понятным злобное высказывание Клавдиана в адрес Руфина. Однако мы знаем, что Руфин делал все возможное, чтобы облегчить страдания крестьян во Фракии.

Гунны, прилагая значительные усилия, продвинулись далеко на Восток. Их отряды, прорвавшиеся через перевалы Кавказа, наводнили Армению и набросились на богатые области Восточной Римской империи. Дым стоял над домами Каппадокии (современный юго-восток Турции). Захватчики, по слухам, подошли к реке Галис².

¹ Стилихон Флавий — римский полководец и государственный деятель. Вандал. Выдвинул на военной и дипломатической службе при императоре Феодосии I. После смерти Феодосия I, назначенnyй опекуном малолетнего императора Гонория, фактически стал правителем Западной Римской империи. Вел успешную борьбу с варварами в Британии, на Рейне и Дунае. В 402 г. дважды — при Поллениции и Вероне — одержал победу над Аларихом I, в 406 г. при Фьезоле — над варварскими племенами, которые возглавлял Радагайс. Был убит по приказу императора Гонория в результате придворных интриг.

² Галис — река Кизылрымак в Малой Азии, впадающая в Черное море восточнее Синопа.

Они вторглись в Сирию, и Антиох обращается к ее защитникам: «Вражеская кавалерия несется вдоль берегов Оронта¹, а дома до сих пор танцуют и поют счастливые люди».

Толпы взятых в плен людей и огромные стада уводили к северу от Кавказа. В Армении гунны дошли до Мелитены².

Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Келесирии и Килиции. Иероним очень ярко описал этот набег: «Вот волки, не Аравии, а Севера были выпущены на нас в прошлом году с далеких гор Кавказа, и в короткое время наводнили большие области. Сколько монастырей было захвачено, сколько рек окрасилось человеческой кровью! Антиохия была осаждена, как и другие города, омываемые Галисом, Оронтесом, Сиднусом и Евфратом. Толпы пленников были вытянуты из дома; Аравия, Финикия, Палестина и Египет были охвачены страхом. Но даже если бы у меня была сотня языков, и сотня ртов, и сильный голос, я не смог бы пересчитать названия всех бедствий... Бесчисленные свирепейшие племена заняли все Галлию. Все, что лежит между Альпами и Пиренеями, что заключено между Океаном и Рейном, все разорили».

И еще: «Вот весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом. В то время римская армия была далеко, гражданские войны в Италии помешали ей вовремя оказаться на месте... Пусть Иисус в будущем избавит Римскую империю от этих зверей! Они появлялись всюду раньше, чем их ожидали, со скоростью, опережавшей скорость распространения слухов. Они не испытывали жалости ни к

¹ О р о н т — древнее название реки Аси в Сирии, впадающей в Средиземное море.

² М е л и т е н а — древнее название города в Малой Армении в Юго-Восточной Турции, в верховьях Евфрата, ныне г. Малатья.

монахам, ни к старикам, ни к плачущим детям. Те, кто только начал жить, были вынуждены умереть и, не ведая, в каком оказались положении, улыбались в окружении обнаженных вражеских мечей. Было точно известно, что они направились к Иерусалиму из-за безумной жадности к золоту. Стены Антиохии, о которых не заботились в мирное время, спешно приводили в порядок. Мы сами привели корабли в готовность, приняли меры предосторожности на случай появления врага, боясь варваров больше, чем кораблекрушения, и это при том, что на море бушевала буря».

По словам Иеронима, не было регулярной армии, чтобы встретить варваров; на момент смерти Феодосия армии империи находились на Западе. (Перед смертью Феодосий Великий разделил всю империю между своими сыновьями — Аркадием и Гонорием, которые, соответственно, в 383 и 393 гг. стали августами. Этот шаг означал фактически конец единой империи и привел в 395 г. к образованию Западной и Восточной Римской империи.) Военачальник на Востоке подозревался в трусости и равнодушии к судьбе страны, которой управляем. Во всяком случае, нападение не встречало сопротивления до тех пор, пока евнух Евтропий, торопливо собравший некоторое количество войск из готов и римских солдат, смог начать военные действия против захватчиков. Ему не удалось вернуть награбленное гуннами, но в 398 году на Востоке установился мир, и евнух в 399 году был назначен консулом.

На протяжении приблизительно тринадцати лет гунны, похоже, не совершали набегов на Восточную Римскую империю, но в первые годы нового столетия они, по-видимому, предпринимают грандиозное наступление с недавно захваченной северной части Балканского полуострова на Запад через Центральную Европу. Опять были засвидетельствованы события, похожие на те, что происходили в 376 году. В последние месяцы 405 года гунны под предводительством Радагайса втор-

глись в Италию, и, по словам напуганных современников, их было 400 тысяч, хотя более трезвые головы называли намного меньшую цифру. 31 декабря 406 года полчища вандалов, свевов и аланов прорвали рейнскую границу и хлынули в Галлию. Эти действия привели к захвату гуннами западных территорий. Сохранился единственный намек в документах об этих жестоких сражениях, указывающий на причину, согласно которой германцам пришлось покинуть их дома и спасаться в провинциях Римской империи. Павел Оросий, описывая этот период истории, говорит «о частых раздорах между собой самих варваров, когда по очереди два клина готов, а затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства».

В 408 году возобновились нападения на область нижнего Дуная. В тот год Ульдин (Ульдис), первый гунн, которого мы знаем по имени и которого будем часто упоминать, пересек Дунай и захватил Кастра-Мартис, крепость, расположенную в Мёзии. Он захватил крепость благодаря предательству, но, к сожалению, мы не знаем имени того, кто из крепости вошел с ним в сговор и помог ее захватить. Ульдин ворвался во Фракию и, когда римляне попытались подкупить его, отверг их попытку. Попытку предпринял римский военачальник, командовавший армией во Фракии. Когда он пришел к Ульдину, тот просто указал на восходящее солнце и заявил, что если захочет, то легко найдет способ подчинить всю землю, которую освещает солнце. Он потребовал немыслимую сумму в качестве цены за мир, но римский военачальник не растерялся. Он продолжил разговоры с Ульдином и параллельно вступил в секретные переговоры с командирами вражеской армии. Римлянин подчеркивал невероятную гуманность римского императора, рассказывал о подарках, которые император привык подносить храбрым воинам. Его предложения были приняты. Многие сторонники Ульдина дезертировали, а самому Ульдину с

трудом удалось спастись бегством, переправившись через Дунай. Он потерял много гуннов и значительное число скиротов (германское племя, родственное готам. - Ред.), которые служили под его началом на тех же основаниях, как аланы, об этом мы уже говорили, в других гуннских армиях.

У нас достаточно свидетельств, говорящих о тех усилениях, которые правительство Восточной Римской империи предприняло для восстановления ущерба, нанесенного Ульдином, и предотвращения повторения подобных набегов. Геркулий, префект претория Иллирии, покровитель литературы и искусств, получил приказ заставить всех, невзирая на ранги, принять участие в восстановлении городских стен и отправке продовольствия в разоренные провинции. Император, проинформированный префектом претория Антемием, ожидал, что многие попытаются уклониться от этой работы, а потому упорно повторял, что «это бремя коснется всех с самого низа до самого верха». Набег может повториться; момент критический. Антемий издал указ: тщательно исследовать все подходы к Восточной империи, особо тщательно должны охраняться «все морские базы, гавани, берега, все пункты отправления в провинциях, самые отдаленные точки и острова». Были приняты конкретные меры для укрепления дунайского флота, 28 января 412 года появилась семилетняя программа по развитию кораблестроения. В провинциях (Мёзия и другие), граничивших по берегу Дуная, определили количество кораблей, военных и торговых, которые должны ежегодно строиться, и количество старых кораблей, подлежащих ремонту. По окончании семилетнего срока должно было появиться более двухсот кораблей, и чиновников ожидали серьезные штрафы в случае невыполнения программы. Но самым серьезным достижением Антемия в эти годы было строительство «стен Феодосия» вокруг Константино-поля (первые стены были построены при Константине

Великом, но постепенно город вырос и перестал «помещаться» в пределы города времен Константина). Потребность в новых стенах ощущалась уже во времена Феодосия I, но только 4 апреля 413 года правительство предложило завершить строительство новой стены, необходимой «для защиты прекраснейшего города». Кто может усомниться, что именно набег Ульдина внушил Антемию срочно заняться защитой столицы? Бюри справедливо считает, что, «планируя новые стены столицы, он осознанно готовился к войне с гуннами, которую предвидел».

После поражения и бегства Ульдина мы подходим к одному из неясных случаев в истории гуннов. Приск слышал об этом от западного римлянина, Ромула, которого он встретил в 449 году в лагере Аттилы и о котором был самого высокого мнения. Ромул рассказал Приску, что гунны однажды пытались напасть на Персию (Сасанидский Иран. — Ред.), когда в их стране свирепствовал голод, а римляне были заняты войной. Под предводительством Васиха и Курсиха, тех, кто впоследствии отправились в Рим для заключения союза, огромная армия гуннов, пройдя пустынную страну и переправившись через озеро, по мнению Ромула Меотийское море, через пятнадцать дней перевалила через горы и вступила в Иран. Опустошив страну, гунны столкнулись с иранской армией, встретившей их градом стрел. Гуннам пришлось отступить за горы, прихватив с собой только малую часть добычи; иранцам удалось отбить большую часть награбленного. Опасаясь преследования, Васих и Курсих вернулись домой другой дорогой, которая, кажется, проходила мимо Баку. Этот поход, похоже, имел место в период с 415 по 420 год или немного позже.

В 420 году Восточная Римская империя вступила в войну с Ираном. В своих владениях иранцы отобрали товары у римских купцов и отказались вернуть римских золотодобытчиков, которых наняли на службу.

Кроме того, в Иране началась кампания по преследованию христиан. Поскольку римские армии все глубже увязали на Востоке, северная граница, казалось, лишилась защитников, и, несомненно, по этой причине в 422 году гунны, после продолжительного перерыва, опять предприняли атаку на Фракию. Мы ничего не знаем о том, как их изгнали из страны, и не слышали ничего о дальнейших военных действиях на северной границе до появления Руя (Роаса, Ругила), дяди Аттилы.

5

То немногое, что удалось нам узнать из источников о войнах между римлянами и гуннами до появления Аттилы, было изложено выше. Но в самый начальный период жизни в Европе гунны ни в коем случае не предстают исключительно как враги римлян, готов и иранцев. Мы уже видели, что, хотя гунны разрушили королевство остготов, но они и защищали его. В первом масштабном наступлении в Европе новые варвары разделились. И так продолжалось во весь рассматриваемый период, что отмечалось современниками с удивлением и удовлетворением.

Мы узнали, что Феодосий I в первый год правления смог изгнать гуннов с северных Балкан, но тем не менее гунны часто причиняли ему беспокойство. Кроме того, Феодосий использовал их в качестве союзников. В 388 году в бою с узурпатором Максимом на реке Саве быструю победу Феодосию принесла конница гуннов, служивших в его армии. Вполне возможно, считает Отто Зеек (немецкий историк, автор исследования «История гибели античного мира»), что после победы над братом Максима, Марцеллином, в Петавии в том же году, опять отличилась гуннская конница, ставшая причиной тяжелых потерь, понесенных отступавшим в

панике противником. Ближе к концу восьмидесятых армия Валентиниана II отеснила гуннов, приближившихся к Галлии, и в то же самое время Бавтон, франкский магистр пехоты, сумел склонить гунскую армию выступить против ютунгов, опустошивших римскую провинцию Реция (современная Австрия и некоторые другие земли).

Мы уже говорили о поражении Ульдина в 408 году. Но история Ульдина имела не только начало и середину, но и конец. В 400 году германский мятежник Гайнас предпринял попытку пробиться через Фракию на другой берег нижнего Дуная¹.

Ему удалось пересечь Дунай с относительно небольшим отрядом, оставшимся от его разгромленной армии, и здесь он был встречен Ульдином, который решил напасть на него по двум причинам. Ульдин не хотел, чтобы независимая армия варваров бродила к северу от Дуная, и считал, что, уничтожив Гайнаса, сослужит службу императору Восточной Римской империи. Ульдин собрал имевшиеся в его распоряжении силы и не единожды сражался с германцем, пока все-таки не убил его. 3 января 401 года голова Гайнаса была привезена в Константинополь. Взамен Ульдин потребовал «подарки», которые благополучно получил. Следом был заключен союз между Ульдином и вос-

¹ Гайнас — вестгот, вступивший при императоре Феодосии I в римскую службу и особенно отличившийся в войне 395 г. против Арбогаста. Будучи ревностным сторонником западноримского военачальника и государственного деятеля Стилихона, он сделался виновником умерщвления враждебного Стилихону восточноримского государственного деятеля魯фина (395 г.). При подавлении вспыхнувшего в Малой Азии (398 и 399 гг.) восстания против преемника魯фина в Константинополе, Евтропия, Гайнас действовал весьма двусмысленно. Когда весной 399 г. он стал защищать в Константинополе интересы ариан, гнев православных и народная ярость обрушились на готов, которых в июле того же года было перебито в Константинополе до 7 тысяч человек. После этого Гайнас вступил в открытую войну с императором Аркадием, но принужден был отступить и был умерщвлен преданным императору гунским предводителем Ульдином в 400 г.

точными римлянами, который, возможно, подразумевал выплату ежегодной дани этой группе кочевников. Заслугу в уничтожении Гайнаса нельзя полностью отнести на счет гуннов. Следует отметить инициативность местных властей и населения Фракии. Предвидя появление отряда Гайнаса, жители в спешном порядке восстановили защитные сооружения городов и с оружием в руках заняли оборонительные позиции. Согласно нашему источнику, «учитывая предыдущие набеги, они приобрели опыт ведения боевых действий и целиком отдавались борьбе». Гайнас ничего не нашел у стен городов, кроме травы; скот, зерно и т. п. было спрятано за стенами городов. Очевидно, что события 395 года преподали жителям Фракии серьезный урок, который они не замедлили затвердить наизусть. Мало того, он настолько врезался им в память, что спустя много лет в этом смог убедиться Аттила, когда атака его конников была отбита жителями Асема.

Затем Ульдин появляется на службе у Западной Римской империи. Как мы помним, в 405 году Радагайс и огромные массы германцев вторглись в Италию. Города полуострова были охвачены паникой, но Стилихон сумел заключить союз с отрядами гуннов и аланов; эти гунны были сторонниками Ульдина. В сражении при Фьеэзоле в 406 году они продемонстрировали характер. Гуннская кавалерия охватила противника с флангов, что позволило Стилихону быстро уничтожить врага. Люди Ульдина продали взятых в плен за солид (золотая римская монета) с головы. Перед вторжением во Фракию в 408 году гунны оказывали услуги и Восточной и Западной империям.

После казни Стилихона (в 408 году) правительство Западной Римской империи предприняло меры к тому, чтобы в будущем получать военную помощь из негерманских источников. Вот почему оно обратилось к гуннам и получило от них помочь в соответствии с достигнутым соглашением, которое, похоже, предполагало

предоставление заложников. Одним из заложников был молодой человек по имени Аэций¹.

Спустя много лет панегирист Аэция преувеличивал результаты деятельности Аэция в период его пребывания у гуннов. «Кавказ предоставил отдых мечу, и его дикие цари отказываются воевать». «Когда мир пал под скифскими мечами, он прервал безумную атаку врага и стал залогом договора и выкупом мира».

Во всяком случае, мы обнаружили, что, когда Атаульф² в 409 году появился южнее Юлийских Альп во главе войска, в котором было много гуннов, министр Гонория, Олимпий, смог встретить его во главе небольшого отряда из 300 гуннов, и потери Атаульфа составили 1100 человек, в то время как Олимпий потерял всего 17.

Позже, в том же 409 году, поскольку отношения правительства Западной Римской империи с Аларихом становились все хуже, имперское правительство перебросило из Далмации в Италию армию из 10 тысяч гуннов. Их присутствие, похоже, произвело впечатление на Алариха, который тут же отказался от своего плана немедленного наступления на Рим. Спустя более тридцати лет после первого появления новых кочевников в Европе слово «гунн» вселяло ужас даже в самых храбрых из тех, кто слышал его.

В 412 году мы узнаем, что правительство Восточной Римской империи опять установило дипломатические отношения с гуннами или, во всяком случае, с некоторыми из них. Из фрагмента Олимпиодора становится

¹ Аэций Флавий — полководец Западной Римской империи. Под командованием Аэция в 451 г. в битве на Каталаунских полях в Галлии римские войска и их союзники-варвары разгромили гуннов и их союзников под предводительством Аттилы. Умерщвлен императором Валентинианом III, опасавшимся усиления власти и авторитета Аэция.

² Атаульф — король вестготов, шурин и преемник Алариха, правил с 410 по 415 г., завладел Юго-Западной Галлией и женился на Плацидии, сестре императора Гонория; убит в Барселоне.

ясно, что в 412 году он в составе миссии был направлен из Константинополя к варварам. По пути послы попали в шторм, бушевавший на Черном море, и едва не погибли, но все-таки добрались до короля гуннов Доната, чья сфера деятельности была, очевидно, далека от той, в которой господствовал Ульдин. По прибытии послы успешно достигли того, что один из спутников Приска не смог сделать при подобных обстоятельствах много лет спустя: обменявшиеся заверениями в дружбе, послы предательски убили Доната. Вероятно, его королевство стало набирать силу, и правительство Восточной Римской империи, которым по-прежнему управляем префект Антемий, увидело дешевый способ уничтожить опасность. Некий Харатон, ставший преемником Доната, не без причины испытывал чувство враждебности к Олимпиодору и его друзьям. Но послы подготовились к такому повороту событий и преподнесли Харатону дорогие подарки от имени Феодосия; мир был восстановлен. (Историк писал, как он был отправлен послом к гуннам и Донату, о том, как этот Донат, «коварно обманутый клятвой», был преступно умерщвлен и как Харатон распался гневом за это убийство, но императорские дары «умягчили и успокоили его».)

В 425 году, когда узурпатор Иоанн боролся за свою жизнь в Равенне против армии Восточного Рима, он послал Аэция к гуннам, чтобы нанять армию и привести ее как можно быстрее в Италию. Аэций появился в Италии слишком поздно: Иоанна уже три дня как не было в живых. Однако Аэций вступил в упорный, но не имеющий решающего значения бой с армией Аспара¹.

В итоге гунны покинули Италию и вернулись домой. Гунны, как выяснилось, «отложили гнев и оружие ради золота», отдали заложников и обменялись клятвами. Плацидия и Валентиниан III, оценив по досто-

¹ Флавий Ардабур Аспар, гуннско-готского происхождения, родственник Плинты, консул в 434 г. и полководец, командовавший силами империи в кампаниях на Западе.

инству победу Аэзия (по смерти императора Гонория в 423 году Аэзий примкнул к партии узурпатора Иоанна, но в 425 году перешел на сторону Плацидии, матери и опекунши законного наследника престола Валентиниана III), назначили его главнокомандующим войсками империи. Ходили разговоры, что Аэзию удалось отправить домой 60 тысяч гуннов.

6

Так что гунны были не только противниками римлян в конце IV и в начале V столетия; до некоторой степени они были их друзьями и служили не без пользы в качестве наемников в имперских армиях.

Не только римское правительство получало пользу от их службы; их услугами пользовались отдельные богатые римляне. Мы знаем о двух случаях, но нет причин сомневаться, что их было много больше. Клаудиан пишет, что Руфин, префект претория Аркадия, имел личную охрану из варваров, а из другого источника нам стало известно, что эта охрана состояла из гуннов. Главный противник Руфина Стихилон, стремясь гарантировать свою безопасность, имел личную армию гуннов, и, если бы враги Аэзия решили убить его, им пришлось бы иметь дело с этими вассалами. В одной из хроник есть упоминание о гуннах Руфина, и создается впечатление, что это была мощная сила.

Если некоторые из могущественных лиц Западной и Восточной Римской империи доверяли гуннам, используя их в качестве личной охраны, многие люди считали, что новые варвары способны творить самые страшные злодеяния. Клаудиан не раздумывая сообщает читателям, что гунны убивают своих родителей. И почему бы людям было в это не поверить, ведь и Геродот писал, что массагеты приносят в жертву своих стариков. Спустя полвека еще дальше пошел Феодорет,

который писал, что массагеты, как он называет гуннов, не просто возвели в обычай убивать своих стариков, но и съедать их тела. Все сходились во мнении, что они живут как дикие животные. Согласно Приску, они нападали на готов как волки. Даже трезвомыслящий Аммиан пишет, что «вы можете пользоваться ими как двуногими животными»; по Иерониму, они тоже волки и дикие животные. В VI веке Иордан писал, что это «почти человеческое племя», а Прокопий отмечает, что эфталиты, единственные среди гуннов, не живут как животные. Захария Митиленский¹ пишет о гуннах Северо-Запада как о «варварах, которые подобны жадным диким животным и не признают Бога».

Люди, жившие в районах, подвергавшихся опустошительным набегам гуннов, испытывали невыразимые лишения. Нам мало что известно о страданиях готов, когда это новое племя варваров внезапно нападало на них, по словам Аммиана, как ураган с горных вершин. Однако кое-какую информацию мы получили из Фракии. Когда святому Гипатию было двадцать лет, он посетил монахов в области, подвергавшейся нападкам гуннов, и узнал, что с тех пор, как банды гуннов стали беспрепятственно бродить по этой местности, монахи были вынуждены строить крепости, в которых могли жить в относительной безопасности. Вместе с 80 братьями Гипатий участвовал в строительстве большой крепости, чтобы не прерывать служения Богу. Очевидно, провинция осталась совсем без защиты. Много лет спустя Гипатий любил рассказывать ученикам, как гунны окружили их крепость во Фракии, но Бог защитил своих слуг и обратил их врагов в бегство. В стене было

¹ Захария Схоластик — богослов, историк VI в. Обучался в Александрии под руководством Аммония, был епископом в Митилене. «История» Захария, охватывавшая период между 436 и 491 гг., в оригинале не сохранилась, однако сохранился ее сирийский перевод. Кроме того, Захарию принадлежит жизнеописание Севера Антиохийского.

отверстие, рассказывал Гипатий, через которое они сбросили камень. Он попал в одного из нападавших. Когда остальные увидели это, то, взмахнув хлыстами, словно давая сигнал к отступлению, вскочили на лошадей и ускакали прочь. Когда наступила временная передышка, люди, у которых после набегов гуннов не осталось ничего, прибежали к монастырю в надежде получить хоть какую-нибудь еду. После этого случая монах Иона, армянин, отправился в Константинополь, чтобы рассказать высокопоставленным людям, как страдает народ во Фракии. Узнав об этом, Руфин распорядился «загрузить корабли зерном и бобами» — по всей видимости, наземные пути сообщения были разрушены — «и отправить их Ионе, чтобы он мог раздать их неимущим». Вне всяких сомнений, правительство империи делало все возможное, чтобы помочь пострадавшим от набегов, но средства были ограничены, и организовать помощь отдаленным от моря провинциям не представлялось возможным.

Церковь не испугалась ярости и необузданности новых захватчиков, и вскоре после их первого появления на границе к ним отправились христианские миссионеры. В начале V века гуннов посетил епископ Теотим (Феофим) Томитанский (Фомитанский). Нам известно, что гунны на Дунае отнеслись к нему с большим уважением и называли его «богом римлян». Рассказывали, что Феофим творил чудеса, но церковный историк, записавший эти рассказы, похоже, сам сомневался в их правдивости. Рассказывали, что однажды Феофим со спутниками проезжали по вражеской территории и увидели группу гуннов, направляющуюся в их сторону. Спутники Феофима пришли в ужас, решив, что им пришел конец. Но Феофим слез с лошади и стал молиться. Гунны проскакали мимо, не заметив их, словно Феофим со спутниками и их лошади после молитвы стали невидимыми. Был и такой случай. Один из гуннов, считая, что епископ человек богатый, решил взять

его в заложники и потребовать за него выкуп. Он решил поймать епископа с помощью аркана (гунны часто пользовались арканом во время боевых действий). Он поднял руку, собираясь бросить аркан, и застыл на месте, словно опутанный невидимой веревкой. Гунн остался неподвижным до тех пор, пока спутники епископа не попросили его помолиться, чтобы освободить несчастного из невидимых оков.

Несмотря на эти чудеса, Феофим, похоже, не преуспел в общении с гуннами. Единственное, что ему удалось сделать, по словам нашего источника, — это «изменить их скотский образ жизни» на более приемлемый, а достиг он этого, как было принято в те времена, дорогими подарками и приглашениями на обед.

Приблизительно в то же время к гуннам направляли и других миссионеров, которых Иоанн Хризостом посыпал к «кочевым скифам, располагавшимся на Дунае». Наш источник использует термин «кочевые скифы» в отношении гуннов, и мы уверены, что патриарх Константинопольский пытался обратить новых варваров в христианство. Но миссионеры потерпели неудачу. Вероятно, основной проблемой была языковая. Сам Иоанн Хризостом мог легко найти в столице переводчика, когда читал проповеди готам, но, как мы увидим позже, очень немногие римляне знали гуннский язык, так что чтение проповедей сопровождалось огромными трудностями, если вообще было возможно.

Тем не менее в Римской империи были люди, верившие, что задача обращения гуннов в христианство практически выполнена. «Гунны учат псалмы», — писал Иероним в 403 году, спустя всего восемь лет после того, как дрожал в своей келье в Вифлееме. В 417 году Оросий отмечает, что «христианские церкви повсюду на Востоке и Западе заполнены гуннами, свевами, вандалами, бургундами и бесчисленными другими верующими народами». В расцвет правления Аттилы, по мнению Теодорета, гунны с отвращением отказались от обычая

съедать своих стариков, поскольку теперь слушали проповеди. Однако трезвомыслящие очевидцы считали, что все усилия церкви были напрасны. Пруденций, хотя и говорил, что до некоторой степени удалось обуздить «кровавую свирепость» гуннов, но ничего не остается делать, как с нетерпением ждать тот день, когда они «выпьют Христову кровь». В VI столетии их бессмысленная жестокость, желание насиливать монахинь и уничтожать тех, кто нашел убежище в церквях, оказывало шокирующее воздействие даже на варваров, служивших в армии Юстиниана. Возможно, отдельные гунны, особенно те, кто жили в Римской империи как пленники или изгнанники, были обращены в христианскую веру, но если это и так, то мы не слышали ни об одном обращенном вплоть до смерти Аттилы. Впоследствии те немногие, о ком мы знаем, имели тесные отношения с римлянами. К примеру, Суника, о котором Захария Митиленский пишет как о «военачальнике, который был гунном, и, найдя убежище у римлян, был крещен». Захария тем не менее не грешил против истины, когда писал о гуннах как о «варвалах, которые подобны жадным диким животным и не признают Бога».

Такое впечатление гунны производили на тех римлян, чьи работы дошли до наших дней. Но эти довольно хорошо образованные люди составляли ничтожное меньшинство от населения империи. Мы не сомневаемся, что их впечатление от варваров разделяли все те, кто жил в областях, подвергшихся опустошительным набегам, чьих сыновей и дочерей угоняли в рабство. На страницах этой книги мы попытаемся объяснить, какие чувства испытывала большая часть населения европейских провинций, то есть крестьяне, жившие далеко от границ, кто тяжело трудился на хозяйственных полях, и те, кто грабил и убивал и жил в горах и лесах. Аттила был «бичом Божиим» только для римских священников и властей, заинтересованных в сохранении народов под властью Рима.

Глава 3

ГУННСКОЕ ОБЩЕСТВО ДО АТТИЛЫ

В предыдущей главе была сделана попытка в общих чертах рассказать о военных подвигах гуннов в войнах, в которых они участвовали как на стороне, так и против римлян или готов до появления Аттилы. Понятно, что многие вопросы, возникшие по ходу нашего рассказа, требуют объяснений. Но прежде чем переходить к этим вопросам, хотим напомнить читателю, что он должен постоянно иметь в виду, с какой скоростью возникла и распалась империя гуннов. Когда в 449 году Приск пересек римскую границу и вступил во владения гуннов, он попал в мир, которого за поколение до его рождения еще не существовало и который исчез к тому времени, когда появилась на свет его книга. Если мы хотим понять такое необычное явление, какое представляла собой большая кочевая империя, мы никогда не должны забывать, что их общество было динамичным. История не собирается приписывать такое поразительное явление, как возникновение империи гуннов, гению одного человека, и на самом деле, как мы увидим, нет достаточного количества свидетельств, удостоверяющих, что Аттила был гением. Только исходя из условий развития их общества мы можем объяснить, почему гунны напали на Римскую империю, почему они так часто защищали ее, как они приступили к созданию столь огромной империи, но, как оказалось, смогли сохранить ее считаное число лет. Следовательно, нам необходимо исследовать их общество,

и мы только можем надеяться, что нам удастся в этом преуспеть, если поймем, какие производительные методы были в их распоряжении. Ни в одной части нашего исследования у нас не было больших причин для выражения благодарности в адрес Аммиана, чем в этой главе.

1

По определению Хобхаузса, Вилера, Гинсберга, гунны располагались на низшей стадии пасторализма¹.

Стада, которые они гнали по степным районам Южной России, состояли, по словам Аммиана, из всех видов одомашненных животных — коров, быков, лошадей, коз и, прежде всего, овец, которые, хотя об этом не сказано в имеющихся у нас источниках, более необходимы кочевникам, чем лошади.

Одежда кочевников была сделана из полотна или шкурок сурков; некоторые степные племена получили известность в Римской империи благодаря торговле этими шкурками. Они носили одежду до тех пор, пока она не истлевала и расплзлась прямо на них. А теперь вспомним закон Чингисхана, согласно которому монголы носили одежду не стирая, пока она не изнашивалась прямо на них. Гунны обматывали ноги козьими шкурами, а на головах носили круглые шапки, но нам не известно, из какого материала они были сделаны.

Совершенно ясно, что большую часть еды они получали от стада, но, как все степные кочевники, гунны были еще и охотниками и за счет охотничьих трофеев должны были разнообразить свой рацион. Хотя Аммиан, как ни странно, упоминает охоту только в связи с аланами, Приск считает, что, когда гунны поселились на

¹ Пасторализм — тип экономики, основу которого составляет разведение домашних животных.

Кубани (непосредственно перед нападением на остготов), они добывали себе пропитание, в частности, и охотой. Кроме того, от Аммиана нам стало известно, что они собирали корни дикорастущих растений, добавляя их в пищу. То, что Аммиан говорит об этом, всего лишь конспективно излагая их образ жизни, свидетельствует о том, что добывание пищи играло важную роль в их жизни. Едва ли стоит добавлять, что гунны ничего не смыслили в земледелии. Одежду они получали путем обмена, поскольку люди, ничего не понимавшие в земледелии, не могли выращивать лен. Когда Аммиан говорит, что гунны с колыбели привыкли переносить голод и жажду, он тем самым дает понять, что их хозяйство было просто неспособно обеспечить их жизнь без заимствований со стороны. Они, вероятно, не могли жить без использования продуктов труда населения, имевшего крепкое разностороннее хозяйство. По этой причине гунны были вынуждены постоянно общаться с оседлыми народами; вопрос, связанный с торговыми отношениями, мы рассмотрим несколько позже.

2

Из описания столь примитивных методов получения пищи со всей очевидностью следует, что сравнительно небольшому количеству гуннов требовалась большие площади под пастбища. Следовательно, не нужно думать, что гунны скитались по степи в виде одного огромного скопища; в заблуждение вводят термины «орды» гуннов, «неисчислимые рои». Скорее большое количество маленьких групп перегоняло стада в поисках пастбищ и воды; небольшой группе было проще обеспечить себя пищей. Что нам известно об этих группах? К сожалению, Аммиан ничего не рассказывает о племенном строе гуннов. От Приска и других авторов мы узнали несколько названий гуннских племен. Аммиан пишет,

что в бою гунны выстраивались клином; согласно Тациту, клином в бою выстраивались германцы, а нам известно, что работы Аммиана являются продолжением сочинений Тацита. Но нам не известно, формировали ли гунны клин аналогично клину родственников и соседей. Нет никаких прямых свидетельств, подкрепляющих предположение о существовании небольших групп гуннов, но, хотя в условиях степной жизни племена и союзы легко распадались, кланы и семьи имели тенденцию выживать, так что это предположение вполне может быть верным. Бюри соглашается с утверждением Пейскера, что базовая ячейка гуннского общества состояла из пяти-шести членов одной семьи, живших в одном шатре. «От шести до десяти шатров составляли лагерь, а несколько лагерей — клан. Племя состояло из нескольких кланов, а самым крупным было объединение нескольких племен». Если мы примем слово «несколько» из цитаты Бюри за число 10, то можем сделать вывод, что в среднем племя гуннов состояло приблизительно из 5 тысяч человек. Но никакие пастбища и охотничьи угодья не выдержали бы 5 тысяч человек со стадами, перемещающимися одной группой. Именно поэтому Пейскер считает, что каждый лагерь, состоявший примерно из 50 человек, двигался отдельно. Приск рассказывает, что акациры — так он называет гуннов — делились на несколько племен и кланов, у каждого из которых был свой вождь. Мы можем предположить, что кланы, о которых говорит Приск, соответствуют группам из 500 человек, из которых, по утверждению Пейскера, состоял клан.

Нам кое-что известно о социальной организации племен в те времена. Когда мужчины целые дни проводили в заботах о стаде, но при этом у них часто бывали голодные времена — они «с колыбели привыкли переносить голод и жажду» — у таких племен просто не могло появиться «неработающего класса». Аммиан ясно говорит, что у гуннов нет королей, «они не под-

чиняются власти какого-либо правителя». Вместо королей, объясняет он, каждая группа довольствуется времененным руководством «главных мужчин». Он не объясняет, что это за «главные мужчины» (правители), но исходя из его рассуждений можно сделать вывод, что это руководство существовало только в условиях военного времени. Мы можем предположить, что даже в военное время они не применяли власть в традиционном понимании этого слова. Известно, что до 1206 года у монголов не было правителя. Когда в 1206 году Темучин (Тэмуджин) был провозглашен Чингисханом, он не был облечен королевской властью; он просто возглавил небольшую группу сторонников, которые поклялись повиноваться ему во время войны, а в мирное время просто воздерживаться «от нанесения ему вреда». Правители Аммиана, возможно, были в своих племенах примерно на таком же положении. Вне всякого сомнения, это были просто люди, заслужившие репутацию военачальников, а в мирное время у них было не больше власти, чем у любого мужчины гуннского племени. В мирное время кланы рассеивались по пастбищам, и необходимость в общем руководстве отпадала. В мирное время все взрослые гунны или, во всяком случае, главы семейств встречались для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес; все их совещания проходили исключительно верхом.

Аммиан ничего не говорит относительно того, кто обладал правом собственности, клан, семья или какое-то другое объединение. Конечно, не было никакой частной собственности на землю, ведь они были пасторальными кочевниками. А как быть со стадом? Мы знаем, что во времена Чингисхана каждая кочевая семья имела свое стадо, шатры или юрты, другое снаряжение, и можно уверенно предположить, что так же было и у гуннов. Не вызывает сомнения, что Онегесию, которого мы встретим дальше, принадлежала вся собственность, используемая членами его семьи. Сле-

дует отметить, что если бы частная собственность в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, существовала в период, о котором рассказывает Аммиан, то у нас возникли бы некоторые трудности с правителями. Если они были просто теми, кто унаследовал или приобрел большую часть собственности, то совершенно непонятно, как они могли не существовать в мирное время. Имущий класс никогда не замедлит использовать экономические и социальные преимущества в политических целях. Из этого следует, что военное руководство не было строго наследственным, хотя престиг отца, осуществлявшего руководство, мог дать определенные преимущества сыну, когда речь шла о выборе нового правителя. И наконец, мы можем с уверенностью утверждать, что в гуннском обществе не процветало рабство. Аммиан делает все возможное, чтобы доказать, что гуннам не был знаком институт рабства, как и аланам, у которых не было рабов. У гуннов были те, кто выполнял «черную работу» во времена охоты, пастухи и мальчики «при лошадях», как у древних монголов. Эти люди находились полностью во власти хозяина, и их без зазрения совести могли лишить жизни — Приск видел двоих таких несчастных, замученных хозяевами. Единственным источником рабства была война. Во всяком случае, мы не слышали ни о каких рабах-гуннах в гуннском обществе.

3

А теперь позвольте перейти к численности и военной силе гуннов.

Как было сказано выше, автор этой книги не может пренебречь мнением, согласно которому гуннов отождествляют с сюнну. Китайцы, когда они сталкивались со степными кочевниками, говорили о численности кочевых армий в 100, 200, 300 и даже 400 тысяч человек.

В соответствии с этим Паркер в своей книге «Тысячелетие татар», основанной на подлинных документах, пишет: «300-тысячная армия под командованием Баходура», «Бахадур выпустил 300-тысячную армию» и т. п. Поведение тех, кто ничего не знает о китайских источниках и берется критиковать историков, работающих с ними, может показаться дерзким, но нам позволительно спросить, во-первых, как древние кочевые монголы-скотоводы могли прокормить 300-тысячную армию и, во-вторых, как вообще могло функционировать такое огромное общество, если для проведения военной кампании надо было оторвать от каждодневных забот по охране и уходу за стадами пусть даже 100 тысяч мужчин. А когда мы узнаем, что в 430 году гунны Аттилы составляли приблизительно 600—700 тысяч человек, то не можем не задаться вопросом, как такая огромная масса народа могла прокормить себя в Паннонии и на долгом пути в Паннонию, даже если они двигались туда из не столь отдаленного района, как бассейн Кубани.

Статистические данные, полученные нами из греко-римских источников V века, свидетельствуют о совершенно ином положении дел. В 409 году Гонорий использовал 10 тысяч гуннов против Алариха. Великолепный источник, из которого мы черпаем информацию, а им является Олимпиодор, лично наблюдавший жизнь гуннов, описал невероятные усилия, предпринятые императором для обеспечения продовольствием этой армии гуннов. С этой целью из Далмации в Италию было доставлено зерно и домашний скот. Как выразился Зосим, «император... призвал десять тысяч гуннов в качестве союзников и, когда они прибыли, приказал далматинцам пожертвовать зерно, овец и рогатый скот». Благодаря тому, что Зосим или, скорее, Олимпиодор посчитал эту информацию настолько важной, что включил ее в «Историю», становится ясно, что случай был исключительный и обеспечение 10 тысяч гуннов питанием во время военной кампании не счи-

талось обычной задачей. Разумно предположить, что в тот период только служба продовольственного снабжения имперского правительства была способна обеспечить продовольствием такую большую армию гуннских воинов, сконцентрированных в одном месте. Маловероятно, что сами гунны в годы, последовавшие за их первым появлением в Европе, могли произвести такой излишек продовольствия, чтобы прокормить большую армию в течение всей кампании, а уж тем более после опустошительного вторжения Радагайса, случившегося несколькими годами ранее. Однако известно, что гунны Октара, разбитые бургундами, по словам Сократа, насчитывали 10 тысяч человек. Здесь явно прослеживается стремление Сократа преувеличить численность гуннов: вполне возможно, что гуннов было намного меньше, чем 10 тысяч человек. Действительно, когда древние авторы говорят о численности варварских армий, сражавшихся с другими варварами, они редко бывают правы: им было практически невозможно получить достоверную информацию, касающуюся численности варварских армий.

Далее. Мы узнаем от Олимпиодора, что в 409 году гуннский отряд, разгромивший готов Атаульфа, насчитывал 300 человек. Учитывая ранее упомянутые трудности с обеспечением продовольствием, эта цифра кажется более реальной. Во времена Прокопия, когда гунны вернулись, как мы узнаем дальше, к той форме социальной организации, которая была у них в 376 году, численность их отрядов колебалась между 200 и 1200 человек, и наступление в 558 году Забергана, вызвавшее огромную тревогу Константинополя, во главе армии, состоявшей из 7 тысяч контригур (уннов), рассматривалось как исключительное явление. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что в среднем численность групп гуннов, совершивших набеги на римские провинции в начале V века, превышала 1200 человек. Мы также допускаем, что в этот период примерно такую же числен-

ность могла иметь гуннская армия, нанимаемая римским правительством.

Согласно Ральфу Фоксу, знавшему Монголию по личному опыту, жившие там племена кочевников переходили с пастища на пастище группами, занимавшими несколько сотен юрт. Это говорит о том, что в этих группах было порядка тысячи воинов; по-видимому, во время набегов некоторые взрослые мужчины оставались с женщинами и детьми, чтобы защитить их и ухаживать за стадами. Мы уже говорили, что племя состояло примерно из 5 тысяч человек, и это опять же указывает на то, что действующая военная сила каждого племени имела предполагаемую нами численность, а меньшие гуннские силы, которые опустошали римские провинции, и гуннские отряды, нанимаемые римским правительством, были не случайными группами, а специально отобранными в армию членами племени. Таким образом, мы получаем ответ на множество вопросов. Поскольку каждое племя самостоятельно искало пастища и охотничьи угодья, боевые формирования племен могли действовать независимо друг от друга, а значит, можно сделать вывод, что между ними конкуренция и враждебность были столь же обычны, как дружба и сотрудничество. Это основная причина, по которой одни гунны нападали на готов Витимира, а другие играли важную роль в защите готов. Вот почему гунны столь же часто защищали Римскую империю, сколь часто нападали на нее. Кроме того, гунны имели репутацию не заслуживающих доверия людей при заключении и разрыве договоров. Причина, по которой они приобрели подобную репутацию, заключалась в организации племени: договор, заключенный одной группой гуннов, никоим образом не являлся обязательным для другой. Наконец, это объясняет и тот факт, что в течение многих лет после пересечения гуннами Дуная не сообщалось ни о каких крупных сражениях между гуннами и римлянами.

Предыдущие рассуждения, я думаю, подвергают некоторому сомнению имеющиеся в нашем распоряжении сведения о численности армии в 60 тысяч гуннов, которых Аэций в 425 году отправил в Италию. 60-тысячная армия гуннов могла быть выставлена по крайней мере 250-тысячным населением гуннов, и, когда мы считаем, что только одна часть гуннов поддерживала Аэция, и принимаем во внимание тот факт, что ни Аэций, ни правительство Западной Римской империи не имели возможности прокормить 60 тысяч наемников (и расплатиться с ними), мы не можем не признать, что численность этой гуннской армии явно завышена. Рискнем предположить, что, по всей вероятности, в данном случае силы Аэция составляли примерно десятую часть от численности, указанной Филосторгом. Нельзя не отметить, что хотя Аэций, как и другие военачальники, преувеличивал численность армии в пропагандистских целях, но поразительная мобильность степных конников заставляла современных им историков поверить в то, что их было гораздо больше, чем на самом деле. Надо не забывать, что имеющиеся у нас в распоряжении самые лучшие источники редко (если не сказать никогда) предпринимали попытки оценить численность гуннских армий в годы расцвета гуннов.

Приск вызывает доверие именно потому, что не сообщает никаких конкретных цифр. Аттила, по Приску, взял Марг «с большой армией варваров»; жители Асема (Осыма) сражались «против подавляющей силы». Или, к примеру, такие обтекаемые фразы, как «множество варваров», переправившихся через реку, и шатер Аттилы, окруженный «множеством варваров». Опять же, Васих и Курсих, возглавлявшие «огромную армию». Если верить Иордану, то, к сожалению, в не дошедшей до нас части сочинения Приска содержатся данные о том, что в 451 году армия Аттилы насчитывала 500 тысяч воинов; эта цифра превосходит даже данные китайских летописцев. Однако историк сделал все возможное, чтобы под-

черкнуть, что это только предположительная цифра. Как он мог знать истинное положение вещей? Маловероятно, что сам Аттила знал даже приблизительное число своих воинов и что он меньше Гензера стремился преувеличить численность собственной армии. Таким образом, принимая во внимание прямые свидетельства имеющихся у нас источников и все то, что нам известно о кочевых империях в целом, мы можем уверенно констатировать, что грандиозные захваты гуннов совершились «смехотворно малыми группами всадников».

4

Так что не из-за превосходства в численности гунны так часто побеждали армии римлян и готов. А как насчет вооружения гуннов? Никто не мог читать соответствующую главу сочинений Аммиана (XXXI, 2), не испытывая чувства ужаса от описания внешнего вида гуннов; по словам Пейскера, при виде их у всех стыла кровь в жилах. Мы уверенно можем не соглашаться с мнением, что «во время смерти Феодосия Великого их считали как еще одного варварского врага, не более и не менее внушительного, чем германцы, которые угрожали естественной преграде в виде Дуная»; Аммиан писал свою тридцать первую книгу, когда умер Феодосий. Даже Зеек, ограничивший растущее доверие к восточным римлянам, едва прав, когда пишет, что на Востоке, «где римляне и германцы достаточно часто сражались с ними, иногда как враги, иногда как союзники, первый удар постепенно нейтрализовался дружескими отношениями».

Однако несколько мест у Прокопия и Агафия показывают, что даже в VI веке гунны все еще вызывали смертельный ужас.

Любопытно, что Аммиан, Клавдиан, Сидоний и Иордан, взяввшись описывать гуннов, в первую очередь со-

общили об их отвратительной внешности. Эти авторы не могли найти достаточно сильных слов, чтобы выразить, сколь ужасны были эти новые варвары. У гуннов, пишет Аммиан, «коренастое телосложение, сильные руки и ноги, широкие затылки; а шириной своих плеч они внушают ужас. Их скорее можно принять за двуногих животных или за те грубо сделанные в форме туловищ фигуры, что высекаются на парапетах мостов...». Клавдиан отмечает, что «у них [гуннов] безобразная внешность и постыдные на вид тела». Сидоний в панегирике Антемию уверяет нас, «что на самых лицах его [гуннского народа] детей уже напечатан какой-то особый ужас. Круглою массою возвышается сдавленная голова... Чтобы нос не слишком выдавался между щеками и не мешал шлему, круглая повязка придавливает нежные ноздри [новорожденных]». Тему развивает Иордан. Они вызывали панику, пишет он, своим страшным видом; люди обращались в бегство, завидев их жуткие лица, внушавшие страх своим темным цветом, и, если можно так сказать, не головы, а какие-то бесформенные глыбы. Иероним резюмирует все сказанное, сообщая, что один их вид приводил в ужас римскую армию. Очевидно, цвет и выражение лиц, одежда из шкурок сурков новых захватчиков лишали присутствия духа имперских солдат, привыкших сражаться с противником, по крайней мере выглядевшим и одетым как они. Поначалу это психологическое оружие давало гуннам огромное преимущество.

Нет никакой необходимости подробно останавливаться на том, что гунны практически все время проводили в седле и в искусстве верховой езды намного превзошли лучших римских и готских конников. Они, по словам Аммиана, «настолько сроднились с конем, уходу за которым уделяют большое внимание, что считают позором ходить пешком». Они не могут крепко ставить ноги на землю, сообщает Зосим, поскольку «живут и спят верхом на конях». Иероним замечает,

что римлян разгромили люди, которые не могут ходить по земле, которые считают, что умрут, если ступят на землю. Приск рассказывает, как гунны даже переговоры с римлянами проводили верхом, и он лично видел, как Аттила ел и пил, не слезая с коня. У римлян никогда не было таких конников (у них были другие — тяжелая конница (катафрахтарии), наносившая удар копьями. — Ред.). Китайцы, пишет Оуэн Латтимор¹, «переняли технику стрельбы из лука верхом, не подчиняя свою экономику экономике кочевников».

Это означает, что и их лошади, и их стрелки были ниже по всем параметрам, чем у кочевников, за исключением особых периодов, губительных для устоявшейся китайской экономики, когда китайцы создали профессиональную конницу, которая примерно соответствовала «естественной» кавалерии степей. Римляне отказались проводить подобную политику, и не потому, что были тогда очень мудрыми, а потому, что были слишком слабыми.

Легко недооценивать военную силу кочевых конников-лучников, особенно того народа, который недавно вышел из племенного строя и по-прежнему наделен отвагой, порожденной свободными обычаями племени. Даже в середине XIX века боевые качества верховых лучников, порождением племенного строя, столкнувшихся с современным оружием, демонстрировались не раз и не в одной части света. У гуннов были неказистые, но очень выносливые лошади, и, когда Иероним сравнивает гуннских «лошадок» с «лошадьми» римлян, не следует забывать, что гуннские лошади зависели от плодородности пастбищ, а своих лошадей, помимо выпаса, римляне кормили сеном и зерном в стойлах².

¹ Латтимор Оуэн — американский востоковед.

² По словам Аммиана, гуннские лошади были «выносливые, но уродливые». (Примеч. авт.)

Эти страшные существа, гунны, безупречно владели искусством верховой езды. Молниеносные атаки и не-предсказуемые отступления гуннской конницы, тучи стрел, которые гунны выпускали из своих наводящих ужас луков (а они никогда не промахивались), поразительная скорость стратегического маневрирования — всего этого было слишком много для жестоко эксплуатируемых и подавленных пехотинцев слабеющей империи.

Аммиан пишет о железных (стальных) мечах, которые гунны, вероятно, получали путем обмена или захватывали у народов, с которыми входили в соприкосновение; в условиях кочевой жизни не могло быть и речи о серьезной работе по металлу; лучники часто использовали костяные наконечники для стрел. В ближнем бою гунны использовали не только мечи, они мастерски владели арканом и сетью, в которую попадали и конный и пеший. Известно, что в старину некоторые северные народы использовали аркан, не имея представления о мече. Когда Созомен рассказывает о гунне, который пытался поймать арканом епископа Феофима (Теотима), примечательно, что у этого кочевника не было меча, хотя был щит.

Но прежде всего гунны были конными лучниками, и самым характерным их оружием были лук и стрелы. Дарко и Латтимор пришли к единому мнению, что превосходство кочевников объяснялось их невероятно мощными луками. Усиленный, или составной, лук степного конника, согласно Латтимору, довольно короткий и сделан из дерева с костяными накладками. В свою очередь, Алфельди утверждает, что гуннский лук не был коротким; типы луков, использовавшихся в Северной Азии, по его словам, как раз очень длинные. Но мы вынуждены не согласиться с подобной точкой зрения, поскольку доказательства Латтимора, непревзойденного знатока степных условий, являются более вескими. Следует помнить, что короткий лук, в отли-

чие от длинного, не мешает езде на лошади. Точность, с которой гуннские лучники поражали противника с помощью своего мощного оружия, не переставала удивлять греко-римских наблюдателей. Аэций, который был заложником у гуннов, стал, как нам известно, «прекрасным наездником и метким стрелком». Римляне старались завладеть этими «скифскими луками», и, когда Вегеций¹ пишет о своих современниках-римлянах, что они «улучшили вооружение конницы по примеру готов, алан и гуннов», он, вероятно, имеет в виду мощный гуннский лук.

Итак, принимая во внимание, что в деле гуннские лошади были по крайней мере не хуже римских, что гунны тоже пользовались доспехами, мы понимаем, что их искусство верховой езды и, главное, невероятная мобильность позволяли получить тактическое и стратегическое преимущество над противником. «Весь народ, — пишет Миннес о степных кочевниках в целом, — готовая армия, быстро приводимая в боевой порядок, способная к неожиданным атакам, дальним набегам. В степи кочевник всегда находится в состоянии боевой готовности».

Однако едва ли римляне долго оставались на положении побежденных. Ральф Фокс пишет, что «сомнительно, чтобы даже военный гений монголов мог когда-нибудь завоевать весь Китай... без помощи всех слоев населения, переполненного ненавистью и презрением к своим развращенным и жадным правителям». Это справедливо и в отношении гуннов и Восточной Римской империи. Зосим пишет, что в 400 году, когда Фракия пребывала в чрезвычайном смятении после поражения и смерти Гайнаса от рук гуннов Ульдина (гунны захватили в плен начальника готских отрядов Гайнаса, бежавшего из Константинополя, убили его и послали

¹ Флавий Вегеций — римский военный писатель, автор написанного в период 390—410 гг. трактата о деле римлян («Краткое изложение военного дела»). (Примеч. ред.)

его голову в дар императору Аркадию), беглые рабы и «те, кто потерял положение» в римском обществе, объявили, что они гунны, и продолжали разорение Фракии, пока не были разгромлены Фравиттой¹.

Вероятно, эти рабы объявили себя гуннами, поскольку знали, что от одного только слова «гунны» начнется страшный переполох. В то время римляне боялись гуннов больше, чем готы, поскольку им было что терять. Но еще более важно, этот случай ясно показывает нам, что приход гуннов, как и многих других варваров, враждебно относившихся к имперскому правительству, с энтузиазмом приветствовался угнетенными классами: их приход ассоциировался с возможностью сбросить оковы рабства. Знаковым является тот факт, что в 408 году важная в стратегическом отношении пограничная крепость была сдана Ульдину, и, если бы наши источники начала V века были более исчерпывающими, то, вне всякого сомнения, история с Кастра-Мартис оказалась бы далеко не единственной.

По мнению римского правительства, армия находилась в бедственном положении. По общему признанию, Вегеций, как мы помним, поставил в заслугу верховному командованию, что в результате исследования оружия готов, аланов и гуннов было существенно улучшено вооружение конницы; римские кавалеристы получили «скифские» мечи. В «Problemata» («Проблемы») Льва VI², который ссылается на Урбиция, а он, в свою очередь, берет за основу накопленный опыт V–VI столетий, мы находим другой пример, имеющий отношение к высшему римскому командованию.

¹ Фравитта — готский вождь на службе империи.

² Лев VI (ок. 866–912) — известен под прозвищами Мудрый или Философ, стал императором в 886 г. Своим прозвищам обязан ученым занятиям, которым отдавал много времени: он писал стихи, речи, научные трактаты. При нем был составлен свод законов на греческом языке, названный впоследствии Василики, представлявший собой систематическое изложение юридических сборников Юстиниана (корпус Юрис Цивилис) с комментариями.

Лев помещает информацию в виде вопросов и ответов.

— Что должен делать военачальник, если вражеская нация будет скифской или гуннской?

— Должен напасть на врага в феврале или марте, когда после зимы вражеские лошади находятся не в лучшей форме.

5

Такой вкратце была материальная цивилизация и военный потенциал гуннов, когда они впервые вошли в соприкосновение с римлянами. Читатель, наверно, отметил, с одной стороны, невероятную бедность и крайнюю примитивность производительных сил гуннов, а с другой стороны, их огромный военный потенциал. Но гунны никогда не могли всерьез угрожать Римской империи в целом в силу их примитивной экономики. Пока гуннские племена и кланы искали воду и пастища отдельно друг от друга, они могли представлять угрозу только отдельным частям империи. С самого начала эти кочевники, привыкшие с колыбели переносить голод и жажду, стремились взять у империи то, что представлялось им богатством. «В вашей империи, — спустя много лет объяснил гунн Юстиниану, — всего в изобилии, включая, я думаю, даже невозможное». Стремление забрать все, что можно, а если не удается, предложить себя в качестве наемников имперскому правительству или даже отдельным министрам, явилось основой бесконечных конфликтов. Аммиан, похоже, определил единственную причину контактов гуннов с Римской империей, написав, что гунны «пламенеют дикой страстью к золоту» и их сжигает нечеловеческая страсть отнять чужую собственность.

Пришло время обратить внимание читателя, что еще до опубликования сочинения Аммиана события, опи-

сываемые им, закончились. В рассказе гетского историка Иордана о гуннах, покоривших остготов, мы находим короля по имени Баламбер, предводителя гуннов в годы, предшествующие битве при Адрианополе. Можно с уверенностью сказать, что Баламбер никогда не существовал; готы придумали его, чтобы объяснить, кто их покорил. Однако в то время гунны добились огромной победы: они покорили, как мы знаем, «большую часть» остготов. Из этого следует, что эти гунны обладали большей силой, чем любое из их племен. Гуннская армия приблизительно в тысячу человек не могла бы победить подряд Эрманариха, Витимира и Видериха. В данном случае мы, похоже, имеем дело с объединением группы племен. Читая Созомена, может показаться, что первые незначительные нападения на остготов совершили силы гуннского племени и, когда это оказалось прибыльным делом, племена объединились, чтобы перейти в генеральное наступление. Но подобный союз мог существовать только недолгое время, поскольку мы ничего не слышали о совершенных им впоследствии подвигах. Кроме того, Аммиан является великолепным источником, и его недвусмысленное заявление, что у гуннов не было королей, не позволяет нам утверждать, что было несколько «Баламберов», или более одного союза.

То, что нам известно о первых в истории королях, чьи имена дошли до нас, проливает немного света на развитие гуннского общества. Мы знаем, что в 400 году Ульдин победил и убил Гайнаса. В 406 году Ульдин в Италии помогал Стилихону победить Радагайса. В 408 году Ульдин ворвался во Фракию. В последнюю кампанию римский командир после переговоров с «вассалами и вождями» Ульдина настроил их против него. Отрывок из сочинения Олимпиодора дает некоторую информацию о командах гуннской армии. Во время визита к гуннам Олимпиодор был поражен тем, насколько «гуннские короли» владели искусством

стрельбы из лука, и познакомился с Харатоном, «первым королем». Мы знаем, что Олимпиодор был крайне осторожен в использовании подобных терминов, и совершенно очевидно, что среди гуннов, которых он посетил, было несколько «королей», но один был «первым королем». Положение «первого короля» занимал Донат, а после его смерти Харатон. Судя по другому отрывку, Олимпиодор провел различие между военачальником союза племен, вождем племени, или первым королем, и военным вождем племени, или королем. Отсюда напрашивается вывод, что в союзе гуннских племен Ульдина вожди каждого племени, несомненно, «главные мужчины» (правители), о которых говорит Аммиан, сохраняли полномочия и ответственность, даже находясь под командованием «вождя племени». Необходимо отметить, что после поражения в 408 году об Ульдине больше никогда не упоминалось. И в этом нет ничего странного. Военачальник сохранял свое положение, только пока выполнял возложенные на него функции, то есть нахождение продовольствия, грабеж, защита людей и стада. Защита стада тоже входила в функции военачальника. Кстати, в одном из наших источников ясно говорится, что эта функция возлагалась и на Ульдина. Зосим, следом за Евнапием, пишет, что Ульдин напал на Гайнаса в 400 году, потому что «не хотел, чтобы независимая армия варваров бродила к северу от Дуная». Исчезновение Ульдина после поражения в 408 году — еще один признак демократического характера примитивной монархии, на которую так часто не обращают внимания историки. Во время посещения гуннов Олимпиодор отметил, что немедленно после смерти Доната его место занял Харатон.

Что можно сказать о преемственности союзов, возглавляемых Ульдина, Донатом и другими? Следует ли нам представлять гуннскую империю, основанную Ульдина или его предшественником и существовавшую

как политический организм до смерти Аттилы? Кислинг, например, говорит о гуннской империи, простиравшейся от Карпат до Дона в семидесятых годах V века, политическое объединение которой укрепил и поддерживал Ульдин, затем Октар, далее Руа и, наконец, Бледа и Аттила. Такое представление кажется маловероятным. Нет никаких оснований считать, что после завоевания готов гунны продолжали сохранять политический союз. Разные племена, похоже, вернулись к привычному для них состоянию независимости, и каждое племя командовало своей частью готов и аланов. В конце IV и начале V века каждое племя самостоятельно совершало набеги без какого-либо центрального руководства. Нет оснований считать, к примеру, что в 395 году набег через Дунай был рассчитан таким образом, чтобы совпасть с наступлением в том же году на Кавказ. Две не связанные между собой группы гуннов просто воспользовались моментом одновременного отсутствия римских армий на Западе. Такие независимые племена время от времени объединялись в союз, вроде тех, о которых мы уже говорили: под руководством Ульдина, Доната, Харатона, Васиха и Курсиха. Но у нас нет никаких доказательств того, что существовал единственный, постоянно крепнувший союз во главе с Ульдином, Донатом и другими последовавшими за ними военачальниками. С другой стороны, есть информация, согласно которой некоторые готовы иногда оказывались в ситуации, когда могли действовать независимо от гуннов, до прихода Руа, то есть до 430 года. Примерно в 418 году гот Торисмуд одержал победу над гепидами, и в наших источниках нет даже намека на то, что он действовал по приказу гуннов. Вряд ли такое могло произойти при централизованном управлении империей.

Весьма скучная информация об Ульдине является причиной серьезной неразберихи. Многие ученые считают, что именно он возглавил большое наступление гуннов на Запад в первые годы V века. Алфельди пола-

гает, что Ульдин первым основал «резиденцию» гуннских королей на берегу Дуная напротив Марга, и она оставалась там до сороковых годов V века. Зеек склонен считать, что Руа и Октар были сыновьями и преемниками Ульдина. По словам Бюри, Ульдин был «то ли королем всех гуннов, то ли их части». На самом деле Ульдин был второстепенной фигурой в гуннском обществе; тот простой факт, что он стремился служить в римской армии, доказывает, что он не был правителем большого государства к северу от Дуная. Кроме того, Зосим сообщает, что в 400 году Ульдин с большими трудностями добился победы над Гайнасом; ему пришлось несколько раз вступать в бой, прежде чем он одолел Гайнаса. И это несмотря на то, что у Гайнаса была слабая армия, уже потерпевшая поражение от римлян. Следовательно, мы можем считать Ульдина вождем части, а отнюдь не всех гуннов. То, что семья потерпевшего фиаско вождя должна была сохранять власть над гуннами на протяжении пятидесяти лет, просто невозможно на той стадии развития гуннского общества. Мы можем уверенно заключить, что союз Ульдина, Доната и остальных если и имел, то незначительную взаимосвязь, и только приблизительно в 420 году появился союз под руководством Руа.

6

Когда кочевые гунны, жившие в невероятно тяжелых условиях, о которых мы уже говорили, вошли в контакт с более развитой цивилизацией народов, живших по обе стороны Дуная, они неизбежно должны были попытаться ослабить жестокость, с которой они собирали продовольствие, грабили и вымогали все, что можно, у готов и римлян. Во времена засухи нападение на богатых соседей было для них вопросом жизни и смерти. Поначалу они продолжали борьбу под командованием прави-

телей племени, хотя уже в семидесятых годах IV века запасы продовольствия, полученные благодаря их пре-восходящей военной силе, и покорение народов на юге России позволили сконцентрировать большие группы воинов. Это привело к появлению союза некоторых гуннских племен, который был в состоянии победить остготов. Но в целом в это время были только племена. Однако когда война стала обычным состоянием, «мо-нархия» превратилась в более или менее постоянный институт, а поскольку военный талант приносил гуннам все больше побед и воинов становилось все больше и больше, то и союзы стали разрастаться. Однако очевидно, что правители времен Аммиана продолжали дей-ствовать в союзах времен Ульдина и Доната. Тогда вряд ли правильно считать, что гунны так же быстро достигли могущества, как впоследствии потеряли его. Сейчас бытует мнение, что при Аттиле процесс достиг кульми-национального момента.

Поворотным пунктом в истории гуннов в рассматри-ваемый период было их движение на запад из района к северо-востоку от Черного моря — туда, где сейчас на-ходится Украина. Это перемещение было связано с по-исками продовольствия; гунны двинулись в плодород-ную зону, где не было проблем с продовольствием. К востоку и северо-востоку от Черного моря гунны могли использовать только аланов, таких же примитивных ко-чевников (далеко не таких примитивных — у аланов, помимо кочевого животноводства, было и земледелие, были развиты ремесла. — Ред.), как они сами, в то время как остготы, занимавшиеся земледелием и скотовод-ством, жили в богатых деревнях. Таким образом, у гун-нов появлялась возможность отбирать продовольствие у остготов (а также у славян. — Ред.), что в конечном сче-те и способствовало дальнейшему развитию гуннского общества.

Необходимо отметить, что в своем рассказе в отно-шении гуннов мы пренебрегли таким важным факто-

ром, как фактор торговли. Но этот вопрос, по нашему мнению, логичнее будет обсудить несколько позже. Современник Аттилы, который пытался кратко охарак-теризовать процесс развития гуннского общества, тоже опустил этот фактор. Вот что пишет патриарх Констан-тинопольский Несторий¹:

«Народ скифский (так он называет гуннов. — Ред.) был сильным и многочисленным и некогда был раз-делен на народы и царства, и скифы рассматривались как грабители; они имели обыкновение наносить мно-го вреда исключительно от жадности. Но позже они все-таки создали царство и упрочили свою силу так, что превзошли в силе все армии римлян».

¹ Несторий — знаменитый ересиарх, родом из сирийского города Кесарии Германской, на Евфрате; ни происхождение его, ни год рождения неизвестны (после 381 г.), умер в 450 или 451 г.; по свидетельству его главного противника, святого Кирилла Александрийского, «он вышел из грязи и происхождение его было по-стыдно». Проведя в молодости несколько лет в монастыре близ Кесарии и затем приняв сacerdotalis, стал известен как проповедник. По словам современного ему летописца Маркелла, «у него было до-статочно красноречия, но мало рассудительности».

Глава 4

ПОБЕДЫ АТТИЛЫ

«История Византии» («Византийская история и деяния Аттилы». — Ред.) Приска оказала неоценимую помощь в написании этой главы. Но его сочинение дошло до нас только в виде фрагментов, поэтому в нашем путешествии по истории этих лет мы быстро перешли от периодов яркого света к периодам кромешной тьмы. Обсуждая случаи, описанные в сохранившихся фрагментах, мы смогли вникнуть в подробности; но, оставшись без помощи Приска, нам оставалось только строить догадки или признаваться в собственном невежестве.

1

В начале двадцатых годов V столетия последний и самый мощный из гуннских союзов возглавил Руа. Он был не единоличным правителем, поскольку, как нам известно, делил свою власть с братом Октаром. Был еще третий брат, Мундзук, отец Аттилы и Бледы. По-видимому, каждый из братьев управлял своей частью гуннов и покоренных гуннами народов; похоже, эти люди не были знакомы с принципом управления общей территорией. У нас нет никаких сведений об отце и предках Руа и Октара, и мы не знаем, каким образом им удалось встать у власти. Может только сказать, что Октар умер раньше брата, поскольку Руа был едино-

личным правителем в 432 году, когда впервые появился на подмостках истории.

В тот год Аэций потерпел поражение от Бонифация, одного из лучших римских полководцев эпохи императора Гонория и его преемницы Плацидии и наместника африканских провинций, в сражении при Аrimине (современный Римини). После боя Аэций отступил в одно из своих хорошо защищенных поместий, где его не смогли бы открыто атаковать. Себастьян, зять Бонифация, предпринял неудачную попытку убить Аэция. Попечувствовав ненадежность убежища, Аэций покинул его и сел на судно, направлявшееся к берегам Далмации. Затем, проехав по провинциям Паннонии, он прибыл к гуннам, которых давно считал своими друзьями; более двадцати лет назад он был у них заложником, и в 425 году гунны помогли ему в критической ситуации. Возглавляемые теперь Руа, гунны опять доказали Аэцию свою преданность, но уже за деньги. В 427 году Нижняя Паннония, включая город Сирмий (современный Сремска-Митровица в Сербии, в древности главный город Нижней Паннонии, на реке Дрина, значительный торговый и военный пункт), была отвоевана у гуннов войсками Восточной Римской империи, которые заняли все мощные укрепления на Дунае, находившиеся в этой провинции. Но в 433 году, в результате соглашения между Аэцием и гуннами, правительство Западной Римской империи отдало гуннам Верхнюю Паннонию. Провинция находилась в сложном положении: между ней и еще более незащищенной Нижней Паннонией не было естественных границ, и ее потеря была всего лишь вопросом времени. Но факт остается фактом, Аэций отдал варварам одну из провинций Римской империи. Возможно, что именно в связи с этим соглашением сын Аэция, Карпилион, повторив судьбу отца, стал заложником кочевников. Благодаря помощи, предоставленной ему Руа, Аэцию удалось восстановить свое положение в Италии. Очень может быть, что Аэций опять повел гуннскую ар-

мию в Италию, но наши источники не указывают на то, что он счел необходимым сражаться с войсками готов, которые Себастьян и Плацидия призвали на помощь из Галлии. Аэций стал патрицием. Себастьян сбежал в Константинополь. На протяжении последующих пятнадцати лет гунны не беспокоили Италию и Западную Римскую империю, и их конница позволила Аэцию и греко-римским помещикам чувствовать себя в безопасности. Гунны, которых Руа отправил на помощь, помогли римлянам выстоять в Галлии против своих врагов. Что же это были за враги? В первую очередь бургунды.

Бургунды (германское племя, первоначально жившее на о. Борнхольм (Бургундархольм) в Балтийском море, затем высадилось на славянских землях в устье Одера, затем продвинулось к юго-западу к Рейну. — Ред.) были сильнойнацией, насчитывавшей, согласно Иерониму, не менее 80 тысяч человек и, по словам Аммиана, наводившей ужас на соседей. В 413 году они обосновались на левом берегу среднего Рейна, как союзники римлян, и Бургундское королевство с центром в городе Вормс включало, по-видимому, территории до нынешнего Шпайера на юге и Майнца к северу от Вормса. Более двадцати лет о них почти ничего не слышно, но в тридцатых годах V века в связи с ростом населения бургундам потребовалось расширить владения, и, воспользовавшись слабостью римлян, в 435 году сильное войско бургундов во главе с королем Гундахаром вторглось в Белгику¹, на земли вокруг Трира и Меца.

Но они недооценили своего противника. В битве с Аэцием в 436 году бургунды потерпели поражение и обратились с просьбой о мире, который получили, но наслаждались полученным миром недолгое время. В 437 году, по неизвестной нам причине, Аэций склонил своих друзей-гуннов напасть на бургундов. Результат

¹ Б ел г и к а — римская провинция, образованная в 16 г. до н. э. в области расселения белгов — группы кельтских племен.

был потрясающий. Согласно одному источнику, было уничтожено 20 тысяч бургундов. Другой источник говорит об уничтожении почти всех бургундов, и нам известно, что король Гундахар был среди убитых. Это был конец Бургундского королевства в Вормсе. В 443 году оставшиеся в живых бургунды были поселены на правах римских федератов в Сабаудии (Савойе). Уничтожение Бургундского королевства захватило воображение современников. Это событие периода бургундской истории, о котором мы вели речь, упомянуто по меньшей мере четырьмя летописцами и легло в основу эпической поэмы «Песнь о Нibelунгах».

Однако вполне возможно, что гунны имели свои счеты с бургундами. Церковный историк Сократ поведал любопытную историю, которой иногда пренебрегают современные авторы, в частности Бюри, Зеек. Некоторые бургунды, рассказывает он (и это подтверждается независимыми источниками), остались восточнее Рейна, когда в 406 году основная часть народа ринулась в Галлию. Восточные бургунды, похоже, жили на правом берегу Рейна, между реками Майн и Неккар, в Оденвальде (невысокий (до 626 м) платообразный горный массив, поросший дубовыми, буковыми и хвойными лесами. — Ред.). Эти мужчины, продолжает рассказ Сократ, всегда вели свободный образ жизни, поскольку все они, фактически, были лесорубами и плотниками и зарабатывали на жизнь этим ремеслом. Гунны постоянно нападали на них, опустошали их земли, грабили и убивали. От отчаяния бургунды приняли христианство, поскольку слышали, что христианский Бог помогает тем, кто его боится. Они не разочаровались в своем решении. Результат был поразительный: король гуннов по имени Аптар умер ночью от обжорства, и его люди остались без лидера. Гуннов было около 10 тысяч, но 3 тысячам бургундов удалось разгромить их. Вот так бургунды, заканчивается рассказ Сократа, стали ревностными христианами.

Что нам делать с этим рассказом? К счастью, Сократ датирует его с некоторыми поправками 430 годом. Имя Аптар вызывает естественный интерес. В XVII веке Васелиус объявил, что Аптар не кто иной, как брат Руа, Октар, скончавшийся раньше Руа. Цель истории Сократа, безусловно, заключалась в том, чтобы объяснить переход восточных бургундов в христианскую веру, но маловероятно, чтобы все детали этого рассказа были сплошной выдумкой. Гунны и бургунды действительно сражались к востоку от Рейна, правильно указана дата смерти Аптара, число занятых в сражении. Ни одна из этих деталей не выдумана рассказчиком. Следовательно, мы можем заключить, что за семь лет до уничтожения Бургундского королевства в Вормсе брат Руа Октар, действовавший где-то к востоку от Рейна, умер в середине кампании, и несколько тысяч его гуннов были застигнуты врасплох и разгромлены восточными бургундами. Видимо, поэтому гунны, уничтожившие Бургундское королевство в Вормсе, сделали это с особым удовольствием, но это, конечно, не объясняет, почему Аэций бросил их в бой.

Одним из военачальников, сражавшихся против бургундов, был Авит, будущий император Западной Римской империи. После кампании он удалился в свое имение близ Клермон-Феррана. Но вскоре его отдых был грубо прерван. Литорий, полководец Аэция, торопливо проехал мимо имения будущего императора по пути в Нарбон. Этот город осаждали вестготы Теодориха I, которые воспользовались проблемами Аэция с бургундами в Белгике. Армия Литория, состоявшая из гуннов (по всей видимости, их направил Руа), вела себя так, словно они были не друзьями, а врагами римлян. Огнем и мечом они разрушали все, что попадалось на их пути; они грабили и убивали. Проезжая мимо имения Авита, один из них без всякой на то причины зарубил слугу Авита. Обитатели поместья пришли в ужас от известия о подходе союзников и бросились к Авиту, занятому работа-

ми по укреплению имения. Авит надел доспехи, сел на коня, поскакал за войском Литория и в поединке отомстил за убитого слугу. Литорий добрался до Нарбона. Гунны отогнали вестготов, а поскольку по приказу каждый из них вез по два бушеля (1 английский бушель равен около 36,3 л, в переводе на зерно — 28,6 кг пшеницы или 25,4 кг ячменя. — Ред.) зерна, голодающий город с облегчением вздохнул. В последующие годы Литорий со своей гуннской армией продолжал борьбу с вестготами. По нашим сведениям, в 437 году продолжилась война «с помощью гуннов». 438 год тоже отмечен победами римлян, и, хотя о гуннах не говорится ни слова, у нас не должно быть сомнений, что эти победы можно отнести на их счет. В тот год Аэций уничтожил 8 тысяч готов, но мы не имеем никакой информации относительно национального состава возглавляемой им армии. В 439 году гунны Литория осадили столицу Теодориха, Тулузу. Потери, понесенные в течение предыдущих трех лет, лишили готов мужества. Они направили к Литорию в качестве послов несколько епископов, чтобы обсудить условия, но, по словам современника, «когда они возлагали надежды на Бога, мы полагались на гуннов». Победоносный Литорий, стремившийся затмить славу Аэция, высокомерно отклонил их предложения. За городскими стенами он пошел на уступку своим воинамязычникам: последний раз в римской истории римский полководец участвовал в древнем обряде жертвоприношения и общался с предсказателями относительно исхода предстоящего сражения. Но языческие боги подвели его. Завязался бой. Вначале вестготы понесли страшные потери от гуннов, но в разгар битвы противник взял в плен Литория. Это решило исход дела; гунны были разбиты. Литория доставили в Тулузу и казнили. «Кто бы ни возвеличивал себя, — цитирует Евангелие от Луки историк V века Сальвиан, — будет унижен, и кто бы ни унижался, будет вознесен». Спустя несколько месяцев прибыл Аэций и вступил в сражение с выдохи-

мися вестготами. Затем Авitus заключил мир между римлянами и готами и патрицием вернулся в Италию, чтобы столкнуться с еще большими проблемами.

Перед тем как повести свою дикую армию в Нарбон, Литорий имел столкновение с третьим врагом Аэзия. Этот третий враг был многочисленнее и вызывает больший интерес, чем бургунды Гундахара и вестготы Теодориха. Этим врагом были багауды, основную массу которых составляли разорившиеся крестьяне, мелкие ремесленники, закрепощаемые колоны и беглые рабы Галлии. Как обычно, в наших источниках почти нет сведений о них, но две записи в Галльской хронике указывают на масштабность движения багаудов. В 435 году багауды объявили себя «независимым государством». Основным районом действия багаудов были области между реками Сеной и盧арой (обширные густые леса служили хорошим убежищем) с городами Тур (Цезародун), Орлеан (Ценаб), Осер (территория, охваченная движением багаудов, была гораздо большей — вплоть до севера Испании. — Ред.). На этой огромной территории крестьяне и колоны подняли восстание против галло-римских рабовладельцев. Еще в III веке галльские багауды провозгласили собственных «императоров», Аманда и Элиана (Гелиана), и этот факт свидетельствует о том, что как в политическом, так и в социальном отношении их новое «государство» было точной копией того, от которого они пытались отделиться. В корне неправильно характеризовать их государственное образование как грабительское; это определение больше подходит к империи, из которой они стремились выйти. Во всяком случае, стремление багаудов к независимости на отвоеванных землях было почти уникальным случаем в истории Римской империи. Подобный случай был с их же предками в III веке, которые перед провозглашением своими «императорами» Аманда и Элиана, кажется, поддерживали Постума и Тетрика. (Постум и Тетрик — так называемые галльские императоры временно отправ-

шей в III в. от Римской империи ее западной части (Галлия, Испания и Британия). Тетрик, последний галльский император, напуганный движением багаудов, сдал свою Галльскую империю римскому императору Аврелиану, воссоединившему Римскую империю. Тетрик же получил наместничество на юге Италии и большие богатства.)

В 435 году вождем багаудов был Тибатт, о котором нам ничего не известно. Можем только сказать, что вскоре после его появления к нему присоединились чуть ли не все угнетенные Галлии. В течение двух лет Тибатт и его сторонники удерживали позиции, но в 437 году на них обрушились гунны Литория. Нам не известны подробности сражения. Летописец только сообщает, что «когда Тибатта взяли в плен, некоторых вождей восстания заковали в цепи, а других убили, восстание багаудов было подавлено». Литорий, счастливый победитель, решил, как выразился Бюри, «навязать им «свободу» имперского правления». Поэт и ритор Флавий Меробод¹, который спустя несколько лет подавил восстание багаудов в родной Испании, так писал о подавлении восстания Тибатта:

«Коренной житель, теперь более смиренный, бродит по дебрям Арморики (в древности кельтское название северо-западной Галлии (территория Бретани). Земля, приученная прятать в своих лесах награбленное свирепыми преступниками, сбилась с пути и теперь учится выращивать зерно на невозделанных полях. Рука, которая долго боролась против усилий Цезаря, поддерживает законы, принятые при наших консулах».

После подавления восстания Литорий бодро галопировал во главе своего войска к Нарбону, но эта до-

¹ В хронике Идатия (V в.) говорится: «Меробод, человек благородного происхождения, по заслугам в красноречии или особенно по занятиям поэзией заслуживающий сравнения с древними... За короткое время своей власти он сокрушает надменность арацеллитанских багаудов».

рога в конечном счете привела его в Тулузу. Дальше мы узнаем, что одной кампании было недостаточно, чтобы сокрушить багаудов: экономическое состояние империи требовало чего-то более конструктивного, чем массовая резня крестьян. Кроме того, мы узнаем, что гунны не всегда играли роль приспешников галльских землевладельцев.

С 433 года, когда Аэций договорился с Руа, до 439 года, когда убили Литория, гунны были главной опорой деградирующей власти галло-римской аристократии в Галлии. Но в 439 году гуннам нанесли поражение: зверское, бессмысленное притеснение, осуществляемое в интересах крупных землевладельцев, редко бывает успешным долгое время. После 439 года гунны, похоже, не помогают Аэцию, поскольку их войска требовались в другом месте. Пришло время вернуться к Руа и обсудить события на границе Восточной Римской империи, на Нижнем Дунае.

2

В первые месяцы 434 года в Константинополе появился Эсла, дипломат Руа. Он приехал сообщить резкое требование Руа: римляне должны вернуть людей, сбежавших от него. В противном случае Руа объявит империи войну.

Гунны удачно выбрали момент. В 395 году большие набеги удались только тогда, когда римские войска сконцентрировались в Италии, а Восток оказался беззащитным. Наступление гуннов в 422 году началось, когда армия Восточной Римской империи схватилась с Сасанидским Ираном. И теперь, в 434 году, на Востоке не хватало войск. Пять лет назад Восточный Рим был встревожен известием о завоевании вандалами и алланами больших территорий в Африке. Потеря Африки для Римской империи, как говорили в Констан-

тинополе, была тем же, что Сицилийская экспедиция для Афин¹.

Поэтому были немедленно приняты меры для оказания помощи правительству Западной Римской империи. Аспар командовал объединенными войсками Рима и Константинополя в Северной Африке против вандалов и алланов, но потерпел поражение. Когда в 432 году Бонифаций вернулся в Италию, чтобы сражаться с Аэцием, Аспар, несмотря на поражение, удержался в Африке (ненадолго — в 439 г. пал взятый алланами и вандалами Карфаген, ставший столицей их королевства. — Ред.) и в 434 году был назначен консулом. Для врага наступил блестящий момент на дунайской границе, и Руа был готов им воспользоваться.

Людьми, возвращения которых потребовал Эсла, были Амилзури, Итимари, Тунсур, Бойси и другие, имена которых не указаны в наших источниках. Они жили, по всей видимости, рядом с Дунаем, и больше о них ничего не известно. Можно предположить, как это сделали некоторые ученые, что это были вожди гуннских племен, отказавшихся признать власть Руа. Он, конечно, стремился заставить их войти в свой союз, но они не хотели отказываться от привычной свободной жизни в

¹ В ходе Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э. (между Пелопонесским союзом во главе со Спартой и Делосским (Первым Афинским морским) союзом во главе с Афинами Афины решили организовать большой поход в Сицилию (415 г. до н. э.). Однако бежавший к спартанцам стратег Алкивиад (безосновательно обвиненный в религиозном кощунстве) выдал афинские военные планы. Спартанцы оказали помощь Сиракузам и предприняли другие меры. В результате, несмотря на то что в помощь сражавшимся с 415 г. до н. э. на Сицилии 38 тыс. воинов и 260 боевых кораблей-трирем Афины послали в 413 г. до н. э. еще 26 тыс. воинов, сицилийская экспедиция закончилась катастрофой — штурм Сиракуз успеха не имел, афинский флот был разбит и сожжен, а войска афинян и их союзников, отступившие в глубь острова, окружены и частью уничтожены, частью пленены (пленные были обращены в рабство). После сицилийской катастрофы, несмотря на отдельные успехи, Афины начали терять одну позицию за другой, а Спарта, которую поддерживала деньгами Персидская империя, довела дело до победы. (Примеч. ред.)

степи и предпочли относительную независимость: служили в имперской армии под руководством собственных военачальников. В любом случае ясно, что гунны не были единой политической общностью.

Правительство Восточной Римской империи, всегда готовое принять в свою армию новых рекрутов, и в особенности теперь, когда регулярные силы Аспара находились в Африке, подготовилось к переговорам. Двум дипломатам пришлось потрудиться, чтобы успокоить Руя. В 418 году гот Плинта подавил восстание в Палестине и на следующий год был назначен консулом. Его быстро сделали полководцем, и, несмотря на то что он был горячим сторонником арианской ереси, Плинта какое-то время считался самым влиятельным человеком при дворе Феодосия II. Плинта и Дионисий, консул в 429 году и командующий войсками на Востоке, вызвались поехать к Руя. Плинта отправил одного из своих приверженцев по имени Сенгилах к гуннам, чтобы убедить их вести переговоры только с Плинтом и ни в коем случае не с другими римлянами. Похоже, в Восточном Риме существовало нечто вроде готской клики, которая пыталась монополизировать ведение переговоров с Руя, и нетрудно понять, кем были эти «другие римляне», которых стремились не допустить к переговорам с гуннами. У нас слишком мало информации о политической борьбе во время правления Феодосия II (ок. 401–450, император с 408 года), и мы лишь высказываем собственные догадки.

Независимо от интриг Плинты, в данном случае отправлять посольство к гуннам не пришлось — накануне кампании 434 года вождь гуннов внезапно скончался. Его смерть пришла как нельзя более кстати, поскольку восточные римляне были серьезно встревожены его воинственным настроением. Когда пришло известие о смерти Руя, патриарх Прокл, архиепископ Константинопольский, вознес благодарственную молитву, взяв за основу текст из Книги пророка Иезе-

кииля (38: 22). Я буду молиться, говорил Прокл, чтобы пролился на него, и на полки его, и на многие народы, которые с ним, всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и сера.

Архиепископа Прокла очень хвалили за адаптацию текста Иезекииля, и его проповедь стала актуальной темой разговоров в Константинополе. Но вскоре люди стали испытывать сомнения относительно точности исполнения предсказанных событий, и, поскольку они по-прежнему находились в ожидании нападения, Прокл заверил их, что Господь объявил о своем намерении поразить Руя ударом молнии, а его людей — огнем и серой с небес. Как и предсказывалось, Руя уже никогда не подходил к столице империи. И наконец, последним чудом явилось то, что дошло до нас в трех источниках, двух греческих и одном эфиопском. Сократ, Теодорет и Иоанн Никийский сообщают нам, что, когда Руя собрался пойти в наступление на Восточную Римскую империю, «Господь уничтожил его и его приспешников в соответствии с пророчеством, изложенным в Книге пророка Иезекииля» (38: 22).

Но никакое чудо не могло предотвратить неизбежное событие: наследниками Руя стали два его племянника — старший Бледа и младший Аттила.

3

Нам мало известно о характере Бледы, за исключением того, что он сильно отличался от брата. После вторжения в 441 году мы находим Бледу в имении мавританского карлика Зерко, один вид которого приводил Аттилу в содрогание. Но Бледу смешили заикание Зерко и особенно его вихляющая походка. Бледа не отпускал его от себя; садился рядом на обедах. Он даже сделал для карлика доспехи, чтобы его фигура выглядела еще более нелепой. Однажды Зерко сбежал

с другими римскими пленными. Бледа не интересовали остальные, но потеря Зерко привела его в неистовство. Когда Зерко поймали и привели в кандалах, Бледа хотел во все горло. Он спросил карлика, почему тот сбежал. Страшно заикаясь, Зерко объяснил, что Бледа никогда не давал ему общаться с женщинами. Бледа еще громче расхохотался и пообещал, что предоставит в его распоряжение одну из придворных дам из императорского дворца в Константинополе.

Пожалуй, не было человека, который был большей противоположностью Аттиле. Когда позже мы проследуем за Максимином и Приском в лагерь Аттилы, то кое-что узнаем о непреклонном, но не безжалостном характере гуннского вождя. Портрет Аттилы, сохранившийся в сочинении готского историка Иордана (VI век), основан на описании Приска, который не раз видел Аттилу, и в пересказе английского историка XVIII века Гиббона. Неясен ни период возмужания Аттилы, ни первые годы после того, как он и Бледа стали преемниками Руа. Нам известны только обстоятельства и условия его первого соглашения с восточными римлянами, а последующие примерно пять лет теряются в потемках. Сенат все же решил, что посольство Плинта, несмотря на смерть Руа и вступление во власть новых правителей варваров, следует отправить. Плинты выразил желание, чтобы вместе с ним послом отправился Эпиген, пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора (Эпиген был одним из составителей Кодекса Феодосия II — одного из сводов византийских законов). Плинта надеялся, что красноречие Эпигена позволит договориться с гуннами. Плинта и Эпиген прибыли в Марг, город в Верхней Мёзии (близ Виминация¹). В этих местах более полутора столетий тому назад неизвестный до этого воин по имени Диоклетиан стал

знаменитым, разгромив императора Карина (на самом деле Карин разбил Диоклетиана, однако, преследуя бегущих воинов противника, он был убит своими же солдатами — они отомстили ему за то, что, не в силах сдержать свое сластолюбие, Карин отнимал у них жен. И победителем (и императором) стал Диоклетиан. — Ред.). Благодаря расположению в устье реки Марга (современная Морава), город стал важным торговым центром, и его епископ должен был вскоре сыграть унизительную роль в войнах гуннов и римлян. Бледа и Аттила встретили послов вне городских стен, сидя на конях, так как у варваров не было в обычай вести переговоры спешившихся. Римские послы, заботясь о своем достоинстве, также явились к «скифам» верхом, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими. Для них было тяжелым испытанием вести переговоры в таком положении. В конечном итоге соглашение было достигнуто. Договорились, что римляне не только на будущее время не будут принимать перебежчиков из скифской земли, но даже выдадут ранее сбежавших. Кроме того, римляне должны вернуть сбежавших от гуннов римских военнопленных или внести за них выкуп из расчета 8 солидов за каждого. Римляне обязуются, говорилось далее, не вступать в союз с народами, начинаящими войну против гуннов. Были оговорены торговые права гуннов: ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для гуннов. По соглашению с Руа римское правительство было обязано ежегодно выплачивать ему дань в размере 350 либр¹ золота.

Этот факт, возможно, объясняет мир на дунайской границе в первые несколько лет после того, как в 413 году Аспар отправился в Африку; возможно, что Руа, воспользовавшись отъездом Аспара, вынудил римлян заключить соглашение. Во всяком случае, дань, назначенная Аттилой, была намного больше. Плинта

¹ Виминаций — крупный город Верхней Мёзии на берегу Дуная при впадении реки Марг (современная Морава).

¹ 1 либра (римский фунт) равнялась 327,45 г.

был вынужден согласиться на увеличение ежегодной дани в два раза. Впредь ежегодно через Дунай должны были передаваться 700 либр золота. Вот на таких условиях в 435 году римское правительство добилось того, что мы теперь называем Маргским миром.

С этого момента полная неизвестность. Чем занимался Аттила с 435 по 439 год? Приск, похоже, дает определенный намек. По заключении мира с римлянами, пишет историк, Аттила и Бледа «обратились к покорению народов, живших в Скифии», и вступили в войну с соросгами (в них историки видят осов (асов)-аланов. — Ред.). Тогда получается, что за эти годы Аттила решил задачу расширения границ до тех пределов, которых добивался.

Нигде не говорится, что это были за пределы, и невозможно предположить, в каком направлении двигался Аттила, поскольку соросги больше нигде не упоминаются. Западная граница гуннов не доходила до Рейна, поскольку, как мы уже знаем, между гуннами и рекой находились независимые восточные бургунды. Но бургунды были не исключением. Франки тоже были независимыми, и были, несомненно, многие другие. В самом начале правления Руа Октар управлял самыми западными территориями гуннов, и в конце жизни он, очевидно, пробивался к Рейну, но смерть не дала возможности закончить решение этой задачи. В северном направлении, согласно Приску, получившему информацию из надежного источника, Аттила управлял «островами в океане». Теперь историки считают, что острова, которыми управлял Аттила, были островами Балтийского моря, но, по мнению Моммзена, имелась в виду Британия. Возможно, и Приск считал, что его информатор подразумевал Британию, — по всей видимости, историк обладал настолько ограниченными знаниями географии Северо-Западной Европы, что, получив информацию об управлении Аттилой некими островами, предположил, что это Британские острова.

Гибbon думает (и это очень похоже на истину), что гунны получали в качестве дани меха с этих северных островов.

Согласно Приску, Аттила управлял «всей Скифией». Как далеко на восток простирались его владения? Кислинг полагает, что аланы, занимавшие территорию от Дона до Аральского моря, безоговорочно признали господство Аттилы. Это утверждение кажется маловероятным. Аланам действительно не удавалось добиться независимости; они находились под властью гуннов и должны были хоть в малой степени выказывать преданность Аттиле. Но позже мы узнаем, что гуннское племя акациров, живших западнее Черного моря, вело независимый образ жизни под руководством своих вождей до 448 года, и нет причины считать, что они были исключением.

Итак, можно сделать вывод, что все германские и другие народы между Альпами и Балтикой и между Каспием (или несколько западнее) и границей, протянувшейся на неизвестном расстоянии восточнее Рейна, признавали Аттилу и Бледу в качестве своих правителей. Хотя, насколько нам известно, братья всегда действовали сообща и рассматривали свою империю как общую собственность, они поделили ее и правили по отдельности. Однако мы не знаем, как они поделили империю и кому досталась какая часть.

С 435 по 440 год у Восточного Рима, похоже, был ненадежный мир на северной границе. В отношении Западной Римской империи Аттила продолжал политику своего дяди. Войска, которые Руа направил Аэцию, продолжали служить галло-римским владельцам крупных поместий в Галлии, пока вестготы не разгромили их в 439 году у Тулузы. Но разбитая здесь армия Литория не получила пополнения, потому что в 440 году сложилось критическое положение на Дунае.

Когда Феодосий II ратифицировал соглашение, достигнутое Плинтой во время переговоров в 435 году,

казалось, что он не будет спешить выполнять условия договора. Однако его правительство старательно делало вид, что выполняет все условия. Варварам были выданы искавшие убежища у римлян гунны; в их числе были дети королевского рода Мама и Атакам. В наказание за бегство гунны распяли беглецов во фракийской крепости Каре. Однако похоже, что в последующие годы Феодосий не отправлял через Дунай дань (700 либр золота), предусмотренную договором. Также можно с уверенностью сказать, что он считал беглых гуннов настолько ценными воинами, что не собирался отправлять их назад к их вождю. Видимо, Феодосий осознал опасность, которую влечет его политика, потому что в 439 году сделал серьезный шаг. Мы уже говорили о том, что после набега Ульдина на Фракию в 408 году префект Антемий занялся сооружением крепостных стен, так называемых «стен Феодосия», вокруг Константинополя. Но эти стены не могли полностью обезопасить столицу, поскольку в любое время с моря могли нагрянуть вандалы, которые вполне могли стать союзниками гуннов. Поэтому в 439 году Феодосий приказал префекту закончить работы по защите столицы и со стороны моря. Имперское правительство было вынуждено решать не только внешние, но и внутренние проблемы. В эти годы некий Валипс, вождь ругов, обосновавшихся в империи и уже причинявших неприятности римлянам, поднял восстание и обратился с призывом к другим недовольным народам в Европе присоединиться к нему. Ему удалось захватить город Новиодун (древнее название румынского города Исакча) в низовьях Дуная и заставить правительство пойти на его условия. Тем не менее силы Восточной Римской империи не были существенно подорваны: крепости находились в полной боевой готовности, а имперский флот активно патрулировал Дунай. У Аттилы, пока еще занятого завоеваниями на Севере, не было возможностей ежегодно забирать 700 либр золота. Восточная

Римская империя была еще сильна, и появление возможностей, существовавших у ее врагов в 395, 422 и 434 годах, казалось маловероятным. Действительно реальный шанс появился у ее противников в 440 году.

4

В 440 году Восточный Рим испытывал сильные, как никогда дотоле в период правления Федосия II, проблемы с ресурсами. Незадолго до этого в Константинополь пришло известие, что 19 октября 439 года вандалы (и аланы. — *Ред.*) захватили Карфаген, а гражданское население, а не рабы Италии вооружилось для защиты полуострова. Сигисвулт организовал наблюдательные посты на итальянском побережье. Аэций был на пути из Галлии. В декларации, опубликованной правительством Валентиниана III 24 июня 440 года, говорилось, что народу следует соблюдать спокойствие: помочь из Восточной Римской империи уже в пути.

Действительно ли у Федосия была необходимость направлять помочь Западу? Не следовало ли ему оставить войска для собственной защиты? Однако оборона Северной Африки была так же жизненно необходима Константинополю, как и защита Италии. Вражеский флот, базировавшийся в Карфагене, мог почти так же легко разрушить новый Рим, как и старый. Вандалы и аланы уже обрушились на Родос, стремясь прервать торговый путь, по которому привозилось зерно из Египта, и прошло не так много лет, когда известие о том, что Гейзерих (король вандалов и аланов, правил в 427—477 гг. — *Ред.*) намеревается атаковать Египет, вызвало панику в Константинополе. Весной 440 года мощный флот, состоявший из 1100 кораблей под командованием пяти военачальников, все были германцами, отплыл из Константинополя, чтобы отбить Карфаген у вандалов. Со стороны Феодосия II и его

министров эта экспедиция была тщательно продуманным, а не опрометчивым шагом. Много признаков указывало на то, что потеря Северной Африки станет доминирующим событием в политической истории V столетия. Все остальные проблемы должны были отступить на второй план перед этой катастрофой.

Так совпало, что примерно в то же время произошло еще одно трагическое событие. Иранская армия под командованием Йездигерда II (438—453) начала вторжение в римскую Армению; нам не известно, какими причинами руководствовался Йездигерд. Хотя иранцы вскоре отступили, поскольку с тыла им угрожали эфталиты, или «белые гунны», для того, чтобы встретить здесь противника, пришлось развернуть значительные римские силы. Таким образом, северная граница лишилась значительной части своих защитников. У Аттилы появился шанс, и он полностью его использовал.

Первым признаком надвигающейся катастрофы было полученное Феодосием II известие о захвате гуннами римской крепости, находившейся севернее Дуная. В этой крепости у гуннов были торговые права согласно соглашению с Руа. Враг напал на крепость во время проведения ярмарки и, несмотря на находившиеся рядом римские войска, умудрился уничтожить много римлян. Римское правительство немедленно выразило протест в связи с захватом крепости и нарушением Маргского договора, в котором оговаривались равные права и безопасность обеих сторон. На это гунны высказали имеющиеся у них претензии. Они заявили, что епископ Марга (у этого города в 435 году Плинта подписал соглашение с гуннами) переплыл через Дунай на гуннскую территорию, разграбил могилы гуннских королей, украв сокровища из захоронений. Римские послы, похоже, не смогли отвести это обвинение. Получилось, что епископ сам дал кочевникам прекрасный предлог. Далее гунны заявили, что римляне не выполняют условия достигнутого соглашения,

утаив от них большое количество сбежавших из гуннской империи людей. И опять правда была на стороне гуннов. Они потребовали выдачи епископа и беглецов. Римским посланникам ничего не оставалось, как вяло отрицать предъявленные обвинения¹.

И гунны продолжили военные действия. Пересекая Дунай в точно не установленном месте, они опустошили города и крепости на южном берегу реки. Взятие Виминация стало первой большой победой гуннов.

Судьба Виминация явилась для римлян предупреждением о том, что в будущем ждет их пограничные города. Виминаций сровняли с землей, и спустя столетие Прокопий, упоминая по ходу рассказа место происшествия, просто сказал, что «там стоял древний город Виминаций, который давным-давно был разрушен до основания»².

Только через сто лет Юстиниан восстановил разрушенный город. Понимая неизбежность грядущей катастрофы, местные власти нашли время, чтобы зарыть городскую казну, но они уже не вернулись в город. Во времена археологических раскопок удалось найти больше 100 тысяч монет. Жители, выжившие во время штурма гуннами города, были взяты в плен, и позже по ходу действия мы встретим среди пленных греческого торговца из Виминация.

Трагическое событие явилось потрясением для пограничных городов. Люди протестовали против принятого решения, считая, что надо выдать маргского епископа гуннам. Почему все провинции должны подвергаться опасности из-за одного человека? Их возмущение было столь велико, что прелат понял, что его

¹ Приск употребляет термины «несоблюдение» и «отказ от выполнения договора», пытаясь свалить вину на гуннов. (Примеч. авт.)

² Прокопий отмечает, что Приск ничего не говорит об обстоятельствах захвата этого города, демонстрируя отсутствие интереса к военным делам. (Примеч. авт.)

выдадут гуннам, и, по выражению Ходжкина, он «заблаговременно решил свою судьбу». Незаметно выскользнув из города, он пришел к гуннам и пообещал Аттиле сдать город. Аттила принял предложение. Но чью гунны подошли к городским стенам, епископ открыл ворота, и Марг перешел в руки врага. Его постигла судьба Виминация, но, в отличие от Виминация, город не был восстановлен. Судьба городского епископа осталась неизвестной.

У нас нет детального отчета об остальной части этой кампании, но главные победы гуннов можно найти в отдельных источниках. В то же время, когда гунны захватили Марг, в их руках оказалась и крепость Констанция. Но главные бедствия этого года были еще впереди. До основания был разрушен Сингидунум¹, и, как Виминаяций, он оставался безлюдным до правления Юстиниана.

Но самым страшным бедствием стала потеря жизненно важного города Сирмиума (совр. Сремска-Митровица в Сербии. — Ред.), основного опорного пункта на Среднем Дунае. Гунны разрушили Сирмиум, а жителей превратили в рабов².

Взятием Сирмиума закончилась кампания 441 года. Среди окруженных стенами городов и крепостей гуннская конница не могла развернуться в полную силу. Она потеряла свое самое важное качество — маневренность. Гунны не смогли глубоко проникнуть на территорию Римской империи. Однако в обороне дунайской границы была пробита огромная брешь, и на следующий год Балканы находились во власти гуннских конных отрядов.

Но, как ни странно, в 442 году не проводилось никаких военных операций. В обстоятельствах, о которых

¹ Сингидунум — древнее кельтское поселение, затем римская крепость на месте современного Белграда.

² Аттила захватил Сирмиум в 441 г., а не в 447-м, как считает Алфельди. (Примеч. авт.)

нам ничего не известно, в начале кампании 442 года Аспар сумел договориться о перемирии сроком на один год. Как только стало известно о развитии гуннского наступления, Феодосий II и его министры отзвали флот с Сицилии, где благодаря искусной дипломатии Гейзериха он ничего не сделал против вандалов и только удручающе действовал на сицилийцев. Флот не смог вовремя прибыть в Восточную Римскую империю, чтобы дать возможность находившимся на борту воинам принять участие в операциях 441 года. Следовательно, правительство не могло организовать в этот год собственную защиту пограничных городов. Мы уверены, что в течение всей кампании Аттила не встретил сопротивления со стороны действующей римской армии. Причина, конечно, кроется в удачно выбранном времени: военные действия с Ираном и в Центральном Средиземноморье отвлекли все имеющиеся в распоряжении римлян силы. Если и существовала надежда, пусть даже небольшая, то и она была разрушена непонятным инцидентом, случившимся во Фракии, в провинции, которая служила в качестве базы для разворачивания контрнаступления против гуннов. Очень скжат летописец повествует о том, что «Иоанн, вандал по происхождению, военачальник, был предательски убит во Фракии Арнегисклом». Арнегискл был членом клики германцев, занимавшей в те годы командные посты в армии Восточной Римской империи. После убийства он занял место Иоанна. Мы не можем сказать, что стояло за этим убийством: личные мотивы или национальная вражда. Ясно только одно: когда командующего убивают и его место занимает убийца, ни о какой организованной обороне не может идти речи.

Какими бы ни были условия перемирия — а они, конечно, включали требования вернуть беглецов и долги по ежегодной дани, — Феодосий II максимально воспользовался предоставленной годовой отсрочкой. Летопись сохранила сведения о его усилиях, связанных

с финансированием подготовки к возобновлению войны и обеспечением денежного содержания солдат. На золотых солидах, выпущенных в большом количестве и в страшной спешке, был изображен бюст Феодосия в шлеме и латах, с копьем и щитом. На обратной стороне монеты (реверсе) Виктория, тоже в шлеме, стоявшая левой ногой на носу корабля и держащая в левой руке крест. Была выпущена небольшая партия монет, на которых были изображены жена Феодосия II Евдокия и его сестра Пульхерия¹.

Похоже, они вложили личные ценности в осуществление этой задачи. На многих монетах времен Феодосия II выгравированы фразы: «gloria orbis terrarum», «virtus exercitus Romanorum», «victoria Augustorum», но на этой серии монет только дата. Слишком острый был кризис, чтобы растрачивать время на праздные слова.

В результате проведенных подготовительных работ к началу кампании 443 года Феодосий II мог уже держаться более вызывающе по отношению к Аттиле, который обратился с требованием вернуть беглецов и положенную дань. Вождь гуннов предупредил, что в случае задержки и любых наступательных действий со стороны римлян он уже не будет сдерживать гуннов. Министры Феодосия отказались выдать беглецов, которых зачислили в имперскую армию, но ручались направить посланников, которые попытаются достигнуть соглашения, устраивающего обе стороны. Совершенно

¹ Императрица Евдокия, дочь афинского философа, имела «способность прекрасно говорить и благолепную наружность», была великолепно образованна и обладала литературным талантом.

На долю Пульхерии с юных лет выпали заботы о малолетнем императоре, который рано остался без отца. Приняв в 16 лет титул августы (414 г.), властная и хорошо образованная Пульхерия много лет фактически управляла государством. Она пережила своего брата на три года, решив вопрос о его преемнике. Сама Пульхерия смолоду дала обет целомудрия, и при ней императорский двор нравами более напоминал монастырь.

ясно, что, несмотря на события 441 года, они так и не поняли, что означает война с этими кочевниками. Но уже в скором времени они прозреют.

Узнав об ответе императора, Аттила в ярости стал опустошать римскую территорию и, двигаясь в восточном направлении по Дунаю, захватил несколько крепостей, не имеющих важного значения, и большой, густонаселенный город Ратиария на правом берегу Дуная в Верхней Мёзии².

Этот большой город был базой дунайского флота империи, и в нем находился один из государственных военных заводов. Гунны разрушили город, а его жителей обратили в рабство и отправили на гунскую территорию.

Теперь тылы гуннов были надежно защищены. Римляне не могли начать наступление на коммуникации Аттилы, когда его войска направились в глубь римских провинций. Проскакав долиной реки Марг (Морава), гунны ворвались в Наис (современный Ниш в Сербии), важный в стратегическом отношении город. Он располагался на правом берегу реки Нишава в области Дардания; как и в Ратарии, в этом густонаселенном городе находился военный завод. После нашествия гуннов этот город, как и Сингидун и Виминаций, оставался разрушенным до правления Юстиниана (родился в 482 или 483 г., правил в 527—565 гг.), восстановившего его в следующем столетии².

¹ На месте современного селения Арчера в Болгарии. (Примеч. авт.)

² Приск, опираясь на свидетельства очевидца, сообщает следующее. Он (очевидец) видел мост, соединявший Наис с левым берегом реки, и утверждает, что мост построили гунны. Лично мне трудно в это поверить. Неужели во время кампаний Аттила стал бы впустую тратить время на строительство моста, даже в том случае, если у него были люди, разбирающиеся в этом деле? И неужели этот большой город не имел моста через реку, дожидаясь, когда его построят кочевники? И наконец, кочевники и так были на том берегу, где стоял город. Полагаю, что в данном случае историк высказал неудачное предположение. (Примеч. авт.)

Затем гунны двинулись в юго-восточном направлении вдоль Нишавы и опустошили еще один большой балканский город Сердику (современная столица Болгарии София), и не приходится сомневаться, что гунны оставляли за собой выжженные территории. Путь к столице империи Константинополю был практически расчищен, и они неслись галопом по военной дороге, проложенной по долине Гебра (древнее название реки Марица в Болгарии). Когда гунны захватили Филиппополь, уже не представлялось возможным осуществлять защиту европейских областей. И хотя Адрианополь и Гераклея то ли отбили атаку гуннов, то ли гунны обошли стороной эти города, Аркадиополь оказался в руках Аттилы. Гунны захватили огромную добычу и бесчисленное количество пленных.

И вот, наконец, они встретились с новой армией Феодосия II. Армией командовали Аспар, алан, договорившийся с гуннами о перемирии, и германцы Ареобинд и Арнегискл, убийца вандала Иоанна. Вне всякого сомнения, в то время они были самыми выдающимися военачальниками армии Восточной Римской империи, но не шли ни в какое сравнение с Аттилой. Они несколько раз вступали в сражение с гуннами у стен Константинополя, но каждый раз несли тяжелые потери. В результате предпринятых гуннами стремительных маневров римляне были отрезаны от Константинополя и отступили на Херсонесский (Галлиполийский) полуостров. Гунны вышли к морю в трех пунктах — в Галлиполи и Сесте южнее столицы и в точно не установленном месте севернее Константинополя. Они также захватили крепость Атирас, расположенную в опасной близости от столицы. Аттила понимал, что не в состоянии захватить Константинополь; город был защищен сильным гарнизоном, для укрепления которого правительство отозвало войска как с иранского фронта, так и из Сицилии. Вместо атаки на столицу, Аттила внезапно напал

на остатки армии Аспара в Херсонесе Фракийском (современный Галлиополи или Гелиболу) и уничтожил здесь последние силы римлян в заключительном сражении.

Империя одержала всего одну победу, но к этому регулярная армия отношения не имела. Большой гуннский конный отряд под командованием самых лучших командиров отделился от основной армии, чтобы вторгнуться в Нижнюю Мёзию. Гунны захватили здесь много добычи и пленных, прежде чем подошли к маленькому городу Асем (Осым), в месте впадения реки Осым в Дунай, в десятке километров к востоку от Утуса (древнее название реки Вит в Болгарии). Жители Асема (Осыма) не стали полагаться на прочные стены и заградительные рвы. Получив от лазутчиков точные данные о перемещении врага, жители этого города внезапно напали на гуннов, не ожидавших нападения со стороны гражданского населения. Враг понес большие потери, в то время как потери среди жителей Асема были очень незначительные. Им даже удалось отбить у гуннов пленных римлян.

Но это был единичный успех, и после поражения на Херсонесе Фракийском Феодосию II ничего не оставалось, как обратиться с просьбой о мире. Вести переговоры поручили Анатолию, который успешно закончил войну с Ираном. Аттила, которому не было особого смысла продолжать войну, выдвинул очень жесткие требования. Немедленная выдача беглецов. Долги по ежегодной дани, оцененные в 6 тысяч либр золота, должны быть незамедлительно переданы гуннам. Кроме того, утраивалась сумма ежегодной дани, и теперь Аттила должен был получать 2100 либр золота в год. Далее, за каждого сбежавшего римского военнопленного Аттила потребовал 12 солидов вместо 8, предусмотренных условиями договора от 435 года. И наконец, римляне не должны были принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Соглашение было

подписано условно до 27 августа 443 года, поскольку в этот день Феодосий вернулся из Малой Азии в Константинополь. Он вряд ли предпринял бы эту поездку, если бы в окрестностях столицы продолжались военные действия.

После заключения соглашения Скотта, один из приближенных Аттилы, отправился в столицу Восточной Римской империи за золотом и беглецами. Золото они получили, а вот всех беглецов, которые отказались вернуться на земли к северу от Дуная, римляне убили. Скотта, похоже, не выразил возмущения, хотя среди убитых, не желавших признавать господство Аттилы, было несколько родственников гуннского воождя. Скотта заявил, что получил приказ внести еще одно условие в мирный договор: жители Асема должны выдать военнопленных, будь они римляне или варвары. В противном случае гунны не отведут свою армию, и соглашение не будет ратифицировано. Анатолий и Феодул, который помогал ему в проведении переговоров, посчитали, что находятся не в том положении, чтобы отказать в этом требовании. На самом деле они пытались убедить Скотту отказаться от дополнительного требования, но их усилия только продемонстрировали полную готовность Аттилы продолжить войну. Тогда они написали жителям Асема, приказывая выдать римских военнопленных, которых они спасли, или заплатить за каждого 12 солидов, поскольку Аттила повысил сумму выкупа за каждого беглеца. Кроме того, они приказали отпустить всех захваченных ими гуннов. В ответ жители Асема сообщили, что все спасенные ими римляне отправились по домам и их невозможно вернуть назад и что они убили захваченных гуннов, за исключением двоих. Этих двоих они собирались обменять на детей, которых гунны захватили за городскими стенами. Аттила, узнав об этом, стал разыскивать детей, но они как в воду канули. Жители Асема поверили Аттиле, что

дети пропали без вести, и вернули двух гуннов. Осенью 443 года был ратифицирован Первый мирный договор Анатолия.

5

Но на Восточную Римскую империю не сизошло спокойствие. Аттила опять направил посольство в Константинополь, требуя возвращения беглецов. Затем он направил второе, третье и четвертое посольства. И каждый раз министры Феодосия вручали послам подарки, которыми было принято одаривать послов, и заверяли, что на восточноримской территории не осталось ни одного беглеца. Возможно, так оно и было, и Аттила просто отправлял своих приближенных, чтобы они могли получать дорогие подарки от римлян. То под одним, то под другим предлогом в столицу приезжали очередные послы. Римляне рассматривали бесчисленное количество незначительных жалоб со стороны гуннов, а послы Аттилы накапливали богатство.

В то же время границы Восточной Римской империи были нарушены по всему периметру. Персы, хоть и отступили из Армении в 442 году, по-прежнему держали свои войска на границе, и, поскольку Анатолию удалось добиться перемирия с ними всего лишь на один год, вполне могла опять вспыхнуть война. Надо сказать, что и так непростое положение осложняли действия местных землевладельцев. Они незаконно захватили несколько имперских земельных владений, расположенных по соседству, и заставили работать на присвоенных землях воинов из пограничного гарнизона. Западнее Армении жил народ тзанов (колков), занявший территорию вокруг Трапезунта (современный Трабзон). Их земли были бесплодны, и жили тзаны грабежами, воровством и разбоями. Теперь они стали устраивать набеги. Исауры (исауры) тоже спустились с труднодоступных гор на

юге Малой Азии и занялись грабежами в близлежащей местности. Племена арабов из пустыни несли угрозу некоторым восточным провинциям. Неприятности ожидались даже от эфиопского царства Аксум¹.

Но ни один из перечисленных инцидентов, кроме отказа Ирана демобилизовать армию, не представлял серьезной угрозы безопасности для Феодосия II. Однако все они потребовали присутствия войск на соответствующих участках границы империи. В течение всего 444 года, пока послы Аттилы, словно рои пчел, слетались в Константинополь, восточноримские войска были вынуждены находиться во всем углах империи, и правительство несколько утратило прежнюю решимость занять твердую позицию в отношении гуннов.

В этой сложной ситуации Феодосий II принял меры для обеспечения будущей безопасности северной границы. 12 сентября 443 года, в пределах месяца после окончания военных действий, Ном, один из наиболее доверенных министров императора, получил приказ укрепить открытую границу вдоль Дуная, где Аттила одержал первые победы в 441 году, восстановить крепости и полностью укомплектовать все находившиеся в этом районе воинские контингенты. О том, что эти задачи, к удовлетворению императора, были решены в течение 444 года, свидетельствует тот факт, что Ном был назначен консулом на 445 год. Пока он занимался выполнением приказа императора, правительство не делало ничего, чтобы остановить бесконечный поток послов от Аттилы; им по-прежнему вручались подарки, а министры разбирались с каждой жалобой.

После заключения мира Анатолия нам ничего не известно о планах и перемещениях гуннов, поскольку не сохранилась соответствующая часть сочинения Приска. Убийство Бледы доказывает, что между вождями воз-

¹ Аксум — государство, существовавшее в II—XI вв., с VII в. деградировало. (Примеч. ред.)

никли разногласия, имевшие самые серьезные последствия. Где-то в этот период Аттила убил своего брата. В разных источниках это событие датируется разными годами: 444, 445 и 446, но, скорее всего, Аттила убил старшего брата в 445 году. Нам ничего не известно о причине спора, возникшего между братьями. А последствия заключались в том, что народы, которыми управляем Бледа, перешли под непосредственное управление Аттилы. С 445 года до самой смерти Аттила не имел соперников среди гуннов. Он, похоже, считал целесообразным основывать собственное превосходство на прочном фундаменте суеверий и предрассудков своих сторонников; он прибегал к помощи древнего меча, недавно найденного одним из его приверженцев. История такова. Как-то пастух заметил, что одна из коров захромала. Пастух осмотрел корову, увидел, что она поранила ногу и из раны сочится кровь. Он решил выяснить, обо что корова поранила ногу, и след привел его к лежавшему в траве древнему мечу. Пастух принес меч Аттиле, который внимательно изучил находку. «Это меч бога войны, — объявил Аттила. — Его чтили прежние вожди гуннов, но он был давно утерян. Теперь он принесет мне победу в войне, и я смогу победить всех противников. Каждому, кто подвергнет сомнению мое право объединить положение Бледы с моим, придется бороться не только со мной, но и с небесными силами».

В остальном в эти годы гунны вели мирный образ жизни. Один из римских военнопленных смог рассказать Приску о беззаботной жизни гуннов в мирное время: «Каждый наслаждался спокойной жизнью, никто не причинял беспокойства, никто не устраивал скандалов». Их жизнь отличается от жизни римлян в мирное время, сделал вывод Приск.

Один из сохранившихся фрагментов сочинения Приска содержит информацию об одном из римских посольств, прибывших в эти годы к Аттиле. Феодосий II

послал к Аттиле консуляра (то есть бывшего консула) Сенатора, одного из ближайших советников. О цели его посольства не говорится ни слова, но Приск с презрением замечает, что Сенатор не решился прибыть к гуннам сухим путем, а поплыл по Черному морю в Одесс (древнегреческая колония на месте современной Варны в Болгарии), где находился Феодул, который оказывал помошь в проведении переговоров Анатолию в 443 году и который был, по всей видимости, военачальником во Фракии. На этом месте фрагмент обрывается, поэтому больше нам ничего не известно о поездке Сенатора, но тот факт, что он поплыл в северном направлении, предполагает, что ставка правителя гуннов находилась к северу или северо-западу от Черного моря (историк Олимпиодор такого же мнения). В это время Аттила, похоже, переместился в глубь своей территории.

6

В 447 году гунны второй раз вторглись в Восточную Римскую империю. В наших источниках нет ни слова о том, почему они это сделали и под каким предлогом. Похоже, что непрерывные грабежи стали для них ежедневной потребностью. В одном мы можем быть уверены: римское правительство не допускало никаких ошибок, которые бы привели к нарушению мира. Если бы это случилось, то Приск обязательно обратил наше внимание на ошибку, допущенную правительством, и выдвинул обвинение в адрес Феодосия. У Восточной Римской империи и без вторжения кочевников было много проблем. Зима после ратификации мира Анатолия выдалась исключительно суровой. Снег покрывал землю почти шесть месяцев. Тысячи людей умерли от холода. Сильно уменьшилось поголовье скота. На следующий год ливни с ураганами опустошили многие местности; реки вышли из берегов и затопили города

и поместья. В 445 году беспорядки в цирке Константинополя привели к кровопролитию, а большое количество граждан в империи умерли от чумы. Бедствия продолжались и в течение 446 года. В столице истощились запасы продовольствия, что немедленно привело к очередным беспорядкам. Министры Феодосия были не в том положении, чтобы рисковать на северной границе.

Одним словом, весной 447 года Аттила без предварительных переговоров начал второе вторжение в Восточную Римскую империю. Планировалось более масштабное наступление, чем в 441 году, — «гигантское наступление, многочисленнее, чем предыдущее», говорится в летописи. В нападении принимали участие не только гунны, но и покоренные ими народы. Гепиды во главе с королем Ардарием и готы под началом Валамера (Баламира); были и другие, чьи названия и имена не упоминаются в источниках. Основной удар пришелся на придунайские провинции, в том числе Мёзию, причем гунны двигались восточнее, чем в 441 году, чтобы обойти новые укрепления, возведенные под руководством Нома. Похоже, это был первый и единственный случай, когда гунны атаковали все имеющиеся в распоряжении Восточной Римской империи силы. Во всяком случае, у нас нет свидетельств, указывающих на то, что Феодосий держал часть сил на каком-то другом участке фронта.

Пока гуннские конные отряды готовились к наступлению, на римлян обрушилась страшная беда. Серия землетрясений, начавшаяся 26 января 447 года и разрушившая Восточную Римскую империю, если верить Эвагрию, была самой сильной в истории. Империю постигло такое разрушительное землетрясение, продолжавшееся несколько месяцев, что рушились города, исчезали с лица земли реки, в безводных прежде местах возникали губительные наводнения. Особенно пострадали Фракия, Геллеспонт (древнегреческое название Дарданелл) и Киклады (архипелаг в южной части Эгей-

ского моря). После первого землетрясения с неба обрушились мощные потоки дождя, и так продолжалось три или четыре дня. Обрушилось несчетное количество зданий и в Константинополе, но, что хуже всего, отрезок мощных стен, на котором находилось по меньшей мере пятьдесят башен¹.

Казалось, уже ничто не сможет спасти великий город. Много жителей погибло под обломками зданий. К прочим несчастьям добавилась эпидемия чумы, унесшая тысячи жизней. Однако после недолгой паники жители Константинополя показали, что в состоянии справиться с критической ситуацией. Под руководством префектов Кира и Константина за шестьдесят дней удалось полностью восстановить стены. А в это время армии Аттилы уже перешли в наступление. Но Константину показалось мало только восстановить разрушения, нанесенные землетрясением, и он соорудил перед старой стеной еще одну стену, также со многими башнями, перед которой вырыли глубокий и широкий, наполненный водой ров. Таким образом, с суши получился тройной ряд укреплений. На стенах были сделаны надписи на двух языках, греческом и латыни, в ознаменование подвига Константина: «Блиставший Константин построил эту прочную стену»; «За шестьдесят дней Константин, назначенный префектом, облеченный верховной властью императором, построил эту стену»; «Даже Афина Паллада вряд ли могла бы воздвигнуть столь несокрушимую твердыню».

Зашиту столицы поручили вождю исавров Зенону², который привел в Константинополь сильный отряд своих соотечественников.

¹ Имеются в виду «стены Феодосия».

² В 464 г. Лев I, противопоставлявший старой варварской знати германцев новую, исаврийскую, назначил Зенона военачальником малоазийских войск, а в 469 г. — консулом. После смешения в 470 г. с должности начальника войск во Фракии император Василиск поручил Зенону и этот пост, однако, несмотря на заслуги Зенона перед самодержцем и родство, все же не завещал ему власть над империей.

Неизвестно, по какой причине исаврам поручили столь важную миссию, если учесть, что до этого времени они были среди злейших врагов империи. Защита Зенона не внушала полного доверия населению Константинополя. Согласно одному источнику, «большинство» населения сбежало, узнав о приближающихся гуннах; несомненно, многие именно так и поступили. По сведениям другого источника, Феодосий II подготовился к бегству из столицы, а вот этот источник можно заподозрить в некоторой предвзятости, поскольку император должен был подготовиться к нападению гуннов. На берегу реки Утус в Дакии Аттила вступил в бой с имперской армией, пришедшей из Маркианополя (позже Преслав, ныне Провадия. — Ред.). Римлянами командовал Арнегискл. Он отличился тем, что в 441 году убил военачальника вандала Иоанна и занял его место, которое занимал и по сей день. Он был среди военачальников, потерпевших полное поражение в кампании 443 года, но теперь он, похоже, оказал гуннам более упорное сопротивление, чем они ждали от римлян. Арнегискл поставил все на это генеральное сражение и проиграл. Под ним убили лошадь, и все имеющиеся у нас источники в один голос утверждают, что, упав на землю, Арнегискл продолжал храбро сражаться с гуннами. Хотя победа досталась Аттиле, гунны понесли тяжелые потери. Как бы то ни было, но сражение на реке Утус стало последней победой Аттилы над римлянами.

Прямым следствием сражения стало падение Маркианополя, столицы Нижней Мёзии и самой большого города Фракии. Как и другие города, о которых мы говорили раньше, Маркианполь был восстановлен сто лет спустя при Юстиниане I. После этого гунны не стали нападать на столицу: стены вокруг Константинополя были восстановлены, и даже появились новые, а против них стрелы кочевников были бессильны. Гунны с особой жестокостью занялись разграблением балкан-

ских провинций, и Иордан внес в перечень сильно пострадавших территорий Иллирию, Фракию, Дакию, Мёзию. Затем захватчики двинулись на разграбление новых земель: как спустя сто лет (в 558—559 годах) хан Заберган, они двинулись на юг в Грецию, но были остановлены при Фермопилах. О дальнейшем ходе кампании гуннов ничего не известно, так что об этом вторжении мы знаем еще меньше, чем о кампании 441—443 годов.

Однако об ужасах войны в какой-то мере упоминает Каллинник в своей «Жизни святого Ипатия», который в то время жил во Фракии¹:

«Варварская нация гуннов во Фракии была настолько огромной, что захватила больше сотни городов, угрожала Константинополю, и большинство людей сбежало из него... Было так много убийств и кровопролитий, что мертвых не могли сосчитать. Они [гунны] захватывали церкви и монастыри и убивали монахов и монашек».

Возможно, Ипатий несколько преувеличил, говоря о сотне захваченных городов, во всяком случае, автор Галльской хроники 452 года говорит, что городов было «не менее чем семьдесят». Одна фраза из сочинения Каллинника настолько привлекла внимание, что захотелось ее полностью процитировать: «Новая катастрофа обрушилась на Восток, нападения гуннов опустошили не менее семидесяти городов, но с Запада не поступило помощи». Что означают последние слова? Нам ничего не остается, как сделать вывод, что на Западе были люди, которые считали, что Аэций не должен стоять в стороне, когда гибнет Восток. Восточная Римская империя не раз приходила на помощь Западной Римской империи — пусть и не из альтруистиче-

¹ Преподобный Ипатий преставился около 446 г., в возрасте восемидесяти лет. Накануне смерти он предсказал грядущие беды: опустошительный град, землетрясение и нападение Аттилы на Фракию.

ских соображений, — даже в тех случаях, когда это было выше ее возможностей. В этой фразе нам видится намек на то, что кое-кто считал, что надо платить долги, а значит, старый Рим должен оказать помощь новому.

И напоследок хочется обратить внимание на слова, написанные графом Марцеллином (не путать с Аммианом Марцеллином) относительно 447 года: «Землю почти всей Европы Аттила превратил в пыль».

Глава 5

МИР НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Последующие три года, с 447-го по 450-й, были посвящены переговорам между Аттилой и императором Восточной Римской империи Феодосием II. Восточные римляне, не имевшие в резерве военных ресурсов, могли теперь полагаться только на профессионализм своих дипломатов. Искусность и терпение дипломатов принесли больше успехов, чем они могли предполагать. История дипломатических отношений того периода известна нам лучше, чем любой из периодов древней истории. Нам исключительно повезло, что Приск принимал участие в посольстве к гуннам в 449 году и посвятил большую часть своей книги рассказу о том, что он видел и делал во время этой поездки. Но прежде чем перейти к его рассказу, мы рассмотрим последнюю военную кампанию Аттилы в Восточной Римской империи.

1

Ни одна такая хищная нация, как гунны, не могла долгое время находиться в состоянии мира. Следующей жертвой гуннов после кампании 447 года стал малоизвестный, но отважный народ под названием акацииры. Мы не можем с уверенностью сказать, что это был за народ, хотя и существует несколько предположений на их счет. Предполагалось, что это были предки хазар и т. д. Но Приск говорит, что акациры были гуннским

118

племенем, и у нас нет причины не верить ему. Можно только приблизительно определить область их проживания. Иордан сообщает, что в устье Вислы жили видиварии, восточнее, на Балтийском побережье, жили эстии, а к югу от них находились акациры. Маркварт полагает, что они жили в районе современного (и очень древнего) города Коростень на Украине, но Приск считает, что акациры населяли «Скифию у Понта Эксинского (Черное море)», что указывает на область, расположенную ближе к Черному морю, чем Коростень (центр славянского племени древлян, здесь славянская и праславянская культура прослеживается по крайней мере до середины 2-го тысячелетия до н. э. — Ред.). Много лет спустя, когда центральноазиатские народы двинулись в Европу, акациры стали первым племенем, выдержавшим их нападок, и дальше Приск приводит причину, почему он считает, что они были «не так уж далеки от персов». Все это указывает на то, что люди, возможно жившие на Балтийском побережье по информации источника Иордана — хотя можно полностью отказаться от его утверждения относительно их местоположения, — переселились туда с юго-востока после 448 года и в тот год жили восточнее побережья Черного или Азовского моря. Только в одном вопросе ученые продемонстрировали единодушие: Томашек, Маркварт и Кислинг пришли к единому мнению, что название «акациры» древнетюркское и означает «лесные люди».

Мужество акациров произвело огромное впечатление на Иордана. Он называет племя акациров «могущественнейшим», «сильнейшим» и определяет его как неземледельческое, занимающееся скотоводством и охотой («не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты»). Далее мы узнаем, что они объединяются в кланы и племена, и у каждого клана и племени свой вождь. Совершенно ясно, что они, как и гунны Аттилы, находились на низшей стадии пасторализма. Мы не знаем, как они пережили экспансию гуннов при Ат-

119

тиле и Бледе в тридцатых годах V столетия и сохранили независимость, но, возможно, завоеватели еще не продвинулись так глубоко на Восток.

Однако вполне возможно, что акациры находились в дружеских отношениях с гуннами до и какое-то время после убийства Бледы. Феодосий понимал их стратегическую ценность как независимой силы, находящейся в тылу Аттилы, и дипломатия Восточной Римской империи строилась (или вскоре стала строиться) на том, чтобы по возможности приблизить к империи такие народы, которые станут с тыла угрожать врагам, подобравшимся к границам империи. По этой причине император отправил вождям акацирских племен подарки и предложил отказаться от союза с Аттилой и заключить договор с ним. Отправленный к акацирам посол не имел понятия о социальной организации людей, с которыми собирался вести переговоры. По словам Приска, у них «было много начальников по племенам и родам», иначе говоря, они составляли обширный племенной союз. Посол, не знакомый с иерархией акацирских вождей, раздал подарки. Старший из вождей Куридах получил подарок не первым, а вторым. Куридах был настолько обижен и возмущен, что бросился к Аттиле, призывая его напасть на тех акацирских вождей, которые посягнули на его законные права. Аттила повернул против акациров большое войско, и после нескольких сражений часть изменивших акацирских вождей была перебита, а других заставили покориться. Затем Аттила вызвал к себе Куридаха, но тот с некоторым подозрением отнесся к намерениям своего благодворителя и отправил ему сообщение, в котором говорилось примерно следующее: «Человеку трудно созерцать бога; как нельзя смотреть на солнце, чтобы не ослепнуть, так невозможно смотреть на величайшего из богов». Это спасло Куридаха. Он уцелел и остался во главе своего племени, а управлять остальными акацирами Аттила поставил своего старшего сына Эллака. Попытка Феодосия II перетянуть

на свою сторону акациров не удалась, и нам ничего не известно о дальнейших попытках распространить свое влияние на причерноморские племена, предпринятых правительством Восточной Римской империи.

2

В 448 году на северной границе установился мир. Мы не располагаем подробной информацией о ходе переговоров, которые привели к миру, но знаем, что со стороны римлян делегацию возглавил все тот же Анатолий, который договорился об окончании войны в 443 году. Соглашение в целом было более жестким. Аттила потребовал, чтобы римляне полностью освободили значительную территорию к югу от Дуная. По словам Приска, они должны были «перестать обрабатывать завоеванную Аттилой землю», которая «в длину простиралась по течению Истра [Дунай] от Пеонии [то есть северной Македонии] до Нов Фракийских, а в ширину на пять дней пути», то есть приблизительно 160–200 километров. Другими словами, римляне должны были освободить придунайские области; новая граница должна была проходить по Нишаве. Дунай со всеми укреплениями и пограничными городами, лежавшими в руинах, больше не должен был являться границей Восточной Римской империи. О размере дани, которые римляне обязаны были выплачивать гуннам, нам ничего не известно¹.

В течение последующих двух лет перед римской дипломатией стояла цель добиться некоторого смягчения условий, поставленных гуннами.

Весной 449 года в качестве представителя Аттилы в Константинополь прибыл, согласно Приску, «Эдеко, скиф, отличившийся великими военными подвигами».

¹ По заявлению Штайна, размер дани не увеличился. Может, это и так, но я не знаю, на основании какой информации он делает подобное заключение. (Примеч. авт.)

Он, очевидно, тоже присутствовал при подписании второго мира с Анатолием. Вместе с ним приехал Орест, житель Паннонии, который, что удивительно, был римлянином, родившимся в Паннонии. Орест женился на дочери некоего Ромула, и его сын, названный в честь деда Ромулом, впоследствии стал последним императором Западной Римской империи. Эдеко вручил Феодосию письмо от Аттилы и сделал кое-какие пояснения, которые императору и министрам перевел Вигила¹.

Этот самый Вигила, сыгравший главную роль в последующих событиях, уже выступал в качестве переводчика во время переговоров Анатолия с гуннами в 448 году. То, что правительство Восточной Римской империи часто пользовалось услугами этого человека, не разбирающегося в тонкостях дипломатии, во время переговоров с гуннами, свидетельствует о трудностях, связанных с поисками людей, знатных гуннский язык. На страницах сочинения Приска мы, помимо Вигилы, встречаемся только с еще одним человеком, который знал язык гуннов. Это Рустикий, уроженец Верхней Мёзии, который в качестве военнопленного жил у гуннов с начала кампании 441 года. Вигила, вне всякого сомнения, в полной мере испытал на себе презрительное отношение, с которым римляне относились к переводчикам, и его постоянное общение с людьми, занимавшими такое высокое положение, как Анатолий и Максимин, похоже, сказалось на его поведении, сделавшем его агрессивным и бес tactным.

В письме, привезенном Эдеко, говорилось о том, что римляне так же не спешат с выполнением условий второго мира Анатолия, как и в 435 году. Аттила обвинял Феодосия II в отказе выдать нескольких беглецов и освободить территории к югу от Дуная. Если два этих условия не будут незамедлительно выполнены, говори-

¹ Историки называют его Вигилий, Вигилан и Вигила. Бюри настаивает на имени Бигила и говорит, что это готское имя. (Примеч. авт.)

лось в письме, то гунны возобновят военные действия. Далее Аттила требовал направить для переговоров о еще не решенных делах посланников самых значительных из имеющих консульское достоинство. Если ему пришлют таких послов, заявлял Аттила, то он пересечет Дунай и встретит их в Сердике. Из этого письма явственно следует, что Аттила продолжал политику шантажа, которой упорно следовал после заключения мира в 443 году. Итак, со временем недавно заключенного мира у Аттилы появились новые требования — после успешных военных действий он стремился к расширению территории. Возможно, это требование уступки значительной территории и угрозы очередного набега, в случае невыдачи беглых, заставили правительство Восточной Римской империи искать иное решение проблемы.

Передав письмо и ряд устных пояснений через Вигилу, Эдеко вышел из дворца в сопровождении переводчика и проследовал в дом самого влиятельного сановника Феодосия II, евнуха Хрисафия. Этот деятель имел полную власть над правительством и императрицей Евдокией со времени первого мира Анатолия, то есть с 443 года. Сейчас Хрисафий находился на вершине власти, хотя его участие в делах крестного отца еретика Евтихия в скором времени ослабило его позиции. Ходили слухи, что Хрисафий использовал свое влияние на императора с целью личного обогащения, причем недобросовестными средствами. Подобные обвинения выдвигались в адрес всех видных деятелей империи, и, по-видимому, Хрисафий был лучше, чем репутация, которую он заслужил, но отнюдь не безгрешен. Он с исключительным мастерством удерживал свое положение, но проводимая им внешняя политика, о которой мы поговорим несколько позже, была предметом острых разногласий.

Войдя в дом Хрисафия, Эдеко с восхищением отозвался о роскошных дворцах Константинополя. Вигила

перевел его слова. «Ты можешь стать очень богатым человеком и жить в доме из чистого золота, если только оставишь гуннов и пристанешь к римлянам», — сказал Хрисафий. «Но слуге, — простодушно ответил Эдеко, — непозволительно делать это без разрешения своего господина». — «Ты ведь влиятельный человек, Эдеко? Ты свободно входишь к Аттиле?» — «О да, я близок к Аттиле. Мне вместе с другими значительными персонами доверено охранять царя. Каждый из нас по очереди несет при нем вооруженный караул», — ответил Эдеко. Тогда евнух сказал, что если Эдеко поклянется хранить тайну, то он сделает ему очень интересное предложение, и у него будет время, чтобы обдумать его. После этого Хрисафий пригласил Эдеко к себе на обед, но попросил прийти одного, без Ореста, чтобы наедине обсудить его предложение. Эдеко согласился.

На обеде в доме Хрисафия присутствовали только сам хозяин, Эдеко и Вигила в качестве переводчика. Хрисафий поклялся, что сделает предложение «не ко вреду Эдеко, но к большому его счастью», а Эдеко, в свою очередь, поклялся в том, что не разгласит предложения независимо от того, примет его или нет. И только после этого Хрисафий объяснил суть предложения. «Если ты убьешь Аттилу, — сказал евнух, — и возвратишься к римлянам, то остаток жизни проведешь в счастье, обретя великое богатство». Эдеко принял предложение, возможно, с излишней готовностью, но потребовал денег, около 50 либр золота, для подкупа гуннов, находившихся под его началом. Евнух обещал немедленно выдать ему эти деньги. Но у Эдеко было на этот счет собственное мнение. Он объяснил, что должен вернуться к Аттиле, чтобы сообщить о результатах посольства. Вместе с ним должен поехать Вигила, чтобы получить ответ насчет беглецов. Потом через Вигилю Эдеко сообщит Хрисафию, каким образом переслать золото, потому что если у него будет с собой золото, то ему будет трудно скрыть его от Ореста и

остальных спутников. А по возвращении Аттила наверняка расспросит, какие подарки и сколько денег дали римляне. Евнух согласился с Эдеко, и, пообедав, они расстались.

Евнух поспешил к императору и сообщил ему о своем замысле. Феодосий вызвал магистра оффиций Маркиалия (своего рода секретарь иностранных дел), и втроем они обсудили предложения, внесенные Эдеко. Сообща они внесли одно изменение, считая, что желательно отвлечь внимание Аттилы от Вигиля. Было решено отправить послами к Аттиле не только Вигилю, но и Максимина, с тем чтобы Вигила, под видом исполнения должности переводчика, сделал все, что прикажет ему Эдеко, а Максимин, ничего не знавший об их замысле, просто передал письмо императора в ответ на письмо Аттилы, доставленное Эдеко. Относительно посылаемых лиц в письме сообщалось, что Вигила — переводчик, а Максимин выше Вигиля по достоинству, из знатного рода и очень близок к императору; затем император писал, что Аттиле не следует, нарушая перемирие, тратиться на римскую землю; «а беглецов, сверх выданных уже, я отправил к тебе семнадцать, так как других нет». Таково было содержание письма. Кроме того, Максимину было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, так как это «не делалось ни при его предках, ни при других владетелях Скифии, а бывали послами первый попавшийся воин или вестник».

Почему нельзя было написать в письме то, что Максимин должен был передавать на словах? Дело в том, что это была явная ложь. До этого с Аттилой проводили переговоры послы действительно высшего ранга, с которыми мы уже встречались, — Анатолий и Сенатор. Нежелание Феодосия направлять к гуннам послов высшего ранга, несомненно, происходило из опасения, что в случае неудачной попытки покушения на Аттилу

римским послам не удастся благополучно вернуться в Константинополь. Он не хотел терять нужных людей, а потому решил отправить Максимина.

3

Группа во главе с послом выехала из столицы Восточной Римской империи верхом где-то в начале лета 449 года. Максимин, посол достаточно высокого, хотя и не высшего достоинства, являлся членом комиссии по составлению Кодекса Феодосия. Очевидно, он добился быстрого повышения, потому что, когда комиссия упоминается спустя три года, он уже не является членом комиссии; по-видимому, занимает более высокое положение. Нам не известно, почему именно его имя прозвучало во время совещания Феодосия с Хрисафием и Маркиалием и было решено отправить его к Аттиле в составе этого сопряженного с опасностью посольства. Возможно, они считали его здравомыслящим человеком, который, вероятно, не потеряет голову в критической ситуации. Однако мы можем поздравить себя с их выбором и согласием Максимина возглавить посольство к Аттиле, поскольку, узнав о порученной миссии, Максимин сразу пошел к своему другу, историку Приску, и попросил сопровождать его в этом, по всей видимости, длительном путешествии.

Мы ничего не знали о Приске до того, как он получил приглашение Максимина. В пути он, похоже, занимает место, которое позволяет ему находиться с послом не в официальных, а в личных отношениях; возможно, историк в каком-то качестве состоял при дворе и был направлен в поездку своим непосредственным начальством. Видимо, при дворе он познакомился и близко сошелся с Максимином, который сделал его де-факто, если не де-юре, советником и консультантом. Теперь в империи сложилась традиция включать фило-

софа, или софиста, в посольство, чтобы обеспечить посла красноречивым оратором. Возможно, Приска попросили сопровождать Максимина в этой поездке, поскольку он уже завоевал репутацию опытного и знающего историка и оратора. Возможно, он уже издал несколько «риторических упражнений», которые ему приписывает Св�다 и о которых нам ничего не известно.

Известие о поездке посольства к гуннам, вероятно, дошло до Рустикия, который хотел обсудить вопрос личного характера с одним из римских секретарей Аттилы, и он получил разрешение поехать вместе с Максимином. Рустикий был полезным членом посольства, поскольку, не считая Вигилы, был единственным представителем римлян, знавшим гуннский язык; житель Мёзии, он в течение многих лет жил у гуннов в качестве военнопленного. Кроме него, в состав экспедиции входил уже упомянутый ранее переводчик Вигила, гунн Эдеко — только эти двое знали о заговоре против Аттилы, Орест, приехавший в Константинополь с Эдеко, и несколько гуннов (о них нам ничего не известно), сопровождавших Эдеко. Приск только упоминает слуг, обслуживавших своих хозяев, и погонщиков, заботившихся о выочных животных. На животных погрузили не только подарки, предназначавшиеся гуннам, но и продовольствие для римских послов, которым их обеспечило собственное правительство, а не те местные власти, через чьи территории они проезжали.

Через тринадцать дней путешественники приехали в Сердику, разрушенную в 441 году. Остановившись в Сердике, Максимин счел приличным пригласить на обед Эдеко с сопровождавшими его варварами. У местных жителей купили овец и быков, слуги зарезали их и приготовили обед. Во время обеда произошел неприятный инцидент. Варвары стали восхвалять Аттилу, а римляне императора, и тут Вигила с характерной для него бес tactностью сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, подразумевая под человеком Ат-

тилу, а под багом Феодосия II. Это необдуманное замечание, по мнению Ходжкина, можно объяснить тем, что он слишком часто прикладывался к чаше с вином. Гунны обиделись на это замечание и уже были готовы всерьез рассердиться, когда Максимин и Приск перевели разговор на другой предмет и постарались любезностью смягчить их гнев, пустив бутылку по кругу. Когда все встали после обеда, Максимин почтил Эдеко и Ореста подарками, а именно шелковыми одеждами и индийскими самоцветами. А затем произошел случай, поставивший в тупик Максимина и Приска. Орест, выждав, когда удалится Эдеко, сказал Максимину, что он прекрасный человек, так как не пренебрег им, Орестом, в отличие от римских сановников, которые приглашали на обед только Эдеко и одаривали его подарками, забыв об Оресте. Максимин был заинтригован словами Ореста и поинтересовался, кем и когда он был так обижен. Ничего не ответив, Орест повернулся и вышел. На следующий день Максимин и Приск рассказали Вигиле о непонятном поведении Ореста и о его заинтриговавших послах. Вигила ответил, что Орест не должен обижаться, не получая одинаковых с Эдеко почестей, так как он только прислужник и писец Аттилы, а Эдеко, как известный храбрец на войне и природный гунн, стоит намного выше Ореста. После этого Вигила переговорил наедине с Эдеко, а затем вернулся и сказал послу, что передал Эдеко их разговор и едва успокоил его, так гунн разгневался от услышанного. Как все было на самом деле? Подозревал ли что-нибудь Орест? В действительности все было намного хуже, чем мог себе представить Вигила. Эдеко рассказал о заговоре своим спутникам, и Орест хотел похвалить Максимина за то, что он ничего не знает о заговоре.

Спустя много лет после смерти Феодосия, Максимина и Аттилы Приск высказал мнение, что Эдеко раскрыл тайну заговора, потому что либо не собирался убивать Аттилу, либо испугался, что Орест что-то по-

дозревает и расскажет Аттиле об обеде у Хрисафия, на который Ореста не пригласили. Во всяком случае, при первой возможности Эдеко сообщил Аттиле о готовящемся заговоре и о деньгах, которые должен получить от евнуха. Кроме того, он раскрыл содержание письма, которое Максимин должен был вручить Аттиле, но для нас остается тайной, как ему удалось это сделать.

Когда посольство прибыло в Наис, римляне получили возможность увидеть последствия войны кочевников. Город был полностью опустошен. Здания, которыми император Константин некогда украсил родной город, были разрушены. Жители исчезли; только в священных обителях осталось несколько больных, не способных выбраться из города. Прошло шесть лет с тех пор, как гунны захватили Наис, но до сих пор не было предпринято никаких усилий, чтобы вернуть к его жизни. Посол и его сопровождающие даже не сделали попытки поставить палатки в городе, а, пройдя выше по течению, поскольку весь берег был покрыт костями убитых на войне, выбрали чистое место для лагеря. На следующий день они пошли к Агинтею, командующему войсками в Иллирии, чтобы сообщить ему приказ императора передать пять из семнадцати беглецов, обещанных Аттиле. Агинтей сказал каждому из них несколько теплых слов и отпустил с Максимином.

На следующий день посольство подошло к Дунаю. Варвары-перевозчики перевезли римлян и гуннов через реку на челноках, представлявших собой выдолбленные стволы деревьев. До этого они уже перевезли толпу варваров, которую посольство встретило по дороге, поскольку Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Переправившись через Дунай и пройдя около семидесяти стадиев¹, римляне были вынужде-

¹ Стади (от греч. *Stadion*) — древняя мера длины (расстояние, проходимое человеком спокойным шагом за время восхода солнца, то есть в течение 2 минут). Птолемеевский и римский стадиев равен 185 м. (*Примеч. ред.*)

ны сделать привал, пока Эдеко со своими спутниками не сообщит Аттиле о прибытии посольства.

В сумерках, когда римляне сидели за ужином, послышался топот приближающихся коней. Прибыли два гунна с приказанием отправиться к Аттиле. Римляне пригласили их поужинать, гунны спешились и присоединились к ним. На следующий день они проводили римлян к стоянке Аттилы. В девятом часу утра римляне подъехали к шатрам Аттилы, которых было великое множество. Свои шатры римляне хотели поставить на холме, но сопровождавшие их гунны запретили им это, поскольку шатры Аттилы располагались в низине. Когда римляне остановились там, где указали «скифы», к ним пришли Эдеко, Орест, Скотта и другие высокопоставленные гунны Аттилы с вопросом, с какой целью явились их посольство. Римляне удивились этому странному вопросу и только молча переглянулись друг с другом. Гунны продолжали настаивать на ответе, и чувствовалось, что они начинают сердиться. Тогда Максимин ответил, что император приказал им говорить только с Аттилой и более ни с кем. Скотта в сердцах воскликнул, что Аттила приказал им задать этот вопрос и они бы не пришли к римлянам ради праздного любопытства. На это Максимин ответил, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, были бы «допрашиваемы другими людьми о цели посольства». Гуннам это прекрасно известно, поскольку они сами часто посыпают посольства к императору и знакомы с дипломатическим протоколом. Максимин заявил, что настаивает на соблюдении дипломатических законов и не станет сообщать о цели своего посольства.

Гунны молча выслушали Максимиана, вскочили на коней и поскакали к Аттиле. Вскоре они вернулись, и Вигила отметил, что с ними уже не было Эдеко. К удивлению Максимиана и Приска, они с точностью пересказали все выданные римлянам инструкции и содержание

письма и приказали как можно скорее удалиться, если римлянам нечего сказать в дополнение. При этих словах посол с Приском пришли в еще большее недоумение: каким образом гуннам стало известно принятое втайне решение императора? Тем не менее они решили настоять на своем, не открывая цели посольства. Поэтому Максимин ответил, что, было ли целью посольства сказанное гуннами или что-либо другое, об этом должен узнать их повелитель и что он, Максимин, не будет разговаривать с кем бы то ни было, кроме Аттилы. Тогда гунны предложили римлянам немедленно удалиться.

Римлянам ничего не оставалось, как заняться приготовлениями к отъезду, и вдруг Вигила стал ругать Максимиана за разговор с гуннами и заявил, что лучше быть уличенными во лжи, чем удалиться ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой, — сказал он, — то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, так как я подружился с ним во время посольства Анатолия». Вигила надеялся, что под видом посольства найдет предлог переговорить относительно плана, принятого против Аттилы, и принести золото, в котором нуждался Эдеко, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Очевидно, он даже не мог предположить, что Эдеко уже предал его. Когда поклажа была уже навьючена на животных и Максимин, вынуждаемый обстоятельствами, приказал двигаться в обратный путь, пришли гунны, которых римляне до этого не видели, и сказали, что Аттила позволил римлянам остаться до утра. Они привели быка и принесли немного рыбы, по их словам, в дар от Аттилы. Римляне поужинали и легли спать. С наступлением следующего дня они надеялись на лучшее, но были сильно разочарованы. Пришли вчерашние гунны и передали приказ удалиться, если римлянам нечего сказать в добавление к уже известной Аттиле информации. Римляне, ничего не ответив, стали готовиться к отъезду. Но опять вмешался Вигила. Он настоятельно

советовал Максимину сказать, что у него есть и другие заявления. Однако находившийся в большом унынии посол отказался это сделать.

Приск, видя состояние друга, решил взять инициативу на себя. Он взял Рустикия, который знал гуннский язык, подошел вместе с ним к Скотте и пообещал, что Скотта получит от Максимина множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Аттилы. Приск объяснил, что посольство принесет пользу не только римлянам и гуннам, но и лично Скотте, а под конец добавил, что, как ему сказали, Аттила слушается Скотта, но это все только слова, которые не будут заслуживать доверия, если римляне не узнают на опыте силу его влияния на Аттилу. Скотта обиделся на этот оскорбительный намек и, сердито прервав Приска, заявил, что никто не имеет большего влияния на Аттилу, чем он. Желая доказать свои слова, он вскочил на лошадь и поскакал к шатру Аттилы. Приск поспешил к Максимину, предававшемуся унынию в компании Вигилы. Выслушав рассказ Приска, посол бросился к нему со словами благодарности и отозвал людей, уже выступивших с выочных животными. Вскоре Скотта вернулся и сказал, чтобы они явились в шатер Аттилы.

Толпа варваров, окружившая шатер, охраняла Аттилу, но Максимина и Приска сразу впустили в шатер. Когда они вошли, Аттила сидел в деревянном кресле. Максимин с Вигилой приблизились к Аттиле; Приск и остальные застыли на почтительном расстоянии. Историк получил первую возможность рассмотреть гуннского вождя. Перед ними сидел «низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазками, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи» человек. Пока Приск разглядывал гунна, Максимин, поприветствовав Аттилу, передал ему письмо императора и сказал, что император желает доброго здоровья ему и его окружению. Аттила мрачно ответил, что римлян постигнет та-

же участь, какую они желают ему, но Максимин, ничего не знаящий о заговоре против Аттилы, не обратил внимания на его слова. Максимин попытался продолжить, но Аттила, прервав его, повернулся к Вигиле, обозвал его бесстыдным животным и спросил, с какой стати он посмел явиться к нему, зная решение его и Анатolia о мире. Ведь было сказано, чтобы послы не являлись прежде, чем гуннам не будут выданы все беглецы. Вигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, они выдали уже всех, кто у них был. Аттила, еще больше рассердившись и осыпав Вигилу бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам за бесстыдство и дерзкие слова, если бы не посольский устав, и добавил, что у римлян есть много беглецов из его племени. После чего приказал секретарям зачитать их имена. Когда это было сделано, Аттила приказал Вигиле немедленно удалиться и сказал, что пошлет с ним в Константинополь Эслу, бывшего посла Руя, чтобы окончательно урегулировать вопрос по выдаче всех гуннов, перебежавших к римлянам начиная со времени, когда Карпилеон (сын Аэзия, полководца Западной Римской империи) стал их заложником. Он не может позволить своим рабам, как он их называл, служить в римской армии и бороться против него. Хотя, добавил Аттила мрачно, вряд ли они принесут пользу римлянам, если он опять пойдет на них войной, а он это, конечно, сделает, если дезертиры не будут возвращены. Заканчивая аудиенцию, он приказал Максимину не покидать его территорию, а подождать ответ на письмо императора. Вот так закончилась первая встреча с Аттилой. Кроме приветствия, посол не произнес ни слова.

Вернувшись в свой шатер, римляне стали обсуждать встречу с Аттилой. Вигила выразил удивление, что Аттила, показавшийся ему во время посольства Анатolia человеком кротким и спокойным, теперь так грубо бранил его. Приск высказал предположение, не внушили

ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с римлянами в Сердике, сообщив, что Вигила называл римского императора богом, а Аттилу — человеком. Максимин признал это предложение вероятным; ведь он не подозревал о заговоре против варвара. Но Вигила пребывал в недоумении и, казалось, не мог понять причину, по которой Аттила с таким гневом набросился на него. Вдруг в шатер заглянул Эдеко и попросил Вигилу выйти наружу. Сделав вид, что все по-прежнему остается в тайне, он попросил Вигилу привезти из Константинополя, как договаривались, 50 либр золота, чтобы он мог раздать деньги своим людям. Эдеко ушел, а Вигила вернулся в шатер. Когда Приск поинтересовался, зачем приходил Эдеко, Вигила, естественно скрыв истинную причину, сказал, что Эдеко объяснил ему причину гнева Аттилы. Оказывается, все дело в беглецах, которых отказываются выдать римляне. В этот момент появились несколько гуннов, которые передали распоряжение Аттилы: римляне не должны покупать на территории гуннской империи ничего, кроме продовольствия, до тех пор, пока не будут уплачены разногласия между имперским правительством и Аттилой. Вигила попал в западню, искусно расставленную умным варварам. Узнав перед возвращением с Эслой в Константинополь, что на гунской территории нельзя ничего покупать, как он объяснит 50 либр золота, которые должен передать Эдеко? Кроме того, Аттила распорядился, чтобы посольство Максимина оставалось на его территории до возвращения Онегесия. Онегесий, брат Скотты, был вторым человеком в гунской империи после Аттилы. В данное время его не было в лагере. Вместе со старшим сыном Аттилы, Эллаком, он отправился к акацирам, год назад подчинившимся Аттиле. Максимин остался дожидаться возвращения Онегесия, а Вигила отправился в Константинополь. Он по-прежнему был уверен, что удастся убить Аттилу, если он привезет Эдеко 50 либр золота.

На следующий день гунны свернули лагерь и двинулись на север. Римские послы какое-то время ехали вместе с варварами, а потом свернули на другую дорогу по приказанию проводников-гуннов, объяснивших, что Аттила должен заехать в одно селение, в котором он хотел жениться на дочери Эскама (о нем нам ничего не известно). Римляне продолжали путь по ровной дороге, пролегавшей по равнине, переправляясь через судоходные реки, название которых не удалось установить. Совершив длинный путь, проехав много селений, они остановились на ночлег у озера. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем. Ветер опрокинул шатер. Все вещи, подхваченные ураганным ветром, утонули в озере. Перепуганные разбушевавшейся стихией, римляне бросились в ближайшее от озера селение. Правившая в нем женщина оказалась одной из жен Бледы. Она не только предложила римлянам еду, но и компанию красивых женщин, но от женщин римляне отказались. В благодарность за оказанное гостеприимство римляне подарили жене Бледы три серебряные чаши, меха, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров.

Проделав семидневный путь, по приказанию проводников-гуннов римляне остановились в одном селении, поскольку в него должен был по пути заехать Аттила. Здесь посольство Максимина встретилось с западными римлянами, тоже прибывшими в качестве посольства к Аттиле. Позже мы обсудим цель приезда западного посольства, а сейчас только отметим, что в состав посольства входили: Ромул, тестя Ореста, который, как мы уже говорили, был римлянином из Паннонии, а его сын, названный в честь деда, впоследствии стал императором Западной Римской империи; Промут, губернатор провинции Норик (несмотря на волнения первых лет нового столетия, Норик был все еще частью Римской империи); командир воинского отряда Роман.

Констанций, отправленный Аэцием к Аттиле в качестве секретаря, и Татул, отец Ореста, приехавший повидаться с сыном, не входили в состав посольства.

Когда Аттила проехал вперед, римляне, восточные и западные, двинулись вместе следом за ним. Переправившись через несколько рек, они, наконец, въехали в огромное селение, в котором находился штаб Аттилы. Это было самое большое селение из всех, через которые они проезжали. Оно располагалось в центре широкой, безлесной равнины, удобной для маневрирования конницы, где никто не мог захватить гуннов врасплох. Жилище Аттилы сильно отличалось от остальных построек. Этот дом, сделанный из бревен и до блеска обструганных досок, окружала деревянная ограда, украшенная деревянными башнями. Несмотря на башни, ограда носила чисто декоративный характер. В некотором отдалении от дома Аттилы стоял дом Онегесия, тоже деревянный, окруженный оградой, но уже без декоративных башен. Рядом с домом Онегесия находилось строение, которое сразу бросилось в глаза римлянам, поскольку было сделано из камня. Это была баня. Камни с огромными трудностями привозили из римской провинции Паннония, поскольку в этой области не было ни камней, ни деревьев, и варвары использовали привозной материал. Баню построил военнопленный из Сирмия, города, захваченного гуннами во время кампании 443 года. Он надеялся получить свободу за то, что построил баню, а добился того, что попал в еще большую зависимость. Онегесий сделал его банщиком, и он прислуживал Онегесию и его домашним и друзьям во время мытья. Жилища остальных гуннов были сделаны, как считает Гиббон, из глины и соломы, поскольку proximity не было никаких строительных материалов, ни камней, ни деревьев¹.

¹ Вот как описывает готский историк VI в. Иордан, со слов Приска, столицу Аттилы: «...переправившись через громадные реки... мы достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение...

При въезде в деревню Аттилу встречали девушки, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживающим руками шедших с обеих сторон женщин, находилось примерно по семь девушек, певших «скифские» песни. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегала дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг: одни несли кушанья, другие — вино. Женщина поприветствовала Аттилу и попросила отведать угощение и выпить чашу вина. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила, сидя на коне, попробовал угощение, пригубил поднесенную серебряную чашу с вином и отправился в свой дворец, отличавшийся высотой от других строений и стоявший на возвышенном месте. По просьбе Онегесия (он уже вернулся из поездки к акациям) римляне остановились в его доме, но принимала римлян жена Онегесия. Дело в том, что во время поездки сын Аттилы Эллак упал с коня и сломал правую руку, поэтому Онегесий сразу пошел к Аттиле, чтобы доложить ему о результатах поездки и о случившемся с его сыном несчастье. После обеда римляне покинули дом Онегесия и поставили палатки вблизи дворца Аттилы, на тот случай, если Максимин срочно понадобится гунну.

На следующий день Максимин послал Приска к Онегесию, чтобы вручить ему подарки от римского императора и Максимина и узнать, где и когда он желает переговорить с римским послом. Подойдя к воротам, Приск увидел, что они закрыты. Пока Приск в ожидании прошло подобно обширнейшему городу, деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними. Видны были и триклии (столовые древнеримского дома), протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам». {Примеч. авт.}

гуливался вдоль ограды, к нему подошел незнакомый мужчина, которого Приск принял за варвара, но незнакомец приветствовал его на греческом языке. Приск уже отметил, что в лагере говорили на гуннском и готском языках. Варвары, общавшиеся с римлянами, немного знали латынь. По-гречески разговаривали только военнопленные, привезенные гуннами из Фракии и Иллирии. Но незнакомец не был похож на пленника, которых можно было легко узнать по изорванной одежде и нечесанным волосам. Остановившийся рядом с Приском мужчина был похож на богатого гунна, поскольку был хорошо одет и остижен в кружок, как принято у гуннов. Приск полюбопытствовал, кто он, откуда пришел в варварскую землю и почему принял гуннский образ жизни. Мужчина ответил вопросом на вопрос, спросив, почему Приска это интересует. Приск сказал, что причиной его любопытства был греческий язык, прозвучавший в таком неподходящем месте. Незнакомец рассмеялся и объяснил, что он приехал из Греции. Его рассказ представляет такой интерес и проливает свет на такое количество вопросов, что мы отложили его для дальнейшего обсуждения.

Наконец кто-то из домочадцев Онегесия открыл ворота, и после недолгого ожидания Приска проводили к хозяину дома. Онегесий принял подарки и пообещал вскоре зайти к Максимину. Войдя в палатку римского посла, Онегесий первым делом поблагодарил за подарки и спросил, зачем Максимин хотел с ним встретиться. От имени Феодосия Максимин пригласил Онегесия приехать в Константинополь, чтобы обсудить все нерешенные вопросы. Если ему удастся уладить все недоразумения, сказал посол, и установить согласие между римлянами и гуннами, то это пойдет не только на пользу обоим народам, но и самому Онегесию и его семье, поскольку сам он и его потомки всегда будут пользоваться милостью императора и его рода. Уж не предлагает ли Максимин ему предать Аттилу, спросил Онеге-

сий, уйти от гуннов, бросить жену, детей? Если так, то он сразу предупреждает, что лучше останется в подчинении у Аттилы, чем станет жить в богатстве у римлян. С этими словами Онегесий покинул римского посла. Он был менее продажен, чем Эдеко.

На следующий день Приск пошел отнести подарки жене Аттилы, Креке, которая была матерью Эллака. Таким образом, ему представилась возможность осмотреть территорию внутри ограды, на которой находилось несколько строений. Стоявшие у двери варвары впустили Приска в дом. Историк застал гуннскую царицу лежащей на мягким ложе. Ее окружало множество служанок, сидевших на коврах, устилавших пол. Они вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались поверх одежд гуннов. Свидание было коротким. Приск приблизился, поприветствовал Креку, вручил подарки и вышел. Он решил подождать во дворе Онегесия, который опять совещался с Аттилой, чтобы узнать, стоит ли Максимину оставаться, или надо отправляться домой, а заодно осмотреться вокруг. Никто его не трогал, поскольку он был уже известен охранникам Аттилы. Вдруг Приск увидел, как оживились толпившиеся во дворе гунны. Поднявшийся шум возвестил о появлении Аттилы. Гунн вышел вместе с Онегесием и окунул взглядом стоявших перед ним людей. Многие стали подходить к нему, чтобы он разрешил их споры. Приск отметил высокомерный вид и презрительный взгляд, с какими Аттила выслушивал жалобщиков и вершил правосудие. Затем он повернулся и вошел во дворец. Приск узнал, что Аттила пошел принимать посольства варварских народов, приехавших в селение.

Приск остался в надежде дождаться Онегесия и коротал время, разговаривая с послами Западной Римской империи. Они поинтересовались, отпустили ли гунны посольство Максимина или приказали остаться. Приск ответил, что ждет Онегесия, чтобы задать этот вопрос. Дальше разговор перешел на характер Аттилы.

Посол западных римлян Ромул, человек, к высказываниям которого Приск относился с большим уважением, заявил, что в силу обретенного могущества Аттила стал столь самонадеянным, что не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время. Стремясь достигнуть еще большего, увеличить и без того огромные владения, Аттила теперь нападет на Иран. Кто-то из римлян, прервав Ромула, спросил, каким путем Аттила может отправиться в Иран. Ромул напомнил историю Васиха и Курсиха, чтобы показать, что гунны вполне способны вторгнуться в эту страну. Аттила, по мнению Ромула, вполне может пройти тем же маршрутом, и ему не составит особого труда покорить Иран. Приск выразил надежду, что, если Аттила пойдет против Сасанидского Ирана, то римляне получат некоторую передышку, на что Константиол, один из западных римлян, сказал, что если Аттила подчинит Иран, то Римскую империю ждет мрачное будущее. Как бы после покорения Ирана Аттила не превратился во врага римлян. Тогда Аттила уже не потерпит, чтобы римляне сохраняли независимость. Он открыто посчитает их своими рабами и предъявит более тяжкие и невыносимые требования. Аттила считает, что сам бог дал знамение усиления его могущества, открыв Аресов меч¹, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден с помощью коровы.

Наконец появился Онегесий. Римляне подошли к нему, чтобы задать интересующие их вопросы. Но сначала Онегесий поговорил с гуннами, окружившими его, и только потом, повернувшись к Приску, поручил

¹ Арес — древнегреческий бог войны, сын громовержца Зевса и Геры, римляне отождествляли его с Марсом.

ему узнать у Максимина, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве послов к Аттиле. Посовещавшись с Максимином, Приск вернулся и сообщил Онегесию, что римское правительство хотело бы, чтобы Онегесий приехал в Константинополь для решения всех спорных вопросов, а если это не получится, то император пришлет того посла, которого выберут гунны. Онегесий, очевидно, понял, что эта уступка имеет чрезвычайно важное значение. Он попросил Приска позвать Максимина и, как только посол пришел, отвел его к Аттиле. Приск не присутствовал на беседе посла с Аттилой, но, вернувшись, Максимин сказал, что Аттила желает, чтобы послом был либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор; других он не примет. Только с кем-то из этих троих он будет вести переговоры, и особо подчеркнул, что если римляне не выполнят его пожелание, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Все это Максимин рассказал Приску по пути к шатру. Вскоре к ним зашел Татул, отец Ореста, который передал приказ Аттилы: вечером Максимин и Приск должны присутствовать на обеде.

В назначенное время, в девять часов вечера, Максимин и Приск явились на обед вместе с послами от Западной Римской империи и остановились на пороге зала во дворце Аттилы. Согласно обычаяу, гунны поднесли им кубки с вином. Пригубив из кубков, римляне заняли отведенные им места за обеденным столом. Когда все расселись, Приск получил возможность осмотреть зал. По обеим сторонам у стен стояли стулья, на которых сидели гунны и гости. В центре, напротив входной двери, на ложе восседал Аттила. За спиной Аттилы стояло еще одно ложе, но на нем никто не сидел, и Приск так и не смог понять, для кого оно было предназначено. За спиной Аттилы на возвышении, к которому вели несколько ступеней, находилась постель гуннского короля, отделенная от комнаты вы-

шитыми льняными занавесками. Аттила действительно спал в обеденном зале, хотя некоторые ученые подвергают этот факт сомнению.

Почетное место по правую руку от Аттилы занимал Онегесий. Это, несомненно, указывает на то, что после Аттилы Онегесий был самым влиятельным человеком. Слева от Аттилы второе по значимости почетное место занимал знатный гунн по имени Берих. Римляне сидели за Берихом. Сыновья Аттилы сидели перед отцом, глядя в пол изуважения и страха перед ним. Наконец, когда все расселись, появился виночерпий и вручил Аттиле кубок с вином. Он взял кубок и выпил за Бериха. Удостоенный чести Берих сразу поднялся с места; согласно традиции, он мог сесть только после того, как, пригубив или выпив вино, Аттила отдавал кубок виночерпию. У каждого присутствующего на обеде был свой виночерпий, входивший по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как почести удостоились все гости, Аттила почтил римлян таким же образом. После окончания этой церемонии виночерпии вышли, и перед каждыми тремя-четырьмя гостями поставили столы; таким образом, каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушанья, не вставая с места. Слуги внесли и расставили на столах хлеб, мясо, всевозможные лакомства, лежавшие на круглых серебряных блюдах, трофеи из разграбленных римских городов. Римляне отметили богатое угождение и красивую сервировку, однако сам Аттила ел с деревянной тарелки и только мясо. Вино он пил из деревянного кубка, в то время как его приверженцы пили из золотых и серебряных чаш. Одежда Аттилы, очень скромная, отличалась от одежды других гуннов только чистотой; ни висевший у Аттилы сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других гуннов, золотом, драгоценными камнями или какими-то еще украшениями. Когда все было съедено, все встали, и никто не садился до тех пор, пока каждый гость не выпил кубок вина за

здоровья Аттилы. Вот как Приск описывает то, что происходило дальше.

«При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на середину перед Аттилой, запели сочиненные ими песни, в которых воспевали его победы и военные доблести. Участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух нуждался в спокойствии, проливали слезы. После пения выступил какой-то поврежденный рассудком гунн и начал молоть всевозможный вздор, которым всех рассмешил».

Следом вышел шут Бледы, Зерко. Бледа дал ему жену, о которой тот так мечтал, но после убийства Бледы Аттила в качестве подарка отправил карлика Аэцию, который, в свою очередь, передарил его Аспару. Теперь Зерко вернулся к гуннам в надежде получить обратно свою жену. Эдеко посоветовал карлику обратиться с просьбой к Аттиле, но вождь сердито отклонил его просьбу. Теперь Зерко надеялся, что если ему удастся рассмешить Аттилу, то он согласится вернуть ему жену. Карлику удалось рассмешить и вызвать аплодисменты своим нелепым одеянием и безумной смесью языков, на которых он произносил какие-то глупые слова, всех, кроме Аттилы. Гунн сидел с каменным лицом и ни словом, ни поступком не показывал веселого настроения. Вдруг открылась дверь, и на пороге появился младший сын Аттилы, Эрна. Он подошел к отцу и встал рядом. Зал находился от хохота, а Приск внимательно наблюдал за Аттилой. Гунн нежно посмотрел на сына и потрепал его по щеке.

Приск удивился такому проявлению нежности по отношению к младшему сыну, тогда как на старших детей Аттила смотрел с явным презрением. Историк повернулся к сидящему рядом с ним гунну, который, как он понял, знал латинский язык, и спросил, почему Аттила, не обращая внимания на других детей, с такой нежно-

стью относится к младшему сыну. Варвар, попросив никому не передавать его слова, объяснил, что предсказатели напророчили Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен младшим сыном.

Всю ночь гости пировали в доме Аттилы, а римляне незаметно ушли, поскольку, по словам Приска, не хотели слишком напиваться.

На следующее утро римляне пошли к Онегесио и открыто сказали, что они просто впустую тратят время и просят разрешения уехать. Разрешение тут же было получено, поскольку римляне пошли на уступки относительно состава следующего посольства. Онегесий, посовещавшись с гуннами, составил письмо императору Феодосию II, написанное Рустикием. В этот день римлян пригласила на обед жена Аттилы Крека. Римлянам оказали радушное гостеприимство. По окончании обеда каждый из гуннов подавал римлянам кубок вина, а затем, поцеловав, принимал кубок обратно. На следующий день римляне опять обедали у Аттилы. Вечер прошел по тому же сценарию, но теперь по правую руку от Аттилы сидел его дядя со стороны отца, Оэбарсий. Нам не известно, почему Оэбарсий не правил вместе с братьями Руа и Октаром, но то, что он был значительно младше остальных братьев. Во время обеда Аттила любезно разговаривал с римлянами и просил передать императору, чтобы он отдал в жены Констанцию, которого Аэций приспал ему в качестве секретаря, дочь некоего Саторнила, богатого и знатного жителя Константинополя. История с женитьбой Констанция была настолько запутанной, что разговор получился долгим и не мог не наскучить Максимиину.

Спустя три дня римлянам поднесли дары, и они отправились в Константинополь. Вместе с ними Аттила отправил в качестве посла к императору Бериха, очевидно желая, чтобы он, как посол, получил дары от римлян. Путешествие оказалось весьма поучительным. Когда

римляне остановились в одном селении, там был только что пойман «скифский» шпион, засланный на гуннскую территорию за информацией о варврах, и по приказу Аттилы его собирались сажать на кол. На следующий день уже в другой деревне они увидели, как по деревне вели двух рабов со связанными сзади руками. Они убили своих господ, которые захватили их во время войны в плен. Рабов распяли. Пока ехали по Скифии, Берих казался спокойным и общительным спутником, но, когда пересекли Дунай, его поведение резко изменилось. Когда римляне собрались уезжать, Аттила приказал своим приближенным преподнести дары римскому послу, и каждый из них, в том числе Берих, подарил коней. Теперь Берих потребовал у Максимина вернуть его коня и не захотел ни ехать рядом, ни есть вместе с римлянами. Доехав до Адрианополя и остановившись на отдых, римляне пригласили Бериха за стол и попытались выяснить, чем вызвано его странное поведение. Но только в Константинополе он объяснил, что послужило причиной его гнева. Он обвинил Максимина в том, что, находясь в Скифии, посол якобы сказал, что германские военачальники впали в немилость и что теперь Аспар и Ареобинд не имеют влияния на императора. Непонятно, почему это высказывание так возмутило Бериха? Итак, посольство, через Филиппополь и Адрианополь, благополучно вернулось в Константинополь. Послы выполнили свою миссию тактично, решительно и с достоинством.

4

На дороге между Филиппополем и Адрианополем они встретились с Вигилой, возвращавшимся в Скифию в главное селение (ставку) Аттилы с 50 либрами золота, с помощью которого он надеялся заставить Эдеко убить Аттилу. Задав несколько вопросов о том,

что происходило в ставке Аттилы после его отъезда, переводчик поехал дальше, по-прежнему не подозревая, что заговор давно раскрыт и он направляется прямо в западню.

Когда Вигила приехал в ставку Аттилы, его тут же арестовали. Золото нашли, изъяли, а Вигилу отвели к Аттиле, который спросил, зачем он привез столько золота. Но у Вигила был уже готов ответ. Он заявил, что деньги ему нужны, чтобы покупать еду для себя и своих слуг и на тот случай, если какая-то из его лошадей или выночных животных не выдержит долгого пути и придется купить одно или несколько новых животных. Кроме того, объяснил он, многие жители империи, родственники которых были захвачены в плен во время войны, дали ему деньги, чтобы он попытался выкупить пленных. «Нет, мерзкое животное! — вскричал Аттила. — Ты не уйдешь от суда благодаря своим выдумкам, и нет у тебя достаточного предлога, чтобы избежать наказания, так как у тебя денег больше, чем надо для твоих расходов, для покупки лошадей и выночного скота и для выкупа пленных, в котором я отказал, когда ты приезжал ко мне с Максимином». Вигила допустил ошибку, взяв с собой сына. Аттила объявил, что если Вигила не скажет, кому и с какой целью он привез золото, то его сын падет от меча. Когда Вигила увидел, как уводят его сына, он не выдержал. Заливаясь слезами, он закричал, что меч должен обрушиться на него, а не на ни в чем не повинного мальчика. Он тут же рассказал историю заговора, подготовленного Эдеко, евнухом Хрисафием и императором Феодосием II, и умолял покарать его, но отпустить сына. Аттила понял, что на этот раз Вигила сказал правду; его рассказ совпал с рассказом Эдеко. Аттила приказал заковать Вигилу в оковы, пригрозив, что не освободит его до тех пор, пока его сын, вместе с Орестом и Эслой, не съездит в Константинополь и не привезет за Вигилу выкуп в размере 50 либр золота. Аттила приказал Оресту по-

весить на шею кошель, в котором Вигила привез золото, показать кошель Феодосию и Хрисафию и спросить, не знаком ли им этот кошель. Эсла должен был сказать Феодосию II, что Аркадий, отец императора, был благородным человеком, и Мундзук, отец Аттилы, тоже был благородным человеком, но если Аттила сохранил благородство, свойственное его отцу, то о Феодосии II этого сказать нельзя. Император стал рабом Аттилы и платит ему дань. Феодосий II решил напасть на него исподтишка, как коварный раб. Он, Аттила, готов его простить только в том случае, если гуннам будет выдан Хрисафий.

Последнее требование было особенно трудновыполнимым, поскольку еще один из врагов Хрисафия требовал его жизнь в обмен на мир. Мы уже говорили о том, что в 447 году защиту Константинополя доверили вождю исавров Зенону. В награду за защиту столицы Зенона назначили консулом на 448 год, а в 449 году он занимал должность командующего на Востоке. Теперь Зенон почувствовал, что в состоянии бросить вызов самому влиятельному при дворе человеку, евнуху Хрисафию. Помните второй обед у Аттилы, когда гуннский вождь завел разговор с Максимином о браке своего секретаря, Констанция, с дочерью богатого римлянина Саторнила? Констанций приехал весной 449 года в Константинополь вместе с Эдеко и Орестом, и Феодосий II согласился отдать ему дочь Саторнила. Но тут вмешался Зенон. Он вывел девушку из крепости, в которую ее заточили, и выдал замуж за одного из своих приближенных по имени Руф. Констанций рассказал Аттиле о похищении своей невесты и попросил, чтобы гунн вмешался. Констанций хотел, чтобы император либо вернул ему похищенную невесту, либо отдал ему в жены другую девушку из богатой семьи. Именно поэтому Аттила завел разговор с Максимином, настаивая, чтобы посол, вернувшись в Константинополь, передал их разговор Феодосию II. Если император не в состоя-

нии вернуть дочь Саторнила, сказал Аттила, то он готов заключить союз с Феодосием, направленный на уничтожение Зенона. К огромному сожалению, нам почти ничего не известно об этом экстраординарном предложении, которое, если Феодосий опрометчиво принял его, возможно, привело к проведению Аттилой кампании внутри Восточной Римской империи — против армии под командованием Зенона на Востоке.

Бесцеремонное вмешательство Зенона в переговоры Хрисафия с Аттилой, похоже, были не чем иным, как желанием помешать евнуху. Однако Феодосий в сердцах разрушил счастье Руфа, конфисковав собственность его новобрачной. Зенон сделал вывод, безусловно правильный, что за этим действием императора стоит Хрисафий, и, следуя примеру своего врага Аттилы, потребовал смерти евнуха.

Оказавшись перед двойной угрозой, со стороны гуннов и исавров, Хрисафий решил сначала разобраться с более сильным из врагов. Аттила объяснил Максимилину, что в будущем готов вести переговоры только с Анатолием, Номом или Сенатором. Римское правительство пошло на уступку в этом вопросе, и теперь Хрисафий решил отправить к гуннам Анатolia и Нома. Он объяснил послам, что они должны смягчить гнев Аттилы, успокоить его, склонить к миру, о котором договорились в 448 году, и пообещать, что Констанций получит в жены не менее богатую и благородную девушку, чем дочь Саторнила. Причем послы должны были обратить внимание Аттилы на тот факт, что у римлян не принято жениться на женщине против ее желания, — по-видимому, это требовало объяснения, поскольку у гуннов как раз было наоборот. Хрисафий лично передал золото для Аттилы, чтобы он отказался от требования выдать евнуха.

Весной Анатолий и Ном вместе с сыном Вигилом, который вез с собой 50 либр золота в качестве выкупа за отца, отправились к гуннам. Переправившись через

Дунай, они попали на гунскую территорию, и, чтобы уберечь их от долгой, утомительной поездки, Аттила выехал к ним навстречу к реке Дрекон (нам эта река не известна). Очевидно, он был очень доволен, что его требования выполнены, и к нему направляются Анатолий и Ном. Правда, поначалу он разговаривал с ними достаточно высокомерно, но дорогие подарки и теплые слова настолько смягчили и успокоили Аттилу, что послам удалось достигнуть такого дипломатического успеха, какой редко выпадал на долю имперского правительства. Послы заставили Аттилу поклясться на мече, что он будет сохранять мир на условиях достигнутого в 448 году соглашения. А это означало, что они полностью выполнили распоряжения Хрисафия. Кроме того, Аттила заверил их, что больше не будет беспокоить Феодосия II по вопросу, связанному с выдачей беглецов, если в будущем римское правительство не будет принимать у себя людей, сбежавших с гунской территории. Но самым большим успехом миссии послов стало согласие Аттилы отказаться от территории к югу от Дуная, на которую он претендовал в 448 году и требовал, чтобы римляне полностью очистили указанный им район. Ко всему прочему, Анатолий и Ном проследили, чтобы после получения выкупа Вигила былпущен на свободу. Ни одна из сторон не упоминала о заговоре; Аттила больше не претендовал на жизнь Хрисафия. И наконец, в качестве личного одолжения римским послам Аттила согласился отпустить большую часть римских военнопленных, не требуя выкупа. Перед отъездом Аттила подарил послам несколько лошадей, кожу и меха. Вместе с послами в Константинополь отправился Констанций. Феодосий II выбрал для него невесту из знатного рода, богатую вдову сына Плинты, который подписал Маргский договор с гуннами в 435 году. Женщина не видела смысла отказывать императору; ее муж погиб в Кирене, она осталась одна и была готова выйти замуж за Констанция.

Правительство Восточной Римской империи расценило достигнутый в ходе переговоров Анатolia и Нома с Аттилой договор как ошеломляющий успех. В начале лета 450 года многие жители Восточной Римской империи были, вероятно, уверены в прочном мире на северной границе, и эту уверенность подкрепили известия о новых планах Аттилы, полученные в июне 450 года. Но 26 июля во время охоты в окрестностях столицы Феодосий упал с коня и сломал позвоночник. Спустя два дня, 28 июля, император умер.

Глава 6 ПОРАЖЕНИЯ АТТИЛЫ

Сохранившиеся фрагменты сочинения Приска Паннийского помогут нам продолжить повествование о дальнейших действиях и поведении гуннов. Самыми по-разительными были последние события в жизни Аттилы, но, к огромному сожалению, чем дальше, тем сильнее мрак Средневековья окутывает его жизнь. У нас не было и не будет больших причин для выражения сожаления в связи с потерей «Византийской истории» («История Византии и деяния Аттилы». — Ред.). Приска, чем в этой главе. Для человека, изучающего историю середины V века, сочинение Приска ничем нельзя заменить.

1

Отношения Аттилы с Западом в годы, последовавшие за поражением Литория при Тулузе в 439 году, полностью покрыты мраком. Однако можно с уверенностью сказать, что после гибели гуннского войска Литория Аттила больше не помогал Аэцию людьми. В тридцатых годах V столетия главными врагами римлян были бургунды, вестготы и багауды, и в сороковых годах все внимание Аэция было сосредоточено на этих трех врагах. В 443 году, после разгрома Бургундского королевства, он поселил оставшихся в живых бургундов в Савойе, но нам ничего не известно о политиче-

ском и социальном значении этой акции. Нам следует уделить внимание той роли, которую сыграли вестготы и багауды, поскольку накануне похода на Запад Аттила рассчитывал и на тех и на других. К сожалению, недостаток информации не позволяет подробно разобрать отношения вестготов и багаудов с гуннами.

Мы уже говорили, что в 443 году Аэций сбежал к гуннам из-за покушений на его жизнь, организованных императрицей Плацидией и Себастьяном, зятем его злейшего врага Бонифация. В жизни Себастьяна бывало всякое, и, хотя теперь он был выслан и из Рима, и из Константинополя, он по-прежнему испытывал враждебные чувства к Аэцию. В 440 году мы находим его при дворе вестготского короля Теодориха, который в то время занимал четкую антиримскую позицию. С его помощью Себастиан набирает сторонников, вторгается с ними в Испанию и захватывает Барселону, так что у нас нет никаких сомнений в том, что даже после соглашения 439 года Теодорих продолжал испытывать ненависть к Аэцию. Можно не сомневаться, что Теодорих продолжает испытывать к Аэцию враждебные чувства, поскольку в 446 году узнаем о том, что вестготы помогают свевам опустошать Испанию (в 449 году Теодорих вступил в сношения со свевами, а затем заключил союз с их королем, выдал за него свою дочь и помог ему отвоевать у римлян Цезаравгусту, современная Сарагоса, и Илерду, современная Лерида). Очень важно помнить, сколь долго сохранялись враждебные отношения между Аэцием и вестготами.

Мы уже подчеркивали, что разгром багаудов гуннами Литория в 437 году не оказал решающего влияния на внутриэкономическую ситуацию в Западной Римской империи; багауды продолжали активную деятельность. Испания была измучена многолетней борьбой имперского правительства с крестьянами, и скоро мы опять узнаем об их товарищах-багаудах из Галлии. В 442 году Аэций направил в окрестности Ценаба (современный

Орлеан) отряд аланов, чтобы они не спускали глаз с соседней территории, и практически сразу, «оскорбленный дерзким поведением» багаудов — возможно, они стали угрожать Туре, — разрешил аланам под командованием короля Гоара напасть на багаудов. Но благодаря вмешательству Германа, епископа Осера, наступление отменили. Вождем багаудов был не кто иной, как Тибатт, который командовал ими в 435—437 годах; по всей видимости, ему удалось сбежать из плена. Нам не известно, чем закончилось восстание, но лично для Тибатта оно закончилось катастрофой. Из «Галльской хроники» (ок. 440 г.) мы получили весьма интересную информацию о багаудах. В ней рассказывается о более раннем восстании Тибатта, а начинается рассказ с того, что «Евдоксий, врач, преступник, несмотря на профессию, сбежал после разоблачения от багаудов к гуннам». Возможно, Евдоксий был сыном одного из сирийских торговцев, которых в те времена можно было найти в каждом городе в Галлии. Он, конечно, не был рабом, поскольку в V столетии в Галлии врачи были особо привилегированным классом. Утверждение Сальвиана, что некоторые из тех, кто сбежал к «мятежникам», были людьми «высокого положения, но неясного происхождения, и хорошо образованными», подтверждает тот факт, что такой человек, как Евдоксий, помогал багаудам. Но кто-то предал его, и он сбежал. Самое удивительное в том, что, рискуя жизнью, он сбежал к гуннам!

К концу сороковых годов V века вестготы и багауды все еще оставались врагами Аэция. Долгие дружеские отношения, установившиеся между Аэцием и Аттилой, похоже, не прерывались до истории с Евдоксием. Незадолго до посольства Максимина в 449 году Аэций отправил к Аттиле в качестве секретаря знавшего латынь итальянца Констанция. Аэций уже отправлял к гуннам секретарей. С его стороны это было не только проявлением дружеских чувств, но и возможностью получать информацию о намерениях варваров. Первого секретаря

Аэций направил во время галльской кампании в тридцатых годах. Этот секретарь был галлом, и его, удивительное совпадение, тоже звали Констанцием. Однако он попал в беду при обстоятельствах, которые мы сейчас обсудим, и был убит еще при жизни Бледы, то есть где-то до 445 года. После убийства Бледы Аэций и Аттила продолжали поддерживать дружеские отношения: Аэций отправил Аттиле Констанция, а Аттила подарил Аэцию принадлежавшего Бледе карлика Зерко. Эта дружба преследовала практические цели. Аттила получил звание командующего в Западной Римской империи. Он не собирался, конечно, принимать командование римскими войсками, и Аэций прекрасно это понимал, но это была высокооплачиваемая должность, и, кроме того, командующий получал большое количество зерна на содержание своих солдат. Иностранным правителям часто давали почетные титулы и звания.

Однако в 449 году дружба разладилась, и послы Западной Римской империи, которых Приск встретил в штабе Аттилы, приехали, чтобы восстановить хорошие отношения и смягчить гнев Аттилы. Гунн нашел предлог для спора, подняв вопрос о давнем инциденте. Когда во время кампании 441 года возникла угроза взятия Сирмия, секретарь Констанций заключил сделку с епископом города. Епископ передал Констанцию золотую церковную посуду на тот случай, если Сирмий будет захвачен и епископ попадет в плен. В этом случае Констанций должен был использовать эту посуду в качестве выкупа за епископа. Если же епископ будет убит, то Констанций должен был выкупить столько жителей города, сколько отдаст за эту посуду. Констанций не выполнил обещанного. Вскоре он отправился по делам в Рим и отдал золотую посуду в залог банкиру по имени Сильваний. По возвращении из Рима Констанций, которого Бледа и Аттила подозревали в предательстве, был ими убит. Позже, уже после смерти Бледы, Аттила узнал о судьбе золотой церковной посуды и потребовал, чтобы

ему выдали Сильвания, которого он обвинил в хранении украденных ценностей, по справедливости принадлежавших Аттиле. Вот почему к гуннам летом 449 года приехали Ромул и другие римские послы, с которыми по пути в ставку Аттилы встретились Максимин и Приск. Послов отправили Аэций и Валентиниан III — Приск многозначительно первым называет патриция, а потом императора. Послы должны были сказать Аттиле, что Сильваний просто одолжил деньги Констанцию под залог, не зная, что посуда украдена. В действительности же банкир продал посуду римским священникам, поскольку считал, что нечестиво использовать в собственных нуждах церковную утварь, предназначенную для служения Богу. В случае если Аттила будет настаивать на своем требовании, Сильваний должен был послать денежную сумму, соответствующую стоимости посуды. Римское правительство не собиралось выдавать человека, который, по их мнению, не совершил ничего противоправного. Когда Приск уезжал из ставки Аттилы, инцидент все еще не был улажен. Разговаривая с Ромулом, историк поинтересовался, как идут переговоры, и Ромул рассказал ему, что Аттила не собирается менять первоначально принятого решения: если римляне не выдадут ему Сильвания, он начнет войну. Нам не известно, чем закончилась эта история. По словам Ходжкина, «после утомивших нас подробностей этого пустякового дела История забыла поведать нам, чем оно закончилось». Ясно одно: над Аэцием появилось еще одно облачко. Разногласия, возникшие по поводу золотой посуды из Сирмия, были столь незначительны, что их предполагалось просто свести к возврату денежных сумм, и не более того. Но ученые, изучающие дипломатические методы гуннов, понимают, что все не так просто. Этот незначительный эпизод положил начало бесконечным ничтожным жалобам, которые правительство Восточной Римской империи было вынуждено рассматривать в течение многих лет после первого мира Анатолия.

Мы по мере сил постарались восстановить события весны 450 года. Благодаря третьему соглашению Анатолия с гуннами Аттила мог не беспокоиться за тылы. Пока жив Феодосий II — а ему еще не было пятидесяти, — не было причины ожидать враждебных действий на дунайской границе гуннской империи. Что касается Запада, если Аэций испытывал враждебные чувства и к Теодорику, и к багаудам, то у Аттилы, насколько нам известно, не было ни дружеских, ни враждебных отношений с вестготами. В то же время его отношения с Аэцием и правительством Западной Римской империи были сложными. С 434 года он относился к ним подружески, но теперь выдумал причину для недовольства. Вообще-то вопрос был простой, и его легко было решить, если только это не был предлог, чтобы выдвинуть свои требования. Признаком враждебности, куда более неприятным Аэцию, чем требование о выдаче Сильвания, была готовность, с какой Евдоксий в поисках убежища сбежал к гуннам. Если Аттила предложит поддержать багаудов, то поместья землевладельцев в Галлии быстро перейдут в другие руки. Однако нам не известны размышления патриция на этот счет.

В целом же современники Аэция, если в их распоряжении была та же информация, какой обладаем мы, едва ли могли весной 450 года представить цель, которую Аттила будет преследовать спустя двенадцать месяцев. Но каким объемом информации в действительности владели современники? Очень возможно, что весной 450 года планы гуннов не были окутаны тайной.

2

В свете последующих событий — вторжение в Галлию в 451 году и в Италию в 452 году — легко понять, почему Аттила был столь спокоен и покладист на пере-

говорах с Анатолием и Номом. Он уже решил предпринять наступление на Галлию и хотел защитить свои тылы, пока будет занят на Западе. Анатолий проводил переговоры в крайне благоприятных условиях, а правительство Восточной Римской империи, вероятно, было очень довольно, когда в первые месяцы 459 года Аттила объявил, что в скором времени собирается напасть на королевство вестготов, столицей которого была Тулуса, и взять в союзники Валентиниана III.

Если верить заявлению Аттилы и он действительно собирался выступать союзником Западного Римского императорского двора (но не Аэция), то отсюда не следует, что Ромул довел переговоры относительно Сильвания до успешного завершения. Если этот вопрос так и остался неразрешенным, то Аэций и Валентиниан III вряд ли бы столкнулись с чем-нибудь более неприятным, чем то, что произошло в Галлии. И еще вопрос: когда Аттила принял решение двинуться на Запад? Мы только знаем, что в конце зимы 450 года Гейзерих, король вандалов, подбивал Аттилу начать кампанию против вестготов. Но Аттила вынашивал эту мысль еще до предложения Гейзериха: он уже давно обдумывал план войны на Западе. Что послужило толчком? Мы честно должны признаться, что не знаем. Наши источники не только не дают ответа на этот вопрос, но в них не содержится даже намека, позволяющего сделать какой-то вывод, а все, что нам известно о проводимой в то время политике, похоже, не могло привести к такому неожиданному решению. Аттила мог еще долго заниматься вымогательством, зная возможности Восточной Римской империи. Даже если грабежи опустошили балканские провинции, то гунны придавали дани гораздо большее значения, чем грабежам. Спустя шесть лет после смерти (в 457 г. — Ред.) императора Маркиана (правившего после Феодосия II. — Ред.) в казне оставалось 100 тысяч либр (то есть около 33 тонн) золота. Откуда Аттила мог знать, что Феодосий умрет спустя несколько

месяцев после того, как он принял решение повернуть на Запад?

В наших источниках нет никакой информации, позволяющей предположить, что в первые месяцы 450 года Аттила уже планировал кампанию против Западной Римской империи в целом. В то время его единственной целью были вестготы, обосновавшиеся в Тулузе, и их уничтожение было выгодно западноримским землевладельцам¹.

Когда Аттила заявил, что выступает союзником Валентиниана II — «как блюститель дружбы римлян», по выражению современника, — у нас нет причины сомневаться в его словах. Но если он пока оставался другом Валентиниана, то это вовсе не значит, что он по-прежнему был другом Аэсия. Согласно имеющейся у нас информации, для того чтобы привести свои планы в жизнь, Аттиле необходимо было сначала избавиться от Аэсия. Возможно, Аттила хотел сместить Аэсия с поста командующего и занять это место, но уже не номинально, а реально (выше мы говорили о том, как Аттила получил эту должность). Если бы правительство Западной Римской империи признало Аттилу командующим в Галлии вместо Аэсия, гунн смог бы управлять Западной Римской империей изнутри. Однако опять следует подчеркнуть, что у нас не хватает информации, чтобы понять, чем руководствовался в своих действиях Аттила.

В любом случае мы не можем предполагать, что нападение гуннов на Вестготское королевство было простым желанием оказать услугу Валентиниану III или королю вандалов и алланов Гейзериху. Не в обычаях гуннов было подвергать опасности свое положение в Европе только ради того, чтобы угодить чужеземцам. О реальной причине их кампании можно только догадываться. Следует добавить, что еще до начала на-

¹ Зеек считает, что вторжением в Галлию Аттила надеялся отрезать Вестготское королевство от Восточного Рима, который пополнял ряды своей армии за счет вестготов. (*Примеч. авт.*)

ступления отношения гуннов с двором Западной Римской империи претерпели изменения. Выработав план нападения на Тулузу и получив поддержку Гейзериха, Аттила (примерно в то время, когда вели переговоры с Анатолием и Номом) послал сообщение Валентиниану III, заверив его, что не в обиде на западных римлян (Аэсия он не упоминал), а его кампания направлена только против вестготов. Одновременно он предложил королю вестготов Теодориху I (павшему в 451 г. в битве на Каталаунских полях. — *Ред.*) растянуть договор с Западной Римской империей, который в 439 году заключил Авит. Сейчас самое время поговорить о Юсте Гонории.

Гонория, дочь римского императора Констанция и Плацидии, сестра Валентиниана III, жила в собственном доме в Равенне; возможно, это был дворец. Управляющим у нее был некто Евгений. В 449 году Гонория вступила в сожительство с Евгением (в Константинополе говорили, что она забеременела от него). Когда любовную связь обнаружили, Евгения убили. Гонорию заставили обручиться с уважаемым богатым сенатором по имени Геркуланий, который, возможно, не мог не подчиниться этому решению. Представив будущую жизнь с ненавистным мужем, Гонория пришла в ярость и решилась на отчаянный шаг. Весной 450 года она отправила одного из своих евнухов по имени Гиацинту к Аттиле, умоляя его спасти ее от ненавистного брака и пообещав за это деньги. Она дала Гиацинту кольцо с печаткой для передачи Аттиле, чтобы убедить варвара, что просьба действительно исходит от нее. С самого начала Гонория руководствовалась политическими мотивами. Ее план первоначально состоял в том, чтобы сделать императором Евгения и править в качестве императрицы. Вне всякого сомнения, что, обращаясь с просьбой к Аттиле, она исходила из тех же соображений, рассчитывая, что в качестве супруги Аттилы будет править в Галлии.

Очень скоро известие о том, что сделала Гонория, достигло Валентиниана III. По возвращении от Аттилы Гиацинта арестовали, подвергли пыткам и только после того, как он все рассказал, казнили. Феодосий II тут же направил Валентиниану послание, посоветовав отдать Гонорию Аттиле, чтобы не давать гунну предлога для дальнейших притязаний на империю. Но Валентиниан поступил иначе. Мать Гонории Плацидия, которую тридцать пять лет назад выдали замуж за вождя варваров, гота Атаульфа, предложила отправить Гонорию к ней, обещая присмотреть за принцессой. Валентиниан согласился, и дальнейшая судьба Гонории остается для нас неизвестной. Аттила воспользовался возможностью, предоставленной ему Гонорией; он тут же потребовал ее руки. Желание самой принцессы упрочило его позицию.

На протяжении лета 450 года положение Аттилы постепенно осложнялось. Гиацинт приехал к нему с письмом и кольцом Гонории весной. Затем Аттила узнал, что 28 июля умер Феодосий II, а 25 августа короновался Маркиан. Затем он узнал, что Маркиан, не колеблясь, объявил о радикальных изменениях во внешней политике Восточной Римской империи. Одним из первых действий нового правителя была казнь Хрисафия, который более чем кто-либо был ответствен за политику уступок в отношении гуннов и выплаты им дани. Маркиан, не теряя времени, объявил о прекращении выплаты дани: Новый Рим (Константинополь) больше не будет посылать золото гуннам.

Столкнувшись с изменившейся ситуацией на Дунае, Аттила отправил два посольства: одно — в Равенну, второе — в Константинополь. Правительству Западной Римской империи сообщили, что Гонория является невестой Аттилы и в качестве приданого он требует половину империи. В случае если Гонория будет нанесен вред, Аттила отомстит за нее. В ответ на эти требования советники Валентиниана заявили, что Гонория не может

выйти замуж за Аттилу, поскольку уже обручена с другим. Что касается половины Западной Римской империи, то она не может принадлежать Гонории: в Римской империи наследование трона идет по мужской линии.

Цель второго гуннского посольства, в Константинополь, заключалась в том, чтобы заставить императора Маркиана возобновить выплату дани, как это было при Феодосии. Правительство Восточной Римской империи заняло еще более жесткую позицию, чем правительство Западной. Оно категорически отказалось платить дань. Если гунны не развязут войну, Маркиан будет дарить им «подарки», но если они станут угрожать войной, то их встретит отпор; Аттила должен понимать, что римские армии ни в чем не уступают армии гуннов.

К концу года возникла еще одна проблема. Завязался спор с правительством Западной Римской империи относительно правопреемства в руководстве рипуарских франков¹.

Недавно умер «король» (верховный вождь) франков, и между сыновьями вспыхнула ссора. Старший обратился за помощью к Аттиле, а младший к Аэцию. Приск, который в конце 450 года был в Риме, видел там этого молодого человека, принца из династии Меровингов²

¹ Во франкском союзе племен были два основных племени — салические франки, или салии приморские, от Sala, древнего названия реки в Нидерландах, ныне р. Эйssel (другой вариант — от лат. *«salut»* — «море», то есть «приморские»), и рипуарские (рипуарии), жившие в IV в. по берегам среднего течения Рейна и Мозеля (от лат. *«tira»* — «берег»). (Примеч. ред.)

² М е р о в и н г и — династия франкских королей. Короли этой династии правили с конца V до середины VIII в. Они происходили от вождей салических франков, которые в V в. обосновались в Камбре и в Турне. Современники называли Меровингов «длинноволосыми королями» (*lat. reges criniti*). С языческих времен и до своего падения Меровинги носили длинные волосы, считавшиеся обязательным атрибутом монарха. Такая прическа отличала его от подданных, которые носили короткие стрижки, распространенные в римскую эпоху и считавшиеся теперь признаком низкого положения слуги или раба. Отсечение волос считалось тяжелейшим оскорблением для представителя династии Меровингов, на практике оно означало потерю прав на обладание властью. (Примеч. авт.)

(видимо, это и был Меровей, основатель династии, позже сражавшийся на Каталаунских полях, дед первого настоящего коронованного в 481 г. франкского короля Хлодвига I. — Ред.), и отметил его длинные, золотистого цвета волосы.

Аэций встретил молодого принца как сына, вместе с Валентинианом II щедро одарил подарками и с готовностью согласился оказать помощь. Понятно, что теперь, в ноябре 450 года, Аэций и правительство Западной Римской империи пошли на полный разрыв с гуннами и где только можно искали союзников. Валентиниан III явно не собирался избавляться от Аэция. Однако, хотя отношения с Аттилой достигли критической точки, отсюда не следовало, что война неизбежна.

Аттила тут же задался вопросом, стоит ли начинать войну, приняв вызов императора Маркиана, и разгромить Восточную Римскую империю. Гунн, как мы уже говорили, решил начать наступление на Западную Римскую империю еще до восшествия Маркиана на трон, но резкий отказ нового императора платить дань и его бес tactное заявление о военной мощи империи привлекло внимание Аттилы. Судя по информации наших источников, он долго мучился над вопросом, в каком направлении развернуть наступление, но в конечном счете решил начать более сложную кампанию. Создается впечатление, что Маркиан крайне неуместно продемонстрировал смелость и решительность. За несколько месяцев правления он подвел восточных римлян к краю пропасти и потерял почти все, чего Феодосию удалось добиться ценой упорных усилий за одиннадцать лет¹.

Решив действовать в соответствии с первоначальным планом, то есть напасть на вестготов в Галлии, Аттила изучил положение, сложившееся к концу 450 года. Кам-

¹ Бюри, к примеру, придерживается в отношении политики Маркиана другой точки зрения. (*Примеч. авт.*)

пания, которая поначалу планировалась как поход против вестготов, обосновавшихся в Тулузе, теперь была нацелена и на франков, поскольку, как оказалось, старший сын умершего короля, обратившийся за помощью к гуннам, практически не имел сторонников среди франков. Поэтому в целом рипуарские франки рассматривались Аттилой как враги. С другой стороны, не было полной уверенности в том, что война с западными римлянами так уж неизбежна, поэтому, вступив в Галлию, Аттила по-прежнему заявляет, что действует как «блеститель дружбы римлян». В то же время он не может не рассчитывать на возможность встретиться с оппозицией правительству в Равенне. И наконец, вандало-аланский король Гейзерих в Африке, самый умный политик столетия, будет очень доволен, если Аттила нанесет удар по вестготам, но практической помощи в этом деле ждать от него не приходится. Аттила понимал, что рассчитывать можно только на помощь, добровольную или принудительную, покоренных народов.

3

Вскоре после наступления нового года гунны остались Паннонию и двинулись на Запад. Перепуганные современники сообщают, что Аттила собрал армию в полмиллиона человек, и эта цифра свидетельствует о поднявшейся панике. Это же паническое состояние присутствует в описании армии, оставленном для нас Сидонием Аполлинарием¹, который бы ничего не приобрел, но многое потерял, если бы не удалось отразить атаку гуннов.

¹ Сидоний, Соллий Модест Аполлинарий — галльский аристократ, ставший римским префектом, а позднее — клермонским епископом; христианский латинский поэт. Автор стихов и писем (подражал Плинию Младшему).

Вот что он пишет:

«Поднятое внезапным смятением варварство излило весь Север на тебя, Галлия. За воинственным ругом (руги, ругии — германское племя, родственное готам. — Ред.), в сопровождении гелона (древнее племя, упоминаемое в V—I вв. до н. э., жившее в лесостепи бассейна на р. Дон, земледельцы, очевидно скифо-славяне. — Ред.), следует свирепый гепид (германское племя, родственное готам. — Ред.). Скиры (скиры — германское племя гетской группы. — Ред.) побуждает бургунд. Вторгся гунн, белонот, невр (в неврах, живших с незапамятных времен к западу от Днепра в верховьях Южного Буга и Днестра, многие ученые видят одних из племен — предков восточных славян. — Ред.), бастарн (племя сармато-фракийского происхождения, во II—III вв. смешалось с готами. — Ред.), тюринг (германское племя. — Ред.), бруктер (германское племя. — Ред.) и франк (германское племя. — Ред.), которого омывает своими волнами заросший камышами Неккар. Скоро пал Герцинский лес, срубленный секирой на челны, и покрылся Рейн судами. И уже наводящие ужас полчища Аттилы разились по твоим полям»

Сидоний настолько перепуган, что даже называет полузыбьные племена, которые якобы воюют вместе с гуннами. Бастарны, бруктеры, гелоны и невры исчезли за сотни лет до гуннов, а белонотов вообще не существовало. Но когда Сидоний называет бургундов в армии Аттилы (скорее случайно, чем преднамеренно), то этот факт вызывает некоторый интерес. Мы уже говорили, что часть бургундов осталась восточнее Рейна, когда большинство бургундов сбежали в Галлию, и эти оставшиеся разгромили армию Октара, дяди Аттилы. Похоже, что гунны отомстили и взяли власть над восточными бургундами. Остальные народы, которых упоминает Сидоний: руги, гепиды, скиры и тюринги, вне всякого сомнения, подчинялись своим вождям. Там были и остготы, хотя поэт ничего не говорит о них, во

главе с королем Баламиром и его младшими братьями Тиудимером и Видимером. Что можно сказать о франках, точнее, рипуарских франках? До начала кампании Аттилы, безусловно, считал их врагами: по-видимому, Аэцию удалось склонить их на свою сторону и посадить на трон младшего из братьев, который обратился к нему за помощью. В своем сочинении Сидоний упоминает Неккар, но это не означает, что путь Аттилы пролегал в окрестностях этой реки; едва ли гунн игнорировал союзника Аэция, находившегося на его фланге. Итак, рипуарские франки были первой целью кампании Аттилы, и, завоевав их, он заставил их воинов влиться в ряды своей армии и шагать бок о бок с другими покоренными народами. Вполне возможно, как иногда предполагается, что Аттила пересек Рейн в районе Нойвида, севернее Кобленца. На берегу реки варвары срубили деревья и построили плоты, на которых переплыли на другую сторону.

Уже находясь на марше, Аттила предпринял действие, которое дорого ему стоило. Как мы помним, западные римляне отказались отдать в жены Гонорию Аттиле и объяснили, что, даже если бы согласились на этот брак, то по римским законам ее муж не наследовал половину империи. Аттилу не удовлетворил их ответ, и теперь, когда его армия направлялась к Тулузе, он опять отправил посольство в Равенну. Послы заявили, что Гонория обещала выйти замуж за Аттилу, и в доказательство своих слов предъявили кольцо, присланное Аттиле Гонорией. Кроме того, они настаивали на том, чтобы Валентиниан III освободил половину империи, поскольку Гонория унаследовала эту половину Западной Римской империи от отца, а Валентиниан попросту ограбил ее, отняв законную часть наследства. Правительство Западной Римской империи резко отклонило эти требования, поэтому Аттила двигался вперед, и по мере продвижения его армия постепенно увеличивалась. Западные римляне по-прежнему бездействовали: они все еще

надеялись, что гунны ограничатся нападением на вестготов. Они оставили эту надежду, когда Аттила прислал им последнее сообщение.

На страницах «Хроники» Иоанна Малала мы прочли такой рассказ:

«Во время правления Валентиниана III и Феодосия II Аттила с армией из многих десятков тысяч человек предпринял кампанию против Рима и Константинополя. Готский посол, отправленный им к Валентиниану III, объявил императору, что «Аттила, мой господин и твой господин, приказал тебе через меня приготовить для него твой дворец». Одновременно Аттила отправил подобное послание с готским послом Феодосию II в Константинополь. Но Аэций, главный сенатор в Риме, когда узнал об этом безумном требовании, отправился в Галлию к Алариху, который был врагом римлян, и склонил его помочь отразить атаку Аттилы».

В том виде, в каком она изложена, эта история — честейший абсурд, но, если не обращать внимания на мелочи и заменить Феодосия (умершего в 450 г. — Ред.) на Маркиана и Алариха (Аларих I умер в 410 г. — Ред.) на Теодориха, то все становится понятно. Автор истории, как пишет Гиббон, «возможно, перепутал время, но неизобретательный летописец был не способен придумать самобытный, подлинный стиль Аттилы». Значит, получается, что предыдущее сообщение Аттила направил, действительно находясь на марше, а последний приказ, вероятно, когда его армия подошла к Рейну или переправлялась через него. В любом случае понятно, что Аттила отправил сообщение, которое заставило Валентиниана и Аэция принять важное решение — оказать сопротивление предстоящему вторжению в Галлию и попытаться заключить союз с вестготами, извечными врагами Аэция. Теперь, наконец, стали понятны последствия поступка Аттилы, принявшего кольцо Гонории: в результате его кампания была направлена против всех действующих армий Западной Европы.

Когда все произошло, бремя войны целиком легло на плечи вестготов. На протяжении двадцати лет Аэций испытывал к ним такую враждебность, что им не приходилось надеяться на помощь с его стороны, да они и не хотели принимать от него помощь. Теодорих встретил известие о подходе Аттилы с удивительным мужеством, и, «хотя ему доносили о его победах над разными народами», он уверенно отвечал, что готы умеют сражаться. Теперь перед Аэцием стояла двойная задача. Сначала он должен был уговорить Теодориха забыть о политике двух последних десятилетий и объединить силы с Западным Римом. После этого Аэций должен был уговорить короля расширить область боевых действий. Готы упорно ждали прихода Аттилы в своей стране; они думали только о том, как защитить свое королевство. В отличие от вестготов Аэций думал о спасении всей Галлии. Поэтому он должен был убедить Теодориха двинуться на север и вступить в бой с Аттилой по возможности ближе к границе. Но не могло быть и речи о том, чтобы самому договариваться с Теодорихом; только Авitu удалось в 439 году уговорить Теодориха подписать мирное соглашение между готами и римлянами, и, возможно, он опять смог бы это сделать. Будущий император отправляется в путь с письмом от Валентиниана и успешно решает возложенную на него задачу. Теодорих соглашается объединить свои силы с человеком, с которым всю жизнь воевал, а Аэций готовится отразить атаку Аттилы, с которым всю жизнь дружил.

Но было уже слишком поздно. Города Галлии уже были обожжены огнем, когда Аэций выезжал из Италии. «Аттила со своими внушающими ужас конными массами распространился по равнинам Бельгии, а Аэций по-тихоньку выскользнул из Италии во главе малочисленной армии без легионеров». Его позиции сильно ослабил голод, свирепствовавший в те месяцы в Италии. Голод, конечно, не помешал Аэцию в проведении переговоров, но усложнил задачу формирования армии. Аэцию уда-

лось собрать всего лишь несколько вспомогательных подразделений, и когда он, наконец, соединился с вестготами Теодориха — по всей видимости, в конце апреля или начале мая, — то двинулся в северном направлении, чтобы встретить врага во главе невероятно разнородной армии. В нашем распоряжении есть перечень народов, составленный Иорданом, воины которых входили в состав армии Аэция. Абсолютно неизвестные нам литецианы и олибрионы. Бургунды, которых Аэций в 443 году после разгрома Бургундского королевства его гуннами поселил в Савойе, теперь сражались за своего завоевателя, в то время как их сородичи, восточные бургунды, находились в армии Аттилы. В этой армии были и рипуарские франки — по-видимому, многие из них сбежали в Галлию после того, как Аттила напал на них на ранней стадии кампании. Под сарматами Иордана мы понимаем аланов, чье наступление на багаудов отменили из-за вмешательства епископа Осера, и мы еще увидим, что их поведение было более чем неоднозначным. В списке Иордана есть еще два названия. Саксы, возможно уже создавшие несколько поселений севернее Луары и получившие признание римского правительства, также пришли на помощь Аэцию. Последнее название вызывает удивление — это армориканцы (жители Бретани. — Ред.). Как они могли сражаться за своего старого врага Аэция против человека, к которому в 448 году в поисках убежища сбежал Евдоксий? Мы ничего об этом не знаем и даже не можем выдвинуть ни одного предположения. Единственным источником информации, абсолютно не заслуживающим доверия, является замечание Сидония, что их уговорил Авит. Относительно состава этой разношерстной армии не возникает никаких вопросов (не считая, естественно, армориканцев).

Переправившись через Рейн, Аттила захватил много городов, и, вполне возможно, в некоторых из них жители сами открывали городские ворота, будучи уверены,

что он пришел как друг. 7 апреля пал Мец, и Аттила направился на Ценаб (Орлеан). Еще неизвестно, куда бы он направился, если бы не Сангибан, преемник Гоара, короля тех аланов, которых Аэций расположил в районе Ценаба, чтобы они не спускали глаз с соседней территории, где находились багауды. Сангибан вступил в тайную переписку с гуннами и обещал сдаться Аттиле и передать в его подчинение Ценаб (Орлеан). Узнав об этом, Аэций и Теодорих поняли, что должны первыми занять этот город. Они едва не опоздали. Гунны обложили город и почти вошли в него, когда подошли союзники, которым все-таки удалось заставить гуннов отступить. Нам неизвестно, как именно удалось заставить гуннов отступить. А вот в чем можно не сомневаться, так это в том, что Аттила, обойдя город, отошел на так называемые Каталаунские, или Мавриакские, поля, равнину в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены. Трудно сказать, в каком точно месте встретились армии противников, хотя этот вопрос, не представляющий никакого значения, является предметом бесконечных споров. По свидетельству Иордана, Каталаунские поля занимали огромные пространства, но в любом случае ясно, что битва происходила на местности, идеально подходящей для маневров гуннской конницы, около города с неизвестным названием Maurica, расположенном в 8 километрах от Труа. Дата, как и место сражения, неизвестна, но, как предполагает автор «Краткой биографии Св. Анания», Аттила отступил от Орлеана 14 июня. Тогда, возможно, прав Бюри, предположив, что битва состоялась приблизительно 20 июня.

Сражение началось около девяти утра, и обе стороны прилагали усилия захватить холм, возвышавшийся над полем битвы. Бой не имел решающего значения. Каждая армия сумела захватить часть холма, но ни одна не дошла до вершины. Внизу на равнине на правом фланге войска римлян и их союзников располагались вестготы

во главе с Теодорихом, на левом — сам Аэций с римлянами. Между ними, в центре, находился Сангибан с аланами, чья преданность была довольно сомнительна, поскольку, по выражению готского историка, любой с готовностью примет неизбежное, когда трудно сбежать с поля боя (кроме того, в центре войска Аэция находились франки и другие союзные племена. — Ред.). Аттила и его гунны занимали центр боевого порядка его войска, напротив дрожащего от страха Сангибана; остготы левого фланга войска Аттилы — против своих родственников, вестготов, гепиды — против римлян Аэция. Начав сражение, гунны потеряли часть холма, которую успели занять. Иордан пишет о «жестоком, упорном, затянувшемся сражении», но точный ход сражения нам неизвестен. (Сражение начали гунны. Они прорвали центр войска Аэция, затем перенесли удар против вестголов, но контрударом левого фланга римлян были опрокинуты. После этого Аэций с римлянами начал теснить гепидов и гуннов и вскоре овладел господствующей высотой, что и решило исход битвы. — Ред.) Король готов Теодорих погиб, и его тело нашли только на следующий день. Сражение продолжалось всю ночь, пока, наконец, Аттила не отступил в лагерь, окруженный, как валом, телегами. Иордан просит нас поверить, что потери с обеих сторон достигли 165 тысяч человек, но многие современные историки не соглашаются с этой цифрой. Его информация не делается более достоверной, когда он пишет, что это «не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов»¹.

¹ Не думаю, что Аттила мог содержать армию даже в 30 тысяч человек. (*Примеч. авт.*) (В данном случае кажется, что цифры в сотни тысяч достоверны, — в бой были брошены силы, собранные с просторов огромной империи Аттилы, и в случае успеха Аттила мог бы стать тем, чем стал позже Чингисхан, а судьбу Европы можно только представить. — Ред.)

Спустя несколько лет на Востоке прошел слух, что был такой жестокий бой, «что не уцелел никто, кроме командующих с обеих сторон и немногих их приверженцев, но призраки тех, кто пал в бою, продолжали сражаться три дня и три ночи так яростно, словно были живыми, и явственно слышался звон скрещивающихся мечей».

На следующий день после сражения в лагере Аэция произошла такая история. Смерть короля привела вестголов в неописуемый гнев, и они решили продолжить бой и окружить лагерь Аттилы, чтобы в нем вождь гуннов встретил свою смерть от голода. У готов явно были шансы на успех, и Аэций решил, что гуннов действительно можно окончательно уничтожить. Позже готы рассказывали, что Аттила приготовил погребальный костер из седел и решил, что бросится в него, если враг прорвется в лагерь. Аэций хотел избежать такого финала. С давних пор гунны были его друзьями, и благодаря наемным гуннским войскам Аэций имел возможность управлять вестготами. Он все еще надеялся, хотя это и может показаться странным, что гунны еще сослужат ему службу в будущем. Аэций понимал, что если сейчас гунны будут окончательно уничтожены, то у Западной Римской империи встанет вопрос о защите империи от Вестготского королевства. Поэтому Аэций посоветовал сыну покойного короля Торисмуду срочно возвращаться в Тулузу, чтобы помешать братьям в его отсутствие захватить трон. Торисмуд последовал совету и увел своих воинов. Затем Аэций проявил заботу о молодом франкском принце (Меровее. — Ред.), к которому относился по-дружески. Он обратил внимание принца, что на обратном пути Аттила будет проходить вблизи от территории франков. В отсутствие основной армии гунну не составит труда помочь взойти на престол старшему брату, который в прошлом году обращался за помощью к Аттиле. Поэтому Аэций посоветовал молодому принцу срочно возвращаться домой. Франк тоже после-

довал совету, данному Аэцием. Таким образом, Аэций позволил Аттиле отступить из Галлии. Двуличность римского патриция проявилась в следующем году.

4

В 451 году на дунайской границе было не столь спокойно, как надеялся Аттила, когда заключал договор с Анатолием и Номом весной прошлого года. Несмотря на гунское посольство, выступившее с угрозами в адрес правительства Восточной Римской империи, Маркиан не изменил первоначального решения, связанного с отказом платить дань варварам. В ответ на угрозу Аттилы начать войну Маркиан направил к нему посла, некоего Аполлония, сторонника Зенона, который, как мы помним, вмешался в переговоры Хрисафия с Аттилой. Аполлоний был братом того самого Руфа, которого Зенон женил на дочери Саторнила. Но Аттила отказался принять его, тем самым публично выразив неуважение Маркиану. Гунн, собиравшийся отправиться в Галлию, пришел в ярость, когда узнал, что Аполлоний не привез дань, а просто приехал на переговоры. Однако, согласно Приску, Аттила передал послу, «чтобы он выдал ему подарки, привезенные к нему от царя, грозя убить его, если их не выдаст». Аполлоний не растерялся и ответил, что передал бы подарки, если бы был принят Аттилой, как и положено послу, а если его убьют, то не получат подарков — они только смогут снять одежду с убитого. Аттила позволил уйти Аполлонию, так и не встретившись с ним. Отношения между Восточной Римской империей и Аттилой резко ухудшились, и это всего через год после того, как Анатолий получил подарки от Аттилы.

В сентябре 451 года Аттила наглядно продемонстрировал свой ответ Маркиану. Небольшой отряд гуннов совершил набег на Восточную Иллирию. Аттила просто

хотел показать Маркиану, что ждет императора в будущем, когда начнется новая кампания. Обеспокоенность положением на северной границе помешала Маркиану провести большой собор в Никее, как он первоначально планировал; вместо этого епископы провели собор в Халкидоне (4-й Вселенский собор,озванный в г. Халкидон (в Малой Азии, напротив Константинополя на другом берегу Босфора) в 451 г. в целях борьбы с монофизитством, которое было осуждено как ересь. — Ред.). Но и им Маркиан не смог уделить должного внимания. Все его внимание было сосредоточено на границе, и он решил начать военные действия против гуннов, совершающих набеги через границу. Нам не известно, насколько успешными были его действия, но император наверняка был доволен их результатами.

Летом 452 года Аттила опять отложил запланированное нападение на территорию Восточной Римской империи. Он думал, что отложил наступление всего на год, но, как показало время, отложил его навсегда.

Абсолютно неясны мотивы, которыми руководствовался Аттила, предпринимая в 452 году поход в Северную Италию. Единственно, в чем мы можем быть уверены, — он не чувствовал никаких обязательств перед Аэцием, позволившим ему сбежать из Галлии в прошлом году. Он начал кампанию в Италии, пребывая в ярости на западных римлян, на которых возложил вину за провал в Галлии. Аттилу, конечно, устроил распад вражеской армии после сражения на Каталаунских полях; теперь он считал, что легко может победить каждого врага по отдельности. Он собрал такую же большую армию, как в 451 году, и, перейдя через Альпы, вторгся в Италию. Так началась кампания 452 года¹.

Редко в истории встречается государственный деятель, которого бы удалось так застать врасплох, как это

¹ Предположение Зекка, что Аттила пересек Альпы зимой, кажется маловероятным. (Примеч. авт.)

произошло с Аэцием весной 452 года. Можно не сомневаться, что он был уверен в правильности своего неоднозначного поведения в Галлии на следующий день после битвы на Каталаунских полях. Аэций считал, что просто проведет переговоры с Аттилой и гунны опять станут относиться к нему по-дружески. На перевалах Юлийских Альп не было ни одного гарнизона, хотя в горах можно было легко остановить продвижение гуннской конницы; на этот факт указывает и писатель, современник тех событий. Аттила перешел через Альпы, не встретив сопротивления, и патриций, наверное, был как громом поражен известием о вторжении Аттилы в Италию. Опомнившись от удара, Аэций был способен разработать единственный план: вместе с Валентинианом бежать из Италии.

Первая операция Аттилы — спуск на равнину — была одной из самых трудных из когда-либо проводимых им операций. Говорят, что за долгую историю города Аквилея часто подвергался осаде, но его никогда не брали приступом и никогда не заставляли сдаваться. Первые атаки гуннов удалось отбить, несмотря на решимость гуннов во что бы то ни стало овладеть городом, и скоро по лагерю пошли разговоры о том, что стоит, вероятно, отказаться от штурма города. Но Аттила не собирался сдаваться. Он послал за теми представителями подчиненных народов, которые владели искусством осады крепостей. Построив осадные машины и применив всякого рода метательные орудия, гунны ворвались в город. Но, чтобы объяснить паузу между штурмами, была придумана красавая история из тех, что ассоциируются у нас с Приском, который, не имея информации, пересказывал чужие истории и слухи. Рассказывали, что «во время осады Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же задержаться еще, и вдруг обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на крышах домов, тащат птенцов из города и,

противно своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был Аттила очень проницателен и пытлив, то представил своим воинам следующее соображение. «Посмотрите, — сказал он, — на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной, в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки». Что же дальше? «Этим снова воспользовался он души своих гуннов на завоевание Аквилеи». И вот тогда, «построив осадные машины, они немедля ворвались в город». Гунны безжалостно разграбили город и стерли его с лица земли. Люди долго вспоминали этот большой город, уничтоженный варварами, и в VI столетии было уже трудно определить место, на котором некогда находилась Аквилея.

Одержав первую победу, гунны понеслись дальше, и город за городом, страшась штурма, открывали ворота перед их приближением. Гуннские войска захватили Конкордию и Альтин. Затем гунны захватили Патавий (современная Падуя), в котором пятьсот лет назад родился Тит Ливий. Все захваченные города были разрушены до основания, а жители взяты в рабство: они были слишком напуганы, чтобы оказывать сопротивление. По словам Иордана, «еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию». Они захватывают Вицетию (современная Виченца), Верону, Бриксию (современная Брешия), Бергамо, Милан, Тицин (современная Павия). Такие крупные города, как Милан и Тицин, после взятия по неизвестным причинам не подверглись большим разрушениям. В связи с захватом

Милана появилась очередная история, опять же напоминающая о Приске. Рассказывали, что во дворце Аттила увидел картину, на которой были изображены императоры Восточной и Западной Римской империй, сидящие на золотых тронах, а у их ног несколько тел убитых скифов. Гунн заставил местного живописца нарисовать картину, на которой на троне сидел уже Аттила, а перед ним оба римских императора, выссыпающие из мешка золото к ногам Аттилы.

До нас дошли три подобных рассказа, и этот приписывают Приску. Жителям империи, вероятно, казалось странным, что Аттила, пронесясь разрушительным вихрем по Северной Италии, не стал пересекать Апеннины и грабить Рим, как это до него сделал Аларих. Согласно третьей истории, Аттила сначала собираясь направиться к древней столице, но приближенные отговорили его, напомнив об Аларихе, который умер почти сразу после разграбления великого города. Они боялись, что Аттилу постигнет та же участь. Но так уж случилось, что нам стало известно, почему Аттила покинул Италию, не пересекая Апеннины, и предчувствия здесь были ни при чем.

Теперь Аэций отказался от первоначального плана сбежать из Италии и предоставить ее своей судьбе. Первоначальный план был не просто позорный, он был опасный. Не долго думая, патриций решил использовать вполне апробированный восточными римлянами прием: делегировать посольство к Аттиле. К сожалению, не сохранилось источников с подробным описанием этого посольства. Встреча состоялась на Амбулейском поле в среднем течении реки Минций¹.

Посольство возглавлял не кто иной, как папа римский Лев I. Неясно, почему надо было послать папу римского, поскольку, по словам Бюри, «было неразумно

предполагать, что король варваров испугался бы громов и молний, которые метала церковь». Тем не менее именно Лев возглавил посольство. Его сопровождал экс-префект Тригеций, который уже имел опыт дипломатических столкновений с вождем варваров: в 435 году он передал значительную территорию Африки вандалам. Третим членом этого «благороднейшего из посольств» был Авин, экс-консул, очень богатый человек, чья энергия, направленная на соблюдение интересов ближайших родственников, вызывала неблагосклонную критику современников. Он всегда был готов высказать свое мнение, но те, кто его знал, считали, что его мнение, как правило, ничего не стоило.

Аттила заключил мир с римским посольством. Вот что написал по этому поводу Проспер Тиро: «...и сильные разрушения ряда провинций, сопровождавшиеся жестокостью и алчностью врага, оставляли только одну надежду на то, что власть, сенат и римский народ ничего лучшего не найдут, как просить через посольство о мире. Эта задача была возложена на экс-консула Авина и экс-префекта Тригеция и блаженного папу Льва, возлагавшего все надежды на Бога. Все посольство было принято с уважением, король (Аттила. — Ред.) был особенно доволен присутствием высшего главы церкви и отказался от дальнейшего ведения войны, обещая соблюдать мир и вернуться обратно по ту сторону Дуная». Тиро искренне верил, что эти трое заставили Аттилу покинуть Италию. Однако из другого источника, тоже современника тех событий, нам стали известны настоящие причины, заставившие гуннов покинуть Италию. Мы уже говорили о том, что в 451 году, когда Аэций отправился в Галлию, на Апеннинском полуострове свирепствовал голод. В 452 году положение не только не улучшилось, а еще более ухудшилось из-за нашествия гуннов. Северная Италия стала для гуннов, как примерно полвека назад для вестготов Алариха, «regio funesta Getis» («страной смерти

¹ М и н ц и й — древнее название реки Минчо, на которой стоит город Мантуя, родина Вергилия.

готов»), страной, где свирепствовали голод и эпидемии. Аттила не захотел подвергать опасности жизнь своих людей. Гунны не имели шансов на успех; они понесли серьезные потери на Каталаунских полях и продолжали терять людей, но уже по другой причине. Если бы гунны задержались в Италии, они скоро оказались бы в отчаянном положении — уже появились сообщения о первых случаях заболевания чумой. Было безумием в этих обстоятельствах переходить Апеннины, даже в том случае, если бы на дунайской границе сохранились мир и спокойствие. Маркиан предвидел такую возможность. После оскорбления, нанесенного его послу Аполлонию, он, вероятно, ждал, что ему представится возможность расправиться с Аттилой, и теперь она представилась. К северу от Дуная страдали от безжалостного гнета германские (и другие — иранские и славянские. — Ред.) племена, но цвет гуннской армии, уцелевший на Каталаунских полях, был в 452 году далеко (в Италии). В этих условиях войска Восточной Римской империи переправились через Дунай под командованием человека, который, по интересному совпадению, носил имя Аэций. Он принимал участие в прошлогоднем соборе в Халкидоне и за заслуги в 452 году был назначен консулом на 454 год. Маркиан послал войска под его командованием за Дунай, для нанесения удара в спину Аттиле. Под давлением армий Восточной и Западной Римской империй Аттила был вынужден покинуть Италию; у него не было сил вести войну на два фронта. Гуннская империя содрогнулась до основания.

5

Когда наступил 453 год, то казалось, что уже ничто не спасает Маркиана. Восточная Римская империя получила перед этим двухгодичную передышку, пока Ат-

тила тщетно пытался уладить свои дела на Западе. Как свидетельствуют хроники, «Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, направил послов к Маркиану, императору Восточной Римской империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием II». Властитель гуннской империи стал готовиться к походу на Восток. Но новой войне с Византийской (Восточной Римской) империей не суждено было случиться.

Перед началом кампании Аттила решил добавить еще одну супругу в бесчисленный ряд жен, как это было принято у гуннского народа. Его очередную невесту звали Ильдика. Ее имя, если только его не исказили, похоже, говорит о германском происхождении; согласно источникам, Ильдика была «девушкой замечательной красоты». Больше нам о ней ничего не известно, и мы не можем сказать, имел ли этот брак политическое значение. Всю ночь Аттила пил вино и наслаждался молодой женой, а на следующий день, когда прошла большая часть дня, слуги, заподозрив неладное, сначала громко звали Аттилу, стоя под дверью, а потом ее взломали. Войдя в комнату, они увидели мертвого Аттилу, а рядом плачущую девушку (надо отметить сходство кончины Аттилы и Чингисхана в 1227 г. — Ред.). Ночью у него пошла носом кровь (как с ним случалось и прежде), но на этот раз кровь попала в горло (Аттила, хмельной, лежал на спине), и он во сне захлебнулся собственной кровью (большой любитель женщин, Аттила наверняка использовал средства повышения мужской силы, основной побочный эффект которых (как современных, так и древних) — повышение артериального давления. Отсюда и кровотечения (а с возрастом был бы инсульт). — Ред.). Он лежал в крови, но на нем не было следов от ран. Тогда, следуя гунскому обычаю, мужчины отрезали себе часть волос и обезобразили свои уродливые лица глу-

бокими ранами, чтобы «превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей».

Тело Аттилы положили в шелковый шатер посреди степи, по которой он так часто вел своих воинов на войну. Лучшие всадники гуннского племени обезжали шатер, в котором лежало мертвое тело, чтобы порадовать сердце умершего вождя. В погребальных песнопениях они поминали подвиги Аттилы. Иордан сохранил погребальную песню. Он нашел ее у Приска и перевел на свой манер. В свою очередь, Приск получил эту песню от гота, который перевел слова с гуннского языка. Однако, хотя песня пережила как минимум три перевода, Иордану удалось сохранить красоту стиха в прозаическом сочинении.

Великий король гуннов Аттила,
рожденный от отца своего Мундзука,
господин сильнейших племен.
Ты, который с неслыханным дотоле могуществом
один овладел скифским и германским королевствами,
который захватом городов повсюду в ужас
обе империи римского мира
и, дабы не было отдано и остальное на разграбление,
умилостивленный молениями, принял ежегодную дань.
И, со счастливым исходом совершив все это,
скончался не от вражеской раны, не от коварства своих,
но в радости и наслаждении, когда племя пребывало целым
и невредимым,
без чувства боли.
Кто же примет это за кончину,
когда никто не почтает ее подлежащей отмщению?

Когда вырос могильный холм и стихли стенания, гунны отметили похороны вождя веселым пиршеством, по словам удивленного готского монаха, «сочетая противоположные [чувствия], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием». Когда наступила ночь, тело вынесли из шатра и положили в золотой фоб, золотой в серебряный, а серебряный в железный. Гунны объяснили значение трех гробов. Золотой и серебряный гробы указывают на то, что Аттила получал дань с двух империй, Западной и Восточной, а желез-

ный — что покорил многие племена. В погребальный холм сложили оружие, которое он отнял у врагов, драгоценные камни, украшения, а тех, кто сложил все это в погребальный холм, убили, чтобы «предотвратить человеческое любопытство перед столицами величайшими богатствами, таким образом вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного».

Погребальные обряды гуннов и германцев обнаруживают поразительное сходство, но едва ли большее, чем отличие. Некоторые авторы предполагают общее происхождение погребальных церемоний у гуннов и германцев. (Эти погребальные обряды характерны для всех индоевропейских народов в древнейших временах, гунны же, завоевав множество индоевропейских (иранских, славянских германских и других) племен и народов, восприняли эти индоевропейские обычаи, распространенные от Западной Европы до Центральной Азии и Индии, еще находясь в начале своего этногенеза в степях Забайкалья и Монголии. — Ред.) Один ученый даже высказал смелое предположение, что ангlosаксы и гунны заимствовали погребальные обряды у Гомера. (Древние греки тоже были индоевропейцами, пришедшими на Балканский полуостров с севера около 2200 г. до н. э. — Ред.) Гунны могли узнать о Гомере¹, когда пасли стада у Ольвии (на правом берегу лимана р. Южный Буг. — Ред.).

Мы скорее согласимся с известным ученым, отмечавшим, что сходство следует объяснять единым социальным фоном (лучше не комментировать, как и чепуху насчет Гомера и Ольвии. — Ред.) героического века. И еще один момент в описании Иорданом погребального обряда представляет определенный интерес. Из всего гуннского языка, всех слов, с помощью которых обща-

¹ Технику кремации, включая и недоступные археологическим исследованиям детали обряда, очень ярко и подробно осветил Гомер, описывая похороны Патрокла, устроенные Ахиллесом.

лись разные племена, слов, которыми они пытались успокоить злых духов степей, сохранилось единственное слово — «strava» (страва). Мы не знаем, как его узнал Иордан. По нашему мнению, невозможно классифицировать гуннский язык на основании одного слова; высказывались предположения, что слово «страва» заимствовано у славян, германцев или тюрок¹.

Обстоятельства смерти Аттилы, конечно, породили множество слухов. Говорили, что Аттила умер не от естественной смертью, а был убит во сне своей невестой Ильдикой. Спустя столетие граф Марцеллин высказал мнение, что великий завоеватель был убит женщиной, вне всякого сомнения, невестой, спустя несколько часов после свадьбы. В одной скандинавской саге мы читаем, что Аттила был убит женой, отомстившей ему за смерть двух братьев, которых предательски убил Аттила. Вполне возможно, что слухи, появившиеся спустя несколько дней после смерти гунна, имели под собой основу.

Можно легко вообразить, что известие о смерти великого гунна с огромной скоростью распространилось по всей Европе, вызвав неописуемую радость народов, и особенно римлян. В связи с этим событием, как пишет Иордан, «произошло чудо». В ночь смерти Аттилы — Приск клянется, что это чистейшая правда, — явилось Маркиану во сне божество и показало сломанный лук Аттилы. «Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим». Возможно, это выдумка Маркиана, а не историка; в данном случае оправданием может служить

¹ Иордан ясно говорит, что словом «страва» сами гунны называли погребальное пиршество на могильном холме. Нет никаких причин, чтобы для такого торжественного, бытового обряда гунны не имели собственного слова и заимствовали бы его из чужого языка. (Примеч. авт.) (Слово «страва» славянское, обозначает в южно- и западнорусских диалектах: «пиша», «кушанье», «яство», «варево» и т. д. В то же время «стравить» — это «уничтожать», «сгнить» и т. д. — Ред.)

избыток чувств, охвативших императора при известии о смерти варвара. Конечно, это была не единственная легенда, которую придумал о себе Маркиан.

6

После смерти Аттилы его сыновья разделили между собой покоренные нации «жребием поровну». По словам потрясенного гота, «воинственные короли со своими народами были разделены ими, словно родовое имение». Нам неизвестно, сколько у Аттилы было сыновей, но, по утверждению Иордана, «по распущенности его [Аттилы] похоти [сыновей насчитывалось] чуть ли не целый народ». Во всяком случае, насколько нам известно, это был единственный случай в гуннской истории, когда империя отца делилась между сыновьями таким способом. Причем следует особо отметить, что они делили не территорию, на которой правил Аттила, а народы, населявшие эту территорию. Теперь гуннов не интересовала территория без людей. Вне всякого сомнения, сыновья не собирались действовать независимо друг от друга; Аттила и Бледа, похоже, никогда не предпринимали отдельных кампаний.

Однако в скором времени между сыновьями начались ссоры; каждый, помимо своей доли, стремился отобрать чужую. В результате между братьями произошло несколько серьезных стычек. Ясно одно: их действия нанесли серьезный ущерб гуннской армии и подготовили почву для восстания покоренных народов. Бедные (как все имеющиеся в нашем распоряжении источники, повествующие об истории нескольких предыдущих лет) источники стали теперь еще беднее. Последние тлеющие угольки истории еще мелькнут пару раз, и в их свете мы мельком увидим ожесточенную борьбу на степных просторах и переселение народов, но подробности этих событий утеряны навсегда.

Восстание, похоже, подняли остготы, жившие в долине Тисы. Но это было только начало. Масштабное восстание германских народов началось под влиянием и руководством Ардариха, короля гепидов, которому Аттила доверял и которого посвящал в свои замыслы. Ардарих был больше других возмущен тем, что «со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства». После нескольких кровавых сражений произошла главная битва, по всей видимости, в 455 году в Паннонии у реки Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана... с тяжелым, а герула — с легким оружием». Остготы, похоже раньше освободившиеся из-под гнета гуннов, не принимали участия в этом сражении, что стало впоследствии причиной враждебного отношения к ним со стороны гепидов. Однако гепидов поддержало большинство поработленных гуннами народов: скиры, руги, свевы, герулы. Они сами не ожидали, что одержат полную победу, и, ликуя, утверждали, что убили 30 тысяч гуннов и их союзников, а среди них старшего сына Аттилы, Эллака, которого, как мы уже говорили, Аттила поставил управлять акацирами. Оставшиеся в живых братья сбежали через Карпаты к Черному морю, туда, где восемьдесят лет назад гунны возвестили о своем вступлении в европейскую историю, одержав победу над остготами.

Но сыновья Аттилы не собирались оставаться там навечно. Они, или некоторые из них, скоро стали возвращаться через Карпаты в долину Тисы. Они, вероятно, испытывали смертельную ненависть к остготам, которые начали восстания, закончившиеся сражением у Недао. В скором времени братья, стремясь вернуть прежнее положение, нападают на Валамера (Баламира). В политическом отношении остготы были обособлены.

Между ними и гепидами отношения были напряженные, а когда они не поддержали гепидов в сражении у Недао, то вообще остались в полном одиночестве. Гунны напали на них как «на сбежавших из-под их владычества», словно они были беглыми рабами. Валамер (Валамир, Баламир) не ожидал нападения, а потому не успел предупредить братьев. И хотя он встретил гуннов «малыми силами», но сумел одержать сокрушительную победу. Эрнак, младший, самый любимый сын Аттилы, с небольшой частью уцелевших гуннов, сбежал с поля боя. С позволения Маркиана Эрнак и его приближенные нашли убежище в «Малой Скифии», у слияния Дуная и Тисы.

Теперь что касается оставшихся гуннов. Некоторые из них вместе с другими варварами обосновались в окрестностях Кастра-Мартис, крепости, захваченной Ульдином в 408 году. Эмнетзур и Ултзиндур, два других сына Аттилы, обосновались в Прибрежной Дакии, захватив крепости Утус, Оескус и Алмус. Не известно, когда они поселились в указанных местах; в хрониках нет информации по этому поводу, кроме утверждения Иордана, что, кроме тех, о которых уже было сказано выше, «многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Румынию; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев». Не все гунны приходили мирным путем. В середине шестидесятых годов V века Антемий, зять Маркиана и будущий император Западной Римской империи, одержал победу над одним из гуннских отрядов. Вождя этой «бродячей толпы с земель Скифии», по словам Сидония, нашего единственного источника тех событий, «сирепого, уродливого, буйного, жестокого даже в глазах других варваров», звали Хормидак; более нам о нем ничего не известно¹.

Гунны неожиданно напали на Сердику: городские ворота не удалось вовремя закрыть, и город был захва-

¹ Зеек датирует это событие зимой 466/67 г. (Примеч. авт.)

чен гуннами. Антемий, осадив город, оказался в трудном положении; армия постоянно испытывала недостаток в пище и воде. Но положение Хормидака было не менее серьезным. Он решил завязать бой — в надежде прорвать осаду. Во время первой атаки римский военачальник, командовавший конницей Антемия, перебежал на сторону врага. Его имя не известно, но поскольку он был кавалерийский офицер, то вполне возможно, был гунном. В конечном итоге Антемий одержал победу. Он заключил мир с Хормидаком на условиях, что ему выдадут предателя.

В неразберихе, последовавшей за смертью Аттилы, мы мельком увидели пару знакомых фигур. Судьба одной из них хорошо известна. Это Орест. Имеет смысл вкратце вспомнить историю Ореста. Он вернулся в Западную Римскую империю, где в итоге восстал против императора Юлия Непота и посадил на трон своего сына Ромула, названного в честь деда, того самого Ромула, с которым Приск разговаривал в лагере Аттилы четверть века назад. Молодой Ромул усидел на троне всего год или около того и был свергнут Одоакром. По странной иронии судьбы, Одоакр, первый варвар, ставший королем Италии¹, похоже, был сыном того самого Эдеко, который вместе с Орестом ездил в 449 году в Константинополь и которого евнух Хрисафий уговаривал убить Аттилу.

Во всяком случае, мы знаем, что Одоакр был сыном некоего Идиго, как его называет Иоанн Антиохский, или Эдико, как Аноним Валезия, и со временем французского историка Тилемона (1637—1698) ученые стали отождествлять этого Идиго или Эдико с Эдеко Приска. Иордан дает нам некоторую информацию о деятель-

¹ Одоакр победил при Павии Ореста, убил его, Ромула Августа (Августула) заставил отказаться от власти, назначив ему содержание; войску своему отвел земли для поселения. Император Восточной Римской империи Зенон (Зинон) возвел Одоакра в патриции и признал «римским наместником».

ности Эдеко — он называет его Эдико — после смерти Аттилы. Эдеко и один из его сыновей, не Одоакр, а Гунульф, вошли в союз племен, нацелившихся окончательно уничтожить остготов. Страшная ненависть гуннов к остготам по-прежнему жила в Эдеко. К тому времени Валамер (Баламир), готский король, уже умер, но его младшие братья Тиудимер и Видимер разгромили этот союз племен в Паннонии у реки Болия. Как пишет Иордан, «готам удалось одержать верх настолько, что поле, смоченное кровью павших врагов, казалось красным морем, а оружие и трупы были нагромождены наподобие холмов и заполняли собой [пространство] более чем на десять миль». Возможно, Эдеко погиб во время сражения, но больше мы о нем уже не слышали.

Кое-что нам известно о двух сыновьях Аттилы, Эрнаке и Денгизихе; Приск видел Эрнака во время обеда у Аттилы. Эрнак, с разрешения Маркиана, обосновался в Малой Скифии, у слияния Дуная и Тисы. Денгизих оставался в долине Тисы до тех пор, пока не услышал, что остготы напали на садагов. Тогда он решил выступить против остготов. Его поддержали три гуннских племени — ултзинзуры, биттогуры, бардоры и одно германское, враждебное готам, ангискиры. Денгизих подошел к городу Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Эффект был поразительный: уцелевшие в сражении гунны «в ужасе перед оружием готов с того времени пропали»¹.

В следующий раз Денгизих появляется в конце шестидесятых годов V века. Из источников мы узнали, что в 468 (или в 469) году в Константинополь прибыло посольство от «детей Аттилы». Перед посольством стояла цель устраниТЬ разногласия между правительством Вос-

¹ По мнению Л. Гумилева, уцелевшие гунны отошли в степи Поднепровья, посчитав, что выполнили свою задачу, поскольку готы оставили садагов в покое.

точной Римской империи и гуннами и заключить мирный договор, чтобы гунны вновь могли торговать в пограничных городах Римской империи. Но посольство получило отказ. Император Лев I (457—474) не видел причины, по которой следовало заключать торговый договор с людьми, нанесшими столь значительный вред империи. Он «не пожелал, чтобы гунны, причинившие так много вреда его земле, пользовались имперскими торговыми уставами». Когда сыновья Аттилы узнали об отказе, как сообщает наш источник, между ними возникли разногласия. Денгизих считал, что надо объявить римлянам войну — понятно, что именно так он поступал и прежде, но Эрнак был категорически против. Он заявил, что ему достаточно войн, идущих на его территории. Тогда Денгизих начал кампанию один. Он вышел на берег Дуная, где был встречен командующим во Фракии Анагастом, сыном того самого Арнегискла, который часто сражался с Аттилой. Анагаст послал к Денгизиху своих приближенных, чтобы спросить, по какой причине Денгизих хочет начать войну. Денгизих с презрением отправил послов Анагаста назад, а через своих послов предупредил Льва I, что если он не даст земли и денег царю и войску гуннов, то войны не миновать. Лев выслушал словес и не пожелал зачислять варваров в римскую армию. В ответ Денгизих вторгся на римскую территорию. Это была его последняя кампания. В 469 году Анагаст разгромил армию гуннов, а Денгизиха убил и послал его голову в Константинополь, где ее выставили на всеобщее обозрение. Все жители Константинополя с радостью и облегчением смотрели на голову гунна, что лишний раз доказывает, что римляне все еще опасались внезапных набегов гуннов. Судьба Эрнака не известна. Оракул, предсказавший, что Эрнак восстановит род Аттилы, как выяснилось, был не прав. Вполне возможно, что он погиб, сражаясь в качестве наемника в рядах армии Восточной Римской империи. Последний набег в V веке гунны сделали на территории в низовьях

Дуная в самом начале правления императора Зенона (правил в 474—491 гг.), войскам которого не составило особого труда отбить атаку гуннов.

Основные силы гуннов оставались в низовьях Дуная во времена правления Льва I и Зенона, но они уже не грабили римские провинции; некоторые гунны, как Эрнак, пошли на службу в имперскую армию. В то время, когда был убит Денгизих, или немного раньше, мы узнаем о неком Хелхале (Келкале), командире, служившем под началом Аспара. Хелхал во время перемирия сообщил готским командирам, что империя «дает им землю, но не для их пользования, а для находящихся между ними гуннов. Ибо они [гунны], не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [готы] состоят в положении рабов, трудятся для доставления им [гуннам] продовольствия». По его словам выходило, что со времен Винитария «готское племя всегда было враждебно гуннам и еще предки клялись избегать союза с ними». Сам же он, «хотя и гордится своим гунским происхождением, но из любви к справедливости» сообщает готам о намерениях римского императора. Готы поверили его словам и бросились уничтожать гуннов. Анагаст пришел в восторг от обмана Хелхала, хотя вряд ли за это Хелхал получил повышение по службе. Скоро воюющие стороны поняли, что их борьба только на руку врагу, поэтому они опять пришли к соглашению и возобновили борьбу с имперскими силами. «Коварный обман» оказался не столь успешным, как на это надеялись Хелхал, Аспар и Анагаст.

Вскоре после сражения у Недао гунны появились на службе у западных римлян. В 457 году они вошли в состав разнородной армии, которую Майориан¹ планировал направить в Галлию и Африку.

¹ Юлий Майориан — император Западной Римской империи (457—461). Стал императором после того, как он и Рицимер свергли Авита. Способный и честный правитель, Майориан вводил законы, призванные защищать людей от несправедливого налого-

У Майориана была причина пожалеть о том, что взял на службу гуннов; они единственныe из всей многонациональной армии подняли мятеж. «Только один народ отказался повиноваться, народ, который в последнее время стал еще более диким, чем обычно, потерявший во время войны вождей, и Тульдила разжег в этой неуправляемой массе безумную жажду борьбы, за которую они платят дорогой ценой». Тульдила германское имя, и получается, что тот подстрекал гуннов поднять мятеж. Больше мы ничего не знаем о Тульдиле, кроме последствий спровоцированного им бунта: мятежники все до одного были уничтожены.

Для участия в запланированном Майорианом вторжении в Африку опять наняли гуннов. Часть плана Майориана состояла в том, что уже знакомый нам Марцеллин должен был занять Сицилию, чтобы защитить остров от вторжения вандалов. В армию под командованием Марцеллина входил довольно многочисленный отряд гуннов, которые не внушали ему доверия. Рицимер, которого Майориан считал другом, подкупил гуннов, чтобы они покинули Марцеллина в трудном положении. Марцеллину не оставалось ничего другого, как отступить с Сицилии и позволить Гейзериху переключить все внимание на Майориана. Предательство и разногласия были отличительными чертами гуннов как в самые первые, так и в самые последние дни.

7

Неизвестно, думали ли такие военачальники, как Денгизих и Эдеко, что смогут восстановить огромную империю, которой управлял Аттила? Но что бы они

обложения и сохранять древние памятники Рима. Пытался вернуть провинции, но в 460 году потерпел поражение в походе против Гейзериха. Рицимер, обеспокоенный растущим влиянием и силой Майориана, сверг его и убил.

там ни думали, их надежды на объединение гуннов и восстановление господства над степью были разрушены событиями шестидесятых годов V века.

Считается, что последний параграф тридцатого фрагмента сочинения Приска «является одним из самых важных для этнографа, поскольку это единственная запись о Великом переселении народов, являющаяся важным фактором в процессе реконструкции этнографического размещения народов». В этом отрывке Приск рассказывает, что в середине шестидесятых годов V века в Константинополь прибыли послы от сарагуров, уротов и оногур (хунгур).

Послы рассказали, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а тех, в свою очередь, прогнали авары. А что заставило аваров тронуться с места? Они бежали от некоего народа, пишет Приск, обитавшего на берегах океана (то есть китайцев. — Ред.) и «покинувшего свою страну вследствие туманов, поднимавшихся от разлияния океана, и появления множества грипов: было сказание, что они не удалятся прежде, чем не пожрут род человеческий (не исключено. — Ред.); поэтому-то, гонимые этими бедствиями, они напали на соседей, и так как наступающие были сильнее, то последние, не выдерживая нашествия, стали выселяться». (Авары, первоначально жужане (жу-жань, жуань-жуань) — союз кочевых племен, образовавшийся в IV в. на территории Монголии в западной Маньчжурии. Вожди союза жили в районе Хангайских гор, в IV в. обосновались даже на севере Великой Китайской равнины, восточнее Одоса, в 367 г. разбиты китайцами, в 552—555 гг. разбиты алтайскими тюрками и в 557 г. появились в Восточной и Центральной Европе. — Ред.) Итак, одна нация привела в движение другую. Сарагуры покорили акациров; в 448 году Аттила подчинил акациров, но потом они вернули независимость. Теперь их опять покорили, и их завоеватели отправились в Константинополь устанавливать друже-

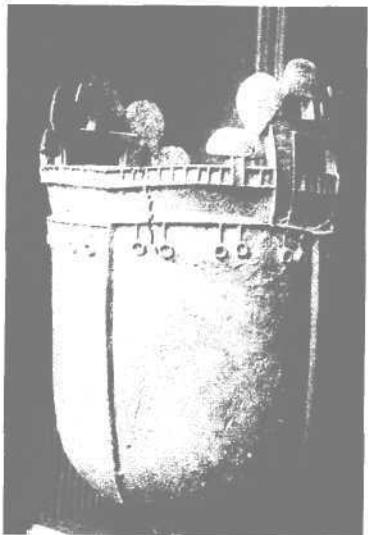
ские отношения с Восточной Римской империей. Что они и проделали с успехом. Но они были всего лишь предвестниками народов, устремившихся за ними в западном направлении. Прошло относительно немного лет после смерти Аттилы, когда степь наводнили новые воинственные племена варваров-кочевников. Денгизих, Эрнак и другие были вынуждены оставаться в Римской империи или вблизи ее границ; у них были отрезаны пути к отступлению в открытую степь.

Ссылка Приска на «океан» означает, что Великое переселение народов начиналось на территориях, расположавшихся к северу и северо-востоку от Алтая в Сибири. Хотя, по нашему мнению, переселение ограничивалось побережьем Аральского моря. (Здесь, как и раньше, с погребальными обрядами, автору не хватает широты образования. — Ред.) Но в любом случае степь заполнили воинственные племена, среди которых жалкие остатки гуннов играли разве что второстепенную роль неких воришек и угонщиков скота.

*Più della bestia che de l'uomo habb' io.
I dati e l'opre e la sembianza mia:
Voi che mirate questa immagine mia,
Tenete ancora del flagel di Dio.*

Аттила — «бич Божий»

Бронзовый котел гуннов (400 г.)

Деформированный череп женщины
благородного происхождения (при-
мерно 450 г.). Найден в Ладенбурге
(земля Баден-Вюртемберг)

Меч гуннского периода

Таким представляли Алариха в начале XIX в.

Медаль с изображением Аттилы

Разгром Нibelунгов.
XIX в.

Аттила и гуны, какими их представляли в XIX в.

EX
PRISCI RHETORIS
ET SOPHISTÆ GOTHICA
HISTORIA EXCERPTA, QVÆ LEGA-
TIONEM THEODOSIJ IUNIORIS AD ATTILAM
CONTINENT, & PLÆRÆ ALIA.

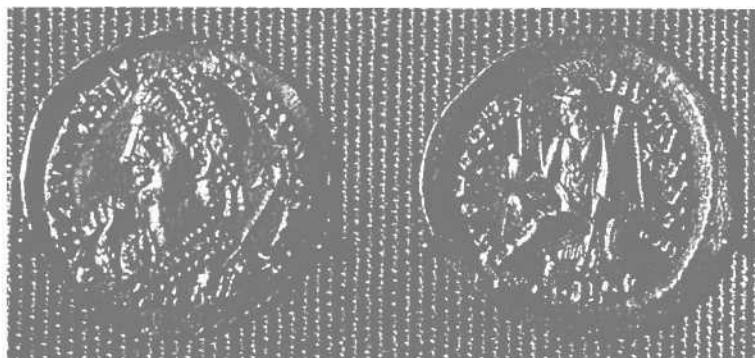
CAROLO CANTOCLARO CONS.
Regio, & libellorum supplicium in Regia
Magistris, interprete.
Eiusdem ad Græcæ Præfici excerpta Note
& Emendationes.

PARISIS,
Apud ABEL L'ANGELIER, in prima
columna Aula Palati.
M. D C V I.
Com. præliger Regi.

Встреча Аттилы и папы римского Льва. Базилика собора Святого Петра, Рим

Монеты с изображением Валентиниана III (425–455)

Aquileja.

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

99

Бюст Феодосия II (401–450), императора в 408—450 гг.

Глава 7

ГУННСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ АТТИЛЕ

Отдельные группы гуннов, о которых мы говорили в 3-й главе, возможно, никогда бы не напали в IV веке на огромную Римскую империю, занимавшую значительную часть Европы (а также Ближний Восток и Северную Африку. — Ред.), если бы их общество оставалось таким же, как в конце IV столетия. Но гунны, как и остальные народы, развивались. Как мы уже знаем, с ростом богатства стали появляться «короли» (верховные вожди). А теперь посмотрим, что случилось тогда, когда в степи стали накапливаться богатства.

1

Приблизительно в 430 году Руа заключил соглашение с восточными римлянами, в соответствии с которым император обязался ежегодно выплачивать гуннам дань в размере 350 либр (римских фунтов) золота. В 435 году при Бледе и Аттиле размер дани увеличился в два раза, то есть гунны стали получать 700 либр золота. После поражения при Херсонесе Фракийском (полуостров Галлиполи, ныне Гелиболу) в 443 году Анатолий подписал свой первый мирный договор с гуннами. По условиям договора империя должна была в счет долга по невыплаченной дани единовременно выплатить сумму в 6 тысяч либр золота; сумма ежегодной дани увеличивалась в три раза, то есть теперь

гунны должны были получать 2100 либр золота в год. Во времена Ульдина мы находим гуннов, распределяющих пленных за 1 солид с головы. В 435 году они уже требуют с римлян за каждого сбежавшего военнопленного 8 солидов, а в 443 году увеличивают сумму выкупа до 12 солидов с головы. Кроме того, у них появляются непредвиденные доходы. К примеру, жена некоего Сулла заплатила за мужа, взятого в плен в 443 году в Ратиарии, 500 солидов. Гунны приняли ряд строгих мер, направленных на то, чтобы пленные не могли убежать, не заплатив выкупа. Деньги получали те, кто захватывал военнопленных, но дань поступала непосредственно «королям Скифии», то есть Бледе и Аттиле, а после 445 года одному Аттиле. Кроме того, после захвата города добыча не распределялась поровну между всеми гуннами; самые влиятельные гунны получали несравнимо большую долю, чем остальные. Вдобавок к этому гунны увеличивали свое богатство в результате бесчисленных набегов на римские провинции, и особенно обогатились во время вторжений в 441—443 годах и в 447 году. Как сказался на гуннском обществе такой огромный поток денежных средств и награбленных ценностей и как тратились эти деньги?

Бледа и Аттила управляли гуннской империей вместе. Они были сыновьями Мундзука, брата Руя и Октара. Руя и Октар тоже правили союзом племен вместе. После Аттилы верховная власть перешла его сыновьям, «словно родовое имение». Одна семья сумела сделать из военного руководства передаваемую по наследству власть, и Рим относился к «роду» Аттилы как к праящему верхушке гуннов. Итак, в гуннском обществе появилась знать. Теперь эти люди отличались от правителей времен Аммиана: их власть зависела не от военного искусства, а от богатства.

Аттила, как его описывает Приск, был деспотичным ханом даже в мирное время. Его появление вызывало приветственные крики и аплодисменты гуннов; но их

уважение основывалось исключительно на страхе, и Приск убеждает нас, что Аттила вселял ужас в своих подданных. Ни в одном из имеющихся у нас источников нет и намека на то, что его власть была кем-то или чем-то ограничена в военное или мирное время. Он планирует и проводит кампании и переговоры, не консультируясь и не спрашивая советов у приближенных. В мирное время он вершил суд. Он выслушивает «жалобщиков» на пороге собственного дома, и они и толпа людей во дворе внимательно слушают и беспрекословно соглашаются с его решением. Похоже, они с глубоким уважением относятся к его мнению. Рядом с Аттилой стоит Онегесий, но Аттила даже не считает нужным посоветоваться с ним, чтобы вынести решение. Он властен над жизнью и смертью всех своих подданных. В нем нет уже ничего от правителей IV века. Аттила освободил себя от племенных обязательств и ограничений, которые племенное общество накладывает на чрезмерное усиление власти одного человека. Над ним нет никого, ни племени, ни народа. Он может убить членов семьи, и ему за это ничего не будет; Аттила убил даже собственного брата. Его приближенные считают его богом, и подданные обращаются к нему как к богу. Неожиданно найденный «Аресов» меч только помогает Аттиле усилить свое могущество. Одним словом, рост богатства влияет на преобразование гуннского общества.

2

В этом управляемом самодержцем сообществе нет места правителям, которые, как мы видели, занимали свое положение в военное время благодаря опыту и профессионализму, а не богатству. Теперь мы узнаем о приближенных Аттилы, или избранных подчиненных, как их иногда называют. К их числу благодаря выдаю-

щимся военным победам относился Эдеко. С другой стороны, к избранным относился также Берих. Но он занимал свое положение благодаря знатному происхождению, а это, вероятно, означает, что его предки отличились в войне и с помощью грабежа приобрели значительное богатство. По крайней мере один из избранных был не гунном, а римлянином. Речь идет об Оресте, отце последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа (часто называемого Ромул Августул, «маленький Август»).

Каковы были функции этих избранных? Они бесконечное число раз отправлялись с дипломатическими миссиями и иногда вели переговоры с иностранными послами, которые приезжали в степь, чтобы встретиться с Аттилой. Скрытым мотивом их частых посещений Константинополя был сбор богатого «урожая» подарков, которые римляне вручали каждому послу. Кроме того, эти люди охраняли Аттилу, и каждый из них с оружием в руках сопровождал Аттилу в определенный отрезок дня, благодаря чему они имели свободный доступ и общение с Аттилой. Хотя они считали, что охранные функции относятся к сфере «рабского» труда, тем не менее безупречно их выполняли. Хрисафий, возможно, и подкупил Эдеко, но тот почти сразу признался Аттиле, и Приск высказывает предположение, что Эдеко, вероятно, вообще не собирался убивать своего господина.

Но самая важная обязанность приближенных Аттилы была связана с управлением своей частью гуннов. Под непосредственным руководством Эдеко находилась определенная часть гуннов, и, когда ему было предложено убить Аттилу, его первая мысль была о совместных действиях со своими подчиненными. Понятно, что каждый приближенный Аттилы имел свой вооруженный отряд, и эти воины прекрасно знали, кому должны быть преданы в первую очередь. С помощью этих вооруженных отрядов приближенные Аттилы управляли определенными частями огромной империи, созданной Руа,

Аттилой и их предшественниками. Из источников мы узнали, что Берих был «правителем многих селений Скифского государства». Это, конечно, относится и к Онегесию, Эдеко и другим. То же и с сыновьями Аттилы. Вспомните, когда удалось подчинить акациров, Аттила назначил старшего сына Эллака управлять этим народом. Совершенно очевидно, что эти избранные Аттилы соответствуют командирам Ульдина и во время кампаний командовали не только своими конными отрядами, но и отрядами воинов из покоренных районов, которыми они управляли. Далее. Гуннам было известно такое понятие, как «иерархия», об этом говорит тот факт, что у каждого из них было строго отведенное место за столом у Аттилы. Онегесий сидел по правую руку, а Берих по левую руку от Аттилы. Римлянин Орест занимал положение ниже Эдеко, поскольку Эдеко был «лучшим воином и гунном». Все это позволяет нам сделать вывод, что территории, которыми они управляли, отличались по размерам, населению, богатству и стратегической важности.

Кроме того, избранные должны были собирать дань и продовольствие у покоренных народов. Хелхал, уже появлявшийся на страницах нашей книги, сказал готам, что гунны с презрением относятся к занятию земледелием и «подобно волкам нападают и расхищают пищу», добытую готами, так что готы находятся на положении рабов, добывая пищу гуннам; к тому же между этими двумя племенами всегда существовала вражда. Весьма сомнительно, что готы были в состоянии обеспечить пищей не только себя, но и своих хозяев. Более чем сомнительно. Конечно, отобранное у готов продовольствие теперь позволило гуннам содержать большие армии, что они не могли позволить себе, впервые появившись в Европе. Как и в каком количестве им удавалось вымогать продовольствие у покоренных народов, нам не известно. Нет у нас информации и о том, как они заставляли покоренные народы слу-

жить в их армии. Но нам известно, что уже в 375 году подчиненные аланы в авангарде армии гуннов атаковали остготов, а в 408 году Ульдин вторгся во Фракию во главе армии, в которую входили скиры. Мы можем смело утверждать, что Аттила редко проводил кампанию, в которой бы не принимали участие значительные силы покоренных им народов, благодаря которым численность армии Аттилы неуклонно росла. Наши источники в один голос утверждают, что гунны относились к покоренным народам как к рабам. Наследники Аттилы искали готов, как ищут «сбежавших рабов», и у нас имеется немало доказательств, что такое отношение к покоренным народам передавалось из поколения в поколение.

Понятно, что избранные, или приближенные, составляли основу административного аппарата гуннской империи. Секретари, которых Аэций отправлял Аттиле, выполняли второстепенные функции: писали письма, которые Аттила хотел отправить императорам Западной и Восточной Римской империй, вели документацию и писали различные отчеты. А вот без приближенных Аттила, несомненно, не смог бы управлять своей огромной империей.

Необходимо отметить, что Берих, хотя являлся правителем «многих селений в Скифском государстве», в 449 году приехал в лагерь Аттилы, оставив подвластные ему территории, чтобы вместе с возвращавшимся домой посольством Максимина отправиться в Константинополь в качестве послана. Исходя из этого мы можем высказать предположение, что в его распоряжении находилось сильное войско, с помощью которого он мог удерживать в подчинении завоеванный народ. Он никогда бы не покинул свою территорию, если бы не был уверен, что его войско не в состоянии обеспечить безопасность его людей, их жен и детей. Не вызывает сомнений, что покоренные народы, живя впроголодь и при этом год за годом отдавая продовольствие гуннам,

не могли не испытывать к ним чувство глубокой ненависти. При этом у нас нет никаких причин думать, что гуннов было очень много; приближенные Аттилы были не в состоянии командовать всеми гарнизонами огромной империи, поэтому некоторыми покоренными народами по-прежнему управляли их «короли» (верховные вожди), которые находились в более подчиненном положении по отношению к Аттиле, чем его приближенные. Король гепидов Ардарих, которому, как мы уже говорили, доверял Аттила, и Валамер (Баламир), король остготов, похоже, занимали такое же положение, как приближенные Аттилы. Иордан пишет, что Аттила доверял Ардариху и посвящал его в свои планы. Создается впечатление, что, хотя Ардарих поднял восстание после смерти Аттилы, при жизни великого гунна он, по всей видимости, одобрял существовавший порядок вещей. Он, конечно, не был полностью независим, но зато, пока он сохранял преданность гуннам, мог быть спокоен — пока он был другом Аттилы, ему были не страшны враги, ни внешние, ни внутренние. В значительной степени и германцам Ардариха, и римлянам Аэция было выгодно существование гуннской империи Аттилы. Но не все германские правители получали привилегии, которые имел Ардарих. По свидетельству Иордана, «остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно рабам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них представлял перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось». Готские короли хотя и вели себя с большим достоинством, но, по утверждению Иордана, «подчинялись власти Аттилы, гуннского короля, и им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, вестготов, потому что приказание владыки, даже если он повелевает отцеубийство, должно быть исполнено». Даже если в стране голод, король не будет голодать, и, независи-

мо от недовольства, подданные ничего не могли сделать, пока был жив Аттила¹.

Вполне разумно предположить, что готы только частично находились в подчинении у гуннов, действовавших во взаимодействии с готскими королями. Готами, согласно Иордану, всегда управляли собственные короли, хотя они и подчинялись гуннам. Что касается римлян, то самые их неимущие классы приветствовали захватчиков; среди германцев эту роль, возможно, исполняли короли.

3

Прежде чем перейти к причинам, которые привели к гибели гуннского общества, мы должны отступить от темы (если это можно считать отступлением) и поговорить о том, какое положение занимали женщины в этом обществе грабителей. У нас практически нет никакой информации о периоде, предшествовавшем появлению сочинения Приска. Аммиан только упоминает о женщинах, проводивших основное время в кибитках; здесь они шили одежду, вынашивали и рожали детей. Какой можно сделать вывод из описания условий жизни, в которых были вынуждены находиться женщины? Только один: о горькой судьбе женщин в примитивном кочевом обществе. Но такой вывод можно сделать только в том случае, если больше не иметь никаких свидетельств. В данном случае у нас есть информация из надежного источника, и этим источником, конечно, является Приск.

Давайте вспомним встречу, оказанную Аттиле. «При въезде в это селение Аттилу встретили девицы, шедшие

¹ Как сказал Иордан, «и не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна».

рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни». Согласно свидетельству Приска, женщины вовсе не вели замкнутый образ жизни, как это может показаться, читая Аммиана. Опять возвращаемся к Приску. Аттила проехал немного по дороге к дому, когда «навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино, приветствовала его и просила отведать благожелательно принесенного ею угощения». Аттила, не слезая с коня, поел и пригубил чашу с вином, «желая доставить удовольствие жене своего любимца». Приск засвидетельствовал, что женщины наравне с мужчинами встречали Аттилу и общались не только со своими мужчинами, но и с незнакомыми и с приезжавшими иностранцами. Историк свободно общался с женой Аттилы, сидевшей в окружении служанок, вышивавших «разноцветные узоры на тканях». И еще один не менее удивительный факт. Одним из селений, в котором побывало посольство Максимиана, управляла женщина, жена Бледы. У нас нет никакой информации о других гуннских женщинах-правителях, но у утигуров (ближайшие родственники гуннов), как нам известно, вождем племени была по крайней мере одна женщина, а во времена Юстиниана во главе савиров (племена гуннского происхождения) стояла женщина по имени Боарикс, вдова вождя Болаха. Гунны, по мнению многих ученых, находились на низшей ступени пасторализма, однако к женщинам относились с явным уважением, и женщины, в свою очередь, держали себя с достоинством. Не было и следа, как подчеркивает Ходжкин, принятой на Востоке изолированности от общества. В случае с Боарикс уместно вспомнить описание ранних монголов у Фокса. (Ральф Фокс (1900—1937) — английский историк, с 1920 г. — член компартии Великобритании. Известен своей мо-

нографией «Чингисхан» (1936), в которой использовал труды русских ученых, погиб в Испании в интербригаде. - Ред.)

Когда умирал муж, оставляя малолетних детей, вдова принимала все права мужа, даже руководство кланом или племенем, до тех пор, пока ее сыновья не достигали зрелости. Среди монголов и тюрок положение вдовы было одним из наиболее важных. В некоторых случаях она могла возглавить большую империю.

Небольшая информация, которой мы обладаем вдобавок к свидетельству Приска о положении, занимаемом женой Бледы, дает нам возможность сделать вывод, что сказанное выше о монголах имеет отношение и к гуннам.

В селении, куда прибыло посольство Максимина, за деревянной оградой, окружавшей территорию Онегесия, находилось несколько строений. Здесь жил не только Онегесий с женой и служами, но и родственники Онегесия, рабы и служанки. На основании описания уклада жизни Онегесия можно сделать вывод об укладе жизни гуннов в целом. С этим тесно связан вопрос многоженства, который касался не только правителей¹.

На основании этой информации мы можем вполне уверенно прийти к заключению, что гунны имели то, что Льюис Морган (Морган Льюис Генри (1818—1881) — американский ученый, этнограф, археолог и историк, основной сферой интересов которого было первобытное общество, главные работы — на основе глубокого изучения американских индейцев, прежде всего ирокезов. — Ред.) назвал «патриархальной семьей». Морган подчеркивает, что такая «семья представляла собой организацию известного числа свободных и несвободных людей под властью отца в целях обработки земли и охраны стад домашних животных. Рабы и слуги вместе со

¹ У нас есть неоспоримые доказательства многобрачия Аттилы, Бледы и Онегесия. (Примеч. авт.)

своими женами и детьми и с патриархом как их главой составляли одну патриархальную семью». В качестве примера Морган приводит римскую семью с отцовской властью (*patria potestas*) и древнюю семью греческих племен. Он акцентирует внимание на том, что в таких семьях полигамия имела второстепенный характер, в первую очередь необходима была коллективная рабочая сила, чтобы люди могли себя прокормить.

Особенность патриархальной семьи состоит в абсолютном господстве мужчины, поскольку забота о семье и стаде целиком ложится на плечи мужчины, а женщина экономически полностью зависит от мужчины. Однако гуннские женщины не подверглись полной деградации, которая обычно следует за ростом собственности в примитивном обществе.

4

В то время рост богатства и приток денег еще радикально не сказался на положении гуннских женщин. А теперь позвольте рассмотреть положение в новых условиях гуннских военачальников.

Аттила имел близких сподвижников только потому, что мог их хорошо вознаграждать. В условиях степного пасторализма, как говорит Фокс, «у щедрого хозяина было много сторонников, нерешительных и неудачливых». Ульдин, каким он стал в 408 году, не имел ни одного. Следовательно, вождь должен был постоянно держать себя в руках, энергично действовать, обеспечивать своих сторонников всем необходимым и дарить им дорогие подарки. Аттила отдавал им большую часть добычи и посыпал в составе посольств в Константинополь, чтобы и там они могли получить подарки и обогатиться за счет восточноримского императора. Аттила всегда выходил победителем, за исключением двух последних лет жизни. Приближенные Аттилы получали в виде по-

дарков шелковые ткани и индийский жемчуг, золотые и серебряные тарелки, серебряные кубки, чаши и подносы, уздечки, отделанные золотом и драгоценными камнями, вышитые покрывала, пряности, финики и другие деликатесы. На обеде в доме Аттилы, куда были приглашены римляне, столы ломились от деликатесов, мяса, хлеба и различных закусок. Раньше кочевники ели мясо только «по торжественным случаям и на обеде в честь высокого гостя». Теперь мясо стало повседневной пищей, во всяком случае для правящей верхушки. На торжественных приемах гунны пили вино, а теперь познакомились и с несколькими сортами пива — упоминаются напитки medus (мед) и samum (пиво). (Пиво было древнейшим традиционным напитком кельтов, славян, германцев и других индоевропейцев; medus (мед, медовуха) гунны явно позаимствовали у славян. — Ред.) Даже восточные римляне, присутствовавшие на обеде в доме Аттилы, отметили, что обед был «роскошный». Прием начался в девять вечера и продолжался всю ночь. В зале стояли столы, стулья и два ложа в римском стиле. Если во времена Аммиана гунны жили в кибитках и боялись входить в жилища римлян и готов, то во времена Аттилы они уже жили в домах, а у самого Аттилы и Онегесия, можно сказать, были дворцы. (Кочевники, используя труд покоренных германцев, славян и др., быстро привыкли к хорошему — бревенчатым жилым постройкам, стали мыться в парной бане. — Ред.) При этом следует помнить, что гунны производили лишь ничтожную часть предметов обихода, которыми владели. Далее. То, что наблюдали римские послы на обеде у Аттилы, этот «роскошный», как отмечает Приск, стол, заставленный яствами, — все это имело отношение только к правящей верхушке. Во всяком случае в 449 году, пишет Приск, «в селениях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы просо, а вместо вина — так называемый «мед». Гуннское общество в том виде, которого оно достигло при Аттиле, могло продолжить су-

ществование только в случае непрерывного притока денег и предметов роскоши, но, перед тем как приступить к рассмотрению этого вопроса, необходимо изучить источник поступления богатства. До этого момента мы не упоминали этот вопрос, имеющий чрезвычайно важное значение.

5

«Подарки», дань и грабежи были не единственными источниками обогащения гуннских военачальников. Пришло время поговорить о таком жизненно важном вопросе, как торговые отношения гуннов. Ученые сходятся во мнении, что кочевое общество существовало исключительно за счет стад скота и не имело никаких связей с оседлыми сельскохозяйственными общинами — но это только теоретически, а практически этому нет никаких подтверждений. Обмен с этими общинами был необходим для существования кочевников, и именно эта потребность в обмене впервые заставила гуннов установить связи с пограничными городами Римской империи. Ни Аммиан, ни Нестор не упоминают об этих отношениях, и то, что в сохранившихся с древних времен описаниях жизни кочевников эта информация отсутствует, сильно затрудняет работу ученых.

Имеющиеся у нас источники, касающиеся периода до появления Аттилы, ничего не говорят о торговых отношениях кочевников, за исключением фразы Аммиана, что «они покупают и продают, сидя на лошадях». У Иордана можно найти уже более существенное замечание, когда он пишет об альтцигирах: «Альтцигиря рядом с Херсоном, где жадные торговцы ввозят азиатские товары»; кроме того, он упоминает оногур, торговавших кожей. Внутренняя торговля между кочевниками не имела особого значения, поскольку все кочевники обладали одними и теми же ограниченными ресурсами.

Кочевые племена действительно отличаются практически отсутствием внутренней торговли, но зато внешнюю торговлю ведут весьма оживленно. Мы уже рассказывали об одежде гуннов, которую они носили до тех пор, пока она не истлевала и расплзлась прямо на них. Эта одежда шилась из льняного полотна. Помимо этого, Приск пишет, что Аттила и его приближенные носили одежду «из шкурок лесных мышей». Кочевникам требовалось много оружия, но примитивные кочевые племена сами были не в состоянии изготавливать оружие, в первую очередь потому, что жили в безлесной степи (в степях, во всяком случае европейских, существуют ленточные леса вдоль рек, древесная растительность вдоль балок и др.; даже в Центральной Азии все не так просто, как представляет автор. — Ред.), правда, в их распоряжении были рог и кость; гунны укрепляли луки с помощью костяных накладок. Но даже если бы у них были необходимые для изготовления оружия орудия труда и специалисты, они не могли сами изготавливать оружие из-за нехватки сырья (прежде всего качественного металла. — Ред.). Даже монголы в XII веке, не менее, если не более воинственный народ, чем гунны, были вынуждены покупать оружие в Китае и Хорезме. В мирное время они сами делали луки, стрелы, копья, но в военное время им уже не хватало собственных ресурсов, и они были вынуждены закупать оружие в других странах. В отношении гуннов об этом факте не упоминается ни в одном из древних источников. Однако об этом было известно в V веке, и мы увидим, что этот факт не ускользнул от внимания правительства Восточной Римской империи. Следует также отметить, что Менандр Протектор¹ говорит о неспособности ранних тюрок изго-

¹ Менандр Протектор — византийский дипломат и историк VI в. Родился в Константинополе в середине VI столетия. Говоря современным языком, имел юридическое образование. Находился на имперской государственной службе. В своих работах использовал данные из дипломатической переписки, сообщений ви-

тавливать оружие и подчеркивает возникавшие у них проблемы с железом.

Нам известно, что у аваров были те же проблемы, и в 562 году их послы приехали в Константинополь, чтобы договориться о поставках оружия; они собирались начать кампанию против самих же восточных римлян, однако римляне, получив деньги за оружие, арестовали послов. Едва ли найдется народ в первые четыре века новой эры, который бы не закупал товары у римлян, и в первую очередь доспехи и оружие. Однако германцы, имея в своем распоряжении леса и месторождения руд, возможно, обходились без закупки оружия у римлян. (Археологические раскопки показывают, что производство железа из болотных руд (сыродутный способ) было широко поставлено у кельтов и славян (у германцев, кстати, меньше), крицы железа могли даже продаваться и в Римскую империю. — Ред.) В 337 году, стремясь увеличить свою ударную мощь, иранский шах решил закупить железо в Римской империи. Но даже и без этого покупного железа Сасанидский Иран был достаточно силен, о чем было известно римлянам. Все это не относится к таким народам, как гунны, авары, тюрки и прочие степные кочевники. Они не могли самостоятельно вооружиться для проведения крупномасштабных операций и были вынуждены закупать оружие.

К тканям и оружию мы можем уверенно добавить зерно. В 409 году Гонорий для обеспечения пищей армии гуннов обеспечил поставку зерна из Далмации в

зантийских послов, исторические сочинения, личные наблюдения, рассказы очевидцев. Оставил достаточно подробные сведения об антско-аварских отношениях, аварско-византийской борьбе за Сирмий и против славян. Многие фрагменты его работы цитирует Константин Багрянородный. Сочинение Менандра в определенном смысле продолжает книгу Агафия из Малой Азии «О царствовании Юстиниана». Далее за Агафием Менандр Протектор писал во времена императора Маврикия «Историю», которая излагала события с 558 по 582 г. Повествование Менандра было продолжено в трудах Феофилакта Симокатты, который жил во времена императора Ираклия (правил в 610—641 гг.) и занимал должность секретаря.

Италию. Однако Клавдиан говорит, что гунны не ели хлеб; по заявлению Пейскера, хлеб был для кочевников роскошью. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что хлеб ели только избранные. Действительно, торговыми операциями в основном занимались вожди, военачальники, и мы можем с большой долей уверенности утверждать, что купленные или обмененные товары — мечи, одежда, зерно и примитивные предметы роскоши — доставались исключительно избранным, причем это относилось ко всем племенам, когда даже самые необходимые для существования вещи и продовольствие доставались с огромным трудом. В обмен на необходимые товары и продукты гунны предлагали оседлым земледельческим племенам лошадей, мясо, меха, кожу и рабов. Даже во времена Аттилы, когда гунны нашли другой способ расплачиваться за товары, они надеялись, что римские послы, следя по их территориям, будут покупать у них рабов, лошадей и меха.

Во времена Аттилы торговля предметами роскоши стала основным фактором, определившим существование гуннской империи. Читатель, не способный осознать всю значимость этого вида торговли, не сможет понять социальную организацию гуннов. Известно, что, когда предметы первой необходимости более или менее равномерно распространялись по всем степным племенам, появилась потребность в предметах роскоши. Произошло разделение на высших и низших, военачальников и рядовых конников. Следовательно, бесконечные требования Аттилы, что гунские послы должны принимать в Константинополе «подарки», нельзя относить только за счет проводимой Аттилой *politique de prestige*¹, как считает Алфельди. Это была жизненно необходимая поддержка общественного строя, преобладавшая в то время у кочевников. Избранные были преданы одному Аттиле, потому что только он и никто другой мог обе-

спечить их таким обилием «подарков». Гунны проделали долгий путь с того времени, когда у них не было «неработающего класса», и они, по словам Аммиана Марцеллина, не знали «строгой царской власти, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадается на пути». Растущее богатство раскололо их ряды.

Правительству Восточной Римской империи было хорошо известно, что их злейшие враги зависят от продукции, производимой в империи, не только в военном, но и в экономическом и социальном отношениях. Гунны вели торговлю практически только с купцами из Восточной Римской империи, а также на городских рынках в самой империи. Однако изучение римских монет, найденных в Румынии, дало интересные результаты. Были обнаружены монеты всех преемников императора Аврелия до Феодосия I; и этот факт говорит о том, что с Западом в это время велась не менее оживленная торговля, чем с Востоком. Однако было найдено множество золотых монет с изображениями Аркадия, Феодосия II, Маркиана и Льва I и очень мало монет с изображением императоров Западной империи. Уместно предположить, что в более позднее время гунны торговали исключительно с восточными римлянами.

К сожалению, невозможно сказать, какую роль сыграла торговля между гуннами и Восточной Римской империей в возышении первых гуннских королей (если точнее, верховных вождей. — Ред.), Ульдина, Доната и прочих, и в процессе, благодаря которому гуннские военачальники превратились в избранных Аттилы. Латтимор (американский востоковед. — Ред.) твердо убежден, что само существование торговли между кочевниками и оседлыми народами было обусловлено неоднократными предложениями военачальников кочевников — сначала для того, чтобы получать прибыль от торговых операций, а затем — чтобы требовать дань. Имеющиеся у нас греко-римские источники не слиш-

¹ Политика престижа, политика величия (*фр.*).

ком проясняют этот вопрос, но все-таки мы можем сделать пару выводов относительно точки зрения Восточной Римской империи. Вероятно, что в торговых отношениях с гуннами были одинаково заинтересованы и городские рынки империи, и отдельные торговцы, отправлявшиеся к кочевникам. Грек, с которым Приск разговаривал в лагере Аттилы, «по торговым делам приехал в Виминаций... но лишился своего состояния при завоевании города варварами и благодаря своему прежнему богатству был выбран самим Онегесием при деже добычи... Отличившись в битвах с римлянами и акатирским [акацирском] народом и отдав твоему хозяину-варвару по скифскому обычанию приобретенные на войне богатства, он получил свободу, женился на варварской женщине», завел детей и, «разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней». Нам не известно, по какой причине он стал жить лучше, но вполне может быть, что именно благодаря торговым операциям. (Автор по своей простоте не понял, почему бывший купец, а теперь уважаемый среди гуннов человек стал считать свою жизнь лучше — совсем не из-за «торговых операций». — Ред.) Более показателен в этом смысле случай с торговцем из Апамеи (город в верховьях Евфрата. — Ред.), который в 484 году, спустя много лет после смерти Аттилы, сопровождал отряд гуннских налетчиков во время грабительских набегов в Иран в качестве главного советника. Если мы согласимся с мнением Хирта (Хирт Герман (1865—1939) — германский языковед, специалист в области индоевропейских языков. Сторонник нордической теории. Главная работа — «Основные проблемы индоевропейского языкознания» (издана в 1939 г. после смерти ученого). — Ред.), то будем вынуждены признать торговые отношения между гуннским царством Эллака, сына Аттилы, и его восточными соседями вплоть до границы с Китаем и наличие большого количества купцов на территории подвластной

Эллаку сразу же после смерти Аттилы. Но выводы Хирта более чем сомнительны (они подтверждены более поздними исследованиями и археологическими находками. — Ред.), и мы не считаем возможным использовать их на страницах этой книги. Нам представляется более ценным свидетельство Иордана, о котором мы говорили раньше, что альтцигры живут рядом с Херсоном, куда жадные купцы привозят товары из Азии. Нет ничего удивительного в том, что наши источники так редко упоминают торговцев (купцов) и так мало говорят о торговле между гуннами и Восточной Римской империей, — историки, похоже, не испытывают симпатии к купцам. Удивительно, что они вообще упомянули купцов из Виминация и Апамеи, и оногуров, торговавших кожей. Но даже если бы в источниках не было никаких имен, мы бы все равно пришли к выводу, что шла активная торговля между римлянами и кочевниками; современное исследование кочевых племен, обитавших в степи, принесло свои плоды. Огромная часть монет, отданная правительством Феодосия II (и не только им) кочевникам, должна была вернуться в империю благодаря торговле с кочевниками. Каким еще образом могли израсходовать гунны полученные деньги? На что еще они могли их потратить? (Они их тратили на товары из Сасанидского Ирана, Китая, Индии (через Иран). — Ред.) Многие римляне должны были понимать, что существование гуннской империи служит основой процветания Римской империи. Купцы в приграничных городах, странствующие мелкие купцы (или стоит их называть коробейниками?), продавцы мехов, кожи и рабов — все они получали хорошую прибыль, и прибылью этой были те самые монеты, которые Феодосий II с таким нежеланием выплачивал Аттиле.

Торговля, как мы уже говорили, отразилась на политике. Еще во времена Руя римлян заставили обеспечить рынки для гуннов; торговые отношения игра-

ли важную роль и в проводимой Аттилой политике. В 435 году, в первом соглашении с римлянами, были оговорены торговые права гуннов: ярмарки должны быть равноправны и безопасны как для римлян, так и для гуннов. В 448 году Аттила, который до этого был, видимо, удовлетворен торговыми отношениями (во всяком случае, о них ничего не говорится в соглашении, достигнутом Анатолием в 443 году), опять поднимает вопрос о благоприятных условиях для своих людей в торговле с империей. Теперь он настаивает на переносе главного торгового центра из Иллирии в Наис (Верхняя Мёзия, ныне Ниш в Сербии). Основная цель этого требования заключалась в том, чтобы развинуть границы, увеличив территорию, и заставить римлян очистить дунайскую границу от фортификационных сооружений. Достигнутые соглашения оставались в силе в течение нескольких лет, во всяком случае Аттила больше не поднимал этот вопрос. Едва ли он мог предполагать, насколько важной станет эта проблема после его смерти.

6

Гуннское общество к 449 году, когда Приск посетил Аттилу, было паразитирующим сообществом мародеров. Учитывая острую нехватку людских ресурсов, кажется маловероятным, что они все еще оставались кочевниками-скотоводами. В наших источниках нет даже намека на то, что гунны Аттилы по-прежнему круглый год перегоняли стада с пастбища на пастбище. Вместо того чтобы собирать в стадо скот, они стали заниматься более прибыльным делом — собирать в «стадо» подвластных им людей. Богатство стало отличительным признаком гуннского общества. Их общество могло существовать ровно столько времени, сколько Аттила был в состоянии обеспечить массы всем необходимым и немного сверх

того, а своих приближенных — всем тем, что отличало их от рядовых воинов. Аттила вымогал товары, услуги, «дары», которые сформировали основу гуннского общества, у подчиненных гуннам народов и Восточной Римской империи с помощью военной силы. На чем бы держалось это сообщество, если бы Аттила и его преемники больше не смогли заставлять имперское правительство дарить «подарки» и делиться доходами, если бы римляне прервали торговые отношения и отказали в поставках оружия?

Империя Аттилы занимала огромную территорию от Кавказа до границ современных Франции и Дании, поэтому гуннские войска были рассеяны по завоеванной территории; это было слабое место Аттилы. Самое по-разительное, что Аттила оставил Ардариха и множество других «королей» (верховных вождей) на своих местах. Если бы он мог сам управлять всеми покоренными народами с помощью своих военачальников и гуннских гарнизонов, то так бы и сделал. Но все дело в том, что у Аттилы просто не хватало своих людей — его гуннам приходилось заниматься сбором продовольствия, дани, кое-где стоять в гарнизонах. Вероятно, именно этим можно объяснить удивительную настойчивость Аттилы в вопросе, связанном с выдачей пленных гуннов и беглецов, с которым он неоднократно обращался к правительству Восточной Римской империи. Аттила направил несколько посольств, жестко потребовав немедленно выдать беглецов. В первом случае ему вернули семнадцать человек, во втором только пять. Однако у Аттилы был поименный список, и он снова и снова настаивал на выдаче всех до единого. Почему Аттила был так настойчив в своих требованиях? По его словам, он не желает, чтобы «его рабы действовали на войне против него», но тут же заявляет, что «они не могут принести никакой пользы тем, которые вверяют им охранение страны своей». Он, естественно, не говорит об основной причине повторных требований.

В гуннских гарнизонах были не только представители тех народов, которых гунны завоевали, но и тех, кого сами вводили в боевой состав. Я думаю, что Йорг был первым, кто высказал предположение, что среди тех, кого Аттила требовал выдать ему, было много римлян, насильственно привезенных на гуннскую территорию, чтобы они занимались земледелием. В источниках нет никаких свидетельств на этот счет, но похоже, что Йорга прав, утверждая, что гунны привозили на свою территорию людей, которые занимались сельским хозяйством. Привозить в свою империю сельскохозяйственных рабочих всегда было в традициях степных кочевников, и не только потому, что те были более знающими и опытными, чем, возможно, сами гунны, но еще и потому, что эксплуатация иностранцев оставляла неизменной структуру самого степного общества. Латтимор пишет, что «вожди кочевников предпочитают использовать сельскохозяйственных рабочих и эксплуатировать их, обеспечивая им защиту. Между этими крестьянами и кочевниками явное социальное различие». Мы уже говорили, что в 395 году гунны вторглись в Сирию, захватили пленных и погнали их на север. Поскольку основная часть взятых в плен были бедными крестьянами, то гунны не могли надеяться на выкуп и, следовательно, собирались их использовать в качестве сельскохозяйственных рабочих. Такая же судьба постигла жителей балканских городов во время нашествий гуннов в 441—443 и 447 годах. Гунны едва ли надеялись получить за них выкуп. Однако та настойчивость, с какой Аттила требовал выдачи пленных и беглых, указывает на то, что Аттила прекрасно осознавал небезопасность своего положения.

Несмотря на одержанную в 447 году победу на реке Утус, Аттила понес значительные потери. После поражения в Галлии в 451 году чума и голод заставили его покинуть Италию в 452 году. Он умер в 453 году, и его сыновья разделили империю между собой. После вну-

тренних разборок они приняли участие в нескольких сражениях, потребовавших больших жертв, и были разбиты в 455 году в сражении у реки Недао. Наши источники сильно преувеличивают, сообщая, что было убито 30 тысяч гуннов (достаточно достоверная цифра. — Ред), но то, что гунны понесли серьезные потери, не вызывает сомнения. Правители больше не могли обеспечивать военачальникам привычный уровень жизни, и те отделились вместе с подчиненными и служами и стали сами устраивать свою судьбу.

Какую роль сыграло правительство Маркиана в заключительной главе гуннской истории? Вполне возможно, что оно подстрекало и поддерживало восстание покоренных гуннами народов после смерти Аттилы. У нас нет очевидных доказательств, но маловероятно, чтобы император не предпринимал никаких действий после акции, предпринятой Аэцием в 452 году, когда он призывал германские племена выступить на стороне римлян. Правительство Восточной Римской империи нанесло два удара гуннам, которые ясно продемонстрировали понимание экономических проблем кочевого общества. Первый из этих ударов отображен в уцелевшем фрагменте сочинения Приска. В нем говорится о том, что в 468 (или 469) году сыновья Аттилы послали посольство в Константинополь с целью устранить имевшиеся разногласия и договориться о том, чтобы гунны вновь могли торговать в приграничных городах Римской империи. Император Лев I не видел причины, по которой должен позволять людям, нанесшим огромный ущерб его империи, с выгодой для себя торговать на римской территории, и не задумываясь ответил отказом. Требование о необходимости восстановить торговые отношения дает нам информацию, которую мы не нашли ни в одном источнике: правительство Восточной Римской империи почувствовало себя достаточно сильным, чтобы отказать гуннам в рынках, тем самым нанеся смертельный удар по гунн-

скому обществу. Теперь гунны должны были обходиться без привычных «подарков», а значит, избранные (те, кто дожил до этого времени) лишились привилегий и больше не могли ощущать свое превосходство над остальными гуннами. Второй, не менее сильный удар был нанесен еще раньше Маркианом. Мы уже говорили о том, что гунны не могли сами обеспечить себя оружием для крупномасштабных операций и были вынуждены покупать его. В 455 (или 456) году, вскоре после битвы при Недао, Маркиан издал указ, запрещавший продавать варварам оружие, особо выделив луки, стрелы и копья, и материал для изготовления оружия. Этот указ распространялся на территории, наиболее подверженные набегам гуннов: Фракию и Нижнюю Мёзию. Судя по дате, указ был направлен в первую очередь против гуннов, хотя позже он распространился и на другие народы. Когда стал известен результат сражения у Недао, правительство Восточной Римской империи решило, что пора применить знание о гуннской экономике. Именно поэтому гуннам было отказано в рынках и оружии. С этого момента исчисляется конец периода господства кочевников.

Такими были стадии уничтожения гуннов. В связи с первой стадией возникает вопрос, могла ли простая ссора между сыновьями Аттилы привести к событиям, которые разрушили империю, занимавшую всю Центральную (и значительную часть Восточной) Европу? К сожалению, у нас нет возможности отследить конфликты, возникавшие в последние годы правления Аттилы и во время правления его сыновей между различными группами, составлявшими гуннское общество, которые Латтимор подробно развивает в своей блестящей работе о развале империи степных кочевников. Интересы Аттилы были направлены на войну и завоевание новых территорий или сбор дани с народов, которых он уже подчинил; делал ли он различие между своими сторонниками, управлявшими покоренными народами, и

теми, кто оставался рядом с ним в качестве военного резерва? Имеющиеся в нашем распоряжении источники довольно противоречивы. С одной стороны, поскольку рядовым воинам стали доступны не только предметы первой необходимости, но даже предметы роскоши, требовалось обеспечивать все большим и большим количеством дорогостоящих предметов приближенных, чтобы они резко отличались от рядовых воинов. Мы уже говорили о том, насколько важно было это разграничение. С другой стороны, теперь для этого было необходимо прикладывать гигантские усилия и, значит, завоевывать новые территории, а с людскими ресурсами у гуннов всегда были проблемы, особенно теперь, когда надо было защищать завоеванные территории и держать в узде покоренные народы. Мы также предполагаем, что гуннам пришлось отказаться от пасторализма, поскольку необходимость охранять завоеванные территории и народы требовала распределить по огромной территории имевшиеся у завоевателей силы. Итак, впервые появившись в Европе, гунны обладали примитивными производственными ресурсами; во времена Аттилы в результате специфического развития их общества у них вообще не стало собственных производственных ресурсов — они полностью зависели от покоренных народов и восточных римлян. Чем больше они старались удовлетворить свои растущие потребности, тем слабее становилась их военная мощь, от которой зависело существование их нации в целом. Но растущие потребности никогда нельзя удовлетворить полностью — такова человеческая природа. В какой-то момент подчиненные гуннам народы поняли, что в состоянии сбросить оковы гуннского рабства. Гунны лишились источников продовольствия, и Денгизих был вынужден обратиться с просьбой о выделении земли на римской границе и средств для ее возделывания.

После смерти Аттилы и поражения его сыновей в степи началась страшная неразбериха. Каждый вождь

старался привлечь как можно больше сторонников, чтобы подчинить и превратить в вассалов другие племена. Так у монголов перед появлением Чингисхана «старое было разрушено, жизнь состояла из серии диких набегов, предательства, раскола на группировки, постоянной борьбы». У нас есть яркое описание судьбы потомка Аттилы, оставленное нам Иорданом:

«Этот самый Мундо происходил от каких-то родичей Аттилы; он бежал от племени гепидов за Дунай [Дунай] и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников и, занявшись башню, которую называют «Герта» и которая стоит на берегу Дундубия, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг. Его-то, почти уже отчаявшегося и помышлявшего о сдаче, появившийся там Петца вырвал из рук Савиниана и обратил — полного благодарности — в подчиненного своего короля Теодориха».

Как бы то ни было, но Мундо повезло. После смерти Феодосия II он поступил на службу в римскую армию и, став в 530 году военачальником в Иллирии, отогнал отряд гуннов и других налетчиков. Не многие из потомков Аттилы оказались столь же удачливы.

Понятно, что теперь гунны вернулись к обществу, очень напоминающему то, о котором писал Аммиан, обществу, основанном на кровном родстве, и, конечно, исчезла более высокая форма общественной организации — такая, как конфедерация. Ян Пейскер (чешский (австро-венгерский) ученый) подчеркивает, что при распаде и исчезновании конфедерации ничего не меняется в жизненном укладе кланов и частично племен. Пейскер даже говорит о «неразрушимости» кланов. Нам известно, что вскоре после смерти Аттилы Денгизиха, продолжавшего войну с готами, поддержали четыре гуннских племени — ултзинзуры, биттогуры, бардоры и ангиски-

ры. Особый интерес вызывают ултзинзуры. Почти наверняка своим названием племя обязано Ултзиндуре, состоявшему в кровном родстве с Аттилой, которого мы уже встречали на страницах этой книги. Согласно Пейскеру, в степи очень часто племена называли именами героев войны, реальных и легендарных, и тому много примеров: татары-ногаи (хан Ногай), турки-сельджуки (один из первых их предводителей Сельджук), турки-османы (турецкий эмир Осман I). Ултзиндур, как кровный родственник Аттилы, наверняка занимал высокое положение в гуннской империи, хотя упоминается всего один раз. Сразу после смерти Аттилы Ултзиндур называет племя своим именем. Его люди верят, что он вернет им прежнее благополучие. И хотя он исчез, а его люди перешли к Денгизиху, племя сохранило название, данное ему Ултзиндуром.

Напрашивается вывод, что удачливые вожди в конце концов создали новые кланы и новые племена, и степь опять заполнилась такими властителями, как сыновья Аттилы и Эдеко, Хелхал и Мундо, каждый из них был таким же ужасным и задиристым, как сосед, воевал с империей и другими варварами, поступал в качестве наемника в римскую армию; всю эту информацию можно найти на страницах сочинения Прокопия. Но из-за огромного притока в Восточную Европу в шестидесятых годах V века новых, сильных народов не появилось ни нового Аттилы, ни новой конфедерации.

Глава 8

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РИМА И ГУННЫ

Мы уже пытались разобраться в отношении некоторых римлян к гуннам и позже подведем итог наших рассуждений. А вот что мы не можем сделать, так это выяснить реакцию римского правительства на первое появление гуннов. Наши источники, состоящие из отдельных фрагментов, не дают нам возможности даже предположить, какого мнения были министры Феодосия I и Аркадия о новых захватчиках. Сохранившиеся фрагменты сочинения Приска позволяют только мельком разглядеть мотивы, которыми руководствовались политики разных правительств, руководивших тогда Восточной Римской империей. Но если мы хотим дать по возможности точную оценку политики, проводимой императорами Феодосием II и Маркианом, которые приняли на себя основной удар и провели Восточный Рим сквозь бури середины V столетия, нам следует критически отнестись к суждениям, высказываемым Приском. Историк, конечно, представляет нам точный отчет об имевших место событиях, но как он интерпретирует факты? У нас нет причин считать, что он беспристрастен и объективен; это было не под силу даже Тациту. Только изучение его собственных слов может дать нам ответ на вопрос, какую ценность представляют интерпретированные им факты.

Во времена Римской империи столь тесно переплелись социальные и политические представления, что у нас нет надежды разобраться в одном, не изучив другого. Социальные представления Приска достаточно ясны, благодаря сохранившему отрывку его сочинения, в котором содержится рассказ о его пребывании в лагере Аттилы. Как-то к Приску, который прогуливался у закрытых ворот в ожидании Онегесия, подошел мужчина, одетый как гунн, который поздоровался с ним по-гречески. Выяснилось, что этот человек, грек по происхождению, по торговым делам приехал в Виминаций, прожил в нем очень долгое время и женился на очень богатой женщине, но в 441 году лишился своего состояния при завоевании города варварами. Благодаря прежнему богатству при дележе добычи его выбрал Онегесий; пленников из числа зажиточных выбирали себе (после Аттилы, конечно) избранные гунны, поскольку за них можно было получить хороший выкуп. Отличившись в битвах с римлянами в 443 и 447 годах и с акацирами в 448 году, этот грек, отдав своему хозяину-гунну (по гуннскому обычая) приобретенные на войне богатства, получил свободу, женился на гуннской женщине, завел детей. Сидит за одним столом с Онегесием и живет у гуннов лучше, чем когда был торговцем в Виминации. Если бы он по-прежнему жил в империи, сказал грек Приску, то его положение было бы намного хуже. Во время войны он наверняка бы погиб, поскольку, по его мнению, римские военачальники некомпетентны, а кроме того, население не может оказывать сопротивление захватчикам из-за отсутствия оружия. В мирное время еще хуже, чем во время войны: рядовые граждане страдают из-за безмерных налогов и несправедливого законодательства. Богатым, в отличие от бедных, позволено все. Им сходят с рук любые правонарушения, чего нельзя сказать о рядовых гражданах.

Мы очень мало знаем о купцах (торговцах) в Римской империи, однако нам невероятно повезло, что сохранился именно этот отрывок из сочинения Приска, поскольку в нем раскрываются самые серьезные проблемы, с которыми в то время столкнулось римское общество, — чудовищные налоги, некомпетентность военачальников, коррупция в судопроизводстве и др. Ответ Приска греку дает нам возможность оценить, насколько историк осознавал основные проблемы современного общества. В свое время Аммиан Марцеллин и Олимпиодор гневно протестовали против социальной несправедливости, а что же Приск? Его ответ, который Гибbon справедливо назвал «неубедительным и пропастранным разглагольствованием», состоял из набора общих фраз, зачастую не имевших отношения к реальной жизни. Приск показал себя, судя по рассказу Евагрия, «как благонамеренный чиновник, хитрый дипломат, православный христианин, помогавший правительству в борьбе с народным движением, которое проходило под монофизитскими лозунгами». Приск сказал, что люди, составлявшие римский свод законов, были умными и грамотно справились с поставленной задачей. Они определили, какая часть населения должна следить за выполнением законов, какая часть быть кадровыми военными, а какая заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормить тех, кто должен их защищать. Суды на редкость справедливы и беспристрастны, а то, что судебные процессы иногда затягиваются, так это только потому, что судьи боятся принять несправедливое решение. Нелепо утверждать, что правосудие вершится исключительно в пользу богатых — даже император подчиняется законам, принятым в империи. За двадцать лет до разговора, состоявшегося у Приска с греком, Феодосий II заявил, что законы распространяются абсолютно на всех, «даже на императора». Однако современник Приска, епископ Феодорет, мыслит более реалистично. «Дети боятся приведе-

ний, молодежь учителей, а человек самого страшного, что есть на свете, — суды, судьи, судебных исполнителей и т. д. Если человек беден, то боится вдвойне», — пишет Феодорет. Но Приск считал иначе. Римляне, объясняет Приск, относятся к рабам более гуманно, чем вождь гуннов к покоренным народам. Можно сказать, что господа относятся к рабам как отцы и наставники, исправляют их ошибки, помогают в сложных ситуациях, словно рабы их дети. В этом историк солидарен с епископом. Согласно Феодорету, господа — «благодетели для рабов, и рабы защищают своих хозяев, как дети родителей».

Легко увидеть, считает Ходжкин, что Приск, как обычно случается с риторами и дипломатами, выдает желаемое за действительное, и его ответ не имеет никакой связи с реальной жизнью. Критика общественного строя империи, вложенная в уста грека-перебежчика, в какой-то степени выражала политические взгляды самого Приска, изобличавшего пороки общества. В то же время этой критике он противопоставляет свою апологию порядков Римского государства. Разговаривая с человеком, пережившим перевороты V столетия, Приск выражает удовлетворение существующим положением. Он «благонадежный» гражданин и завоевал бы расположение Октавиана Августа, который, как известно, сказал: «Кто хочет сохранять установленное другим, является хорошим гражданином и хорошим человеком».

2

Такими были высказывания Приска по социальным проблемам, а теперь попытаемся узнать его взгляды на политику. Чтобы составить какое-то мнение, нам опять необходимо обратиться к сохранившимся фрагментам его сочинения. Высказывания Приска, сохранившиеся

главным образом в «Excerpta de Legionibus» («Эксцерпт о посольствах») Константина VII Багрянородного (Порфиородного)¹, к сожалению, не имеют непосредственного отношения к внутренней политике Восточного Рима.

Однако, даже на основании этих высказываний, можно сделать вполне конкретные выводы о взглядах Приска на политику.

Мы уже упоминали Сенатора, консула в 436 году, который, являясь патрицием, присутствовал на соборе в Халкидоне в 451 году и состоял в переписке с Феодоретом. Приск, несмотря на высокое положение, которое Сенатор занимал при дворе Феодосия II, демонстрирует явное презрение к нему, заметив, что, находясь в ранге посла, Сенатор, как выяснилось, не обладает храбростью, поскольку не рискует отправиться в лагерь Аттилы сухопутным путем, а плывет по Черному морю в Одессу к Феодулу в расчете на его поддержку. Приск явно осуждает Анатолия и Феодула за их малодушное поведение во время переговоров с Аттилой в 443 году. Анатолий, подписавший три мирных договора с гуннами, командующий войсками на Востоке в 438 году, построил в

¹ О поистине колossalной литературной и авторской и в особенности организаторской деятельности Константина VII (905—959, император с 913 г., фактически с 945 по 959 г.) известно далеко не все. Как полагают, император поставил целью подготовить справочники энциклопедического характера почти по всем существовавшим тогда отраслям знания: агрономии, зоологии и ветеринарии, медицине, юриспруденции, воинской тактике, административном устройстве, дипломатии, системе титулов, организации дворцовых церемоний и т. д. Под руководством Константина было составлено до 53 собраний, большая часть которых безвозвратно утрачена. Сохранившиеся же донесли до нас, хотя и в сокращениях или в выписках, немало утерянных трудов, в том числе сочинения Приска Панийского и Менандра Протектора, посвященные описанию народов, с которыми империя сталкивалась в V—VI вв., и дипломатическим контактам с ними. «Дипломатический» сборник не дошел до нас в полном виде. Вполне возможно, его составление предшествовало написанию труда «Об управлении империей», и его материалы были привлечены Константином по крайней мере в одном из разделов труда, обозначенном как раздел «О народах».

Антиохии портик, долгое время носивший его имя — портик Анатолия. Он был консулом, патрицием, *magister militum praesentalis* (столичным военным магистром) и рьяным сторонником православия. Тем не менее Приск критически относится к миссии Анатолия и Нома к Аттиле весной 450 года. Почему мы делаем такой вывод? По той простой причине, что Приску явно претит отношение послов к гунну, которого они подкупили «множеством даров» и «почтительными речами» ради установления мира. О Флавии Номе, консуле в 445 году, племяннике Кирилла Александрийского написал в 444 году, что он в своих руках сосредоточил «власть над миром». О Феодуле нам известно только то, что говорит о нем Приск, но совершенно ясно, что он, как и другие, имел серьезное влияние при дворе Феодосия II; большим влиянием обладал только Хрисафий. Когда жители Эдессы (современный город Урфа, месопотамский город на юго-востоке Турции) были вынуждены обратиться к властям Восточной Римской империи, они назвали имена самых влиятельных, по их мнению, людей: Зенона (врага Хрисафия), Анатолия, Нома, Урбиция, Сенатора, Хрисафия и императора. Послы, которых Приск подверг критике, были друзьями евнуха Хрисафия и яркими представителями политики умиротворения врагов Восточной Римской империи (в том числе и Аттилы). Приск обвиняет послов в проводимой ими политике, считая, что им не хватает храбрости, чтобы общаться с Аттилой. Он ничего не говорит о последствиях этой политики, которые в конце правления Феодосия II привели к далеко не благоприятному для римлян положению дел. Приск осуждает административный аппарат за «робость» перед врагами Восточной Римской империи. По его словам, правительство «подчиняется каждому приказу Аттилы и относится к его распоряжениям как к приказу хозяина», римляне только делают вид, что добровольно заключают мирный договор, продолжает Приск, а на самом деле делают это под влиянием без-

умного страха, охватившего их начальников; соглашаясь на заключение мира, они готовы принять любые, даже самые тяжелые требования. Историк, безусловно, прав, говоря об огромных трудностях, возникавших у министров Феодосия II во время переговоров с гуннами. Однако надо признать, замечает Приск, что в то время Восточной Римской империи угрожали Сасанидский Иран, вандалы, исавры, арабы и даже эфиопы. Весь этот перечень проблем удивительно напоминает обвинительный акт в отношении проводимой правительством политики, которая привела к одновременному возникновению нескольких критических ситуаций; Приск не жалеет правительство, заявляя, что «Аттила оскорблял их, а они умирали от него».

Но есть и противоположное мнение. Друг Зенона, Аполлоний, хвалит Зенона за смелое поведение во время посольства к гуннам в 450 году в ответ на угрозы Аттилы. Восхищенный смелостью жителей Асема, которые смогли отбить атаку гуннов в 443 году, Приск отводит несопротивленно много места в своем сочинении рассказу об этих людях. Но историк не ограничивается рассказом о тех, кто оказал сопротивление варварам на Востоке. Приск не может скрыть одобрения, которое у него вызвали теплые слова, адресованные Гейзериху епископом, по иронии судьбы носящим имя Бледа. Он с гордостью, не скрывая восхищения, говорит о Егидии, который упорно защищал Западную Римскую империю от вторжения готов. Но самой высокой похвалы в сочинении Приска удостаивается Евфимий, магистр официй при императоре Маркиане, который, возможно, был родственником императора. «Славный разумом и силою слова Евфимий правил государственными делами при Маркиане и был его руководителем во многих полезных начинаниях. Он принял к себе Приска-писателя как участника в заботах правления», — пишет Приск. Эту хвалебную речь едва ли можно отнести только за счет того, что после смерти Максимиана Приск перешел

на службу к влиятельному вельможе Евфимию в качестве assessor (советника по юридическим делам) и у них установились тесные отношения. Трудно представить, чтобы Приск не высказывал своего мнения о новой внешней политике, ознаменовавшей начало правления Маркиана. Правительство заняло более жесткую позицию по отношению к гуннам, прекратило выплату дани. Таким образом, правительство Восточной Римской империи при Маркиане кардинально изменило политический курс, проводимый правительством Хрисафия, который умер незадолго до смерти Феодосия II. «У меня есть железо для Аттилы, — сказал как-то Маркиан, — но не золото».

И наконец, следует отметить, что обман, с помощью которого Анагаст и Хелхал стравливали готов и гуннов, заставляя вцепиться друг другу в глотки, находит свое место в сочинении Приска, но историк просто констатирует факт, не подвергая его критике. В рассказе о посольстве Максимиана к гуннам, предшествующих и последующих событиям Приск не выражает ни малейшего неудовольствия ни тем, что от Максимиана была скрыта истинная цель его миссии, ни безнравственностью запланированного убийства человека, с которым посол должен был вести переговоры. Самое поразительное, что Приск открыто выражает одобрение, узнав, что жители Асема, которые принесли «ложную присягу ради безопасности своего народа», не считают это лжесвидетельством.

Создается впечатление, во всяком случае на первый взгляд, что Приск был настоящим патриотом. Любой, будь то на Западе или на Востоке, готовый смело дать отпор варварам, вызывает самое горячее восхищение историка, но он осуждает всех тех, кто трусливо пресмыкался перед врагом. Приск был готов оправдать и, возможно, даже одобрить методы, которые римские писатели отвергали (во всяком случае, на бумаге) как недостойные империи.

3

Попробуем дальше продолжить «расследование». На чем основывался патриотизм Приска? Правительство Маркиана решительно поддерживало землевладельцев. Сам Маркиан во второй из своих Новелл¹ пишет, что первейшая обязанность императора — быть полезным «человеческому роду».

Что он понимал под «человеческим родом», объясняет нам Евагрий, который прямо говорит, что политика Маркиана заключалась в том, чтобы «сохранять богатство тех, кто им обладает, в неприкосновенности». Фактически его законодательство было направлено исключительно на соблюдение интересов класса землевладельцев. Во время правления Маркиана были снижены недоимки по налогам, отменены налоги на имущество сенаторов. Также было отменено предписание, запрещавшее правовое признание браков, которые заключались с рабынями, вольноотпущенницами, ак-

¹ Новеллы — новые конституции (указы), появившиеся после издания Кодекса Феодосия [1 в 438 г. (Кодекс Феодосия II — сборник из 16 книг, разделенных на титулы и охватывающих уголовное и гражданское право, положения о высших и низших должностных лицах, распоряжения, относящиеся к финансам, положения о военном деле, о правовых отношениях городских общин и сословий, церковном праве и др. — Ред.) Они собирались и использовались в судопроизводстве Западной и Восточной Римской империй еще в период правления в них соответственно Феодосия II и Валентиниана III, до 450 г. После смерти Феодосия II эту практику продолжил его преемник на Востоке император Маркиан (450—457). При нем, видимо, продолжался интенсивный обмен конституциями с правительством Валентиниана III. Правивший в 457—461 гг. в Западной Римской империи Майориан собрал имевшие хождение в своей части бывшей единой Римской империи законы Феодосия II, Валентиниана III и свои собственные в единый Корпус. Возможно, в основе его собрания лежат уже созданный Кодекс Феодосия II. Конституции (указы) Маркиана не были включены в него. Возможно, они составляли самостоятельный сборник, отталкиваясь от которого Майориан предполагал вернуть правовой центр империи на Запад. При этом правовые установки обоих кодексов были достаточно близки. Вместе с собранными Майорианом конституциями конституции Маркиана были использованы в Бревиарии Алариха II.

тисами и прочими женщинами низшего сословия. По мнению Брихера, Маркиан был одним из лучших императоров, правивших в Константинополе. «Правь как Маркиан!» — кричала толпа во время коронации последующих императоров.

Теперь можно почти с уверенностью сказать, что дошедшие до нас источники, содержащие дурную славу о правительстве Феодосия II, позаимствовали информацию из «Истории» Приска. На Приска можно возложить ответственность и за то, что правление Маркиана по прошествии времени стали считать золотым веком, каковым он в действительности был исключительно для землевладельцев. Кто, как мы уже говорили, извлек выгоду из политики, проводимой Феодосием и Хрисафием, так это купцы, торговцы и т. п. По всей видимости, Приск осуждал Феодосия II, евнуха Хрисафия и их внешнюю политику в значительной степени из-за занимаемой им позиции по социальным вопросам. Сохранилось ли что-то из его сочинения, что поддержало бы такую точку зрения?

К счастью, сохранился очень важный пятый фрагмент сочинения историка, способствующий пониманию не только взглядов Приска, но и основы социальной политики Хрисафия. В нем Приск говорит о налогах, которые Феодосий II был вынужден увеличить после вторжения гуннов в 441—443 годах, чтобы выплачивать гуннам дань в соответствии с договором, заключенным Анатолием в 443 году. Историк с презрением замечает, что правительство только делало вид, что добровольно пошло на уступки Аттиле, а на самом деле оно было вынуждено согласиться с условиями договора из страха перед гуннами. По мнению Приска, налоги пришлось увеличить из-за неправильного расходования средств — к примеру, большая часть денег уходила на увеселительные представления. Все платили налоги, но, как пишет Приск, жаловались на трудную судьбу те, кто были освобождены от на-

логов с позволения императора или по решению суда. Особое сожаление историка вызывает тот факт, что сенаторам приходилось вносить дополнительные суммы сверх установленных налогов. Приск полностью не согласен с увеличением налогов на землевладельцев. Это, по его мнению, наносит сильный удар по благосостоянию и моральному климату империи. Сборщики налогов ведут себя неподобающим образом, считает Приск; богатым людям приходится продавать мебель, ценные вещи, драгоценности. Это бедствие, постигшее римлян в дополнение к трудностям, вызванным войной, привело многих к голодной смерти и самоубийству.

Можно с уверенностью сказать, что в своем малоправдоподобном описании Приск сильно преувеличил трудности, обрушившиеся на сенаторов. Сумма, которую Феодосий II в 443 году обязался единовременно выплатить Аттиле, составляла 6 тысяч либр золота, и верится с трудом, что такая сумма, по словам Приска, могла привести на край гибели правящий класс империи. В то время, по нашим прикидкам, в Восточной Римской империи было приблизительно 2 тысячи сенаторов. Западная Римская империя в то же самое время испытывала примерно те же трудности, и доходы некоторых сенаторов, пусть даже, как говорят, немногих, могли едва ли быть намного меньше доходов, обнародованных Олимпиодором в отношении западных сенаторов несколькими годами ранее. Они составляли, по данным Олимпиодора, 10, 15 и даже 40 центенариев (1 центенарий равен 100 либрам, то есть 32,745 кг. — Ред.) золота в год. Возможно, нам следует разделить эти суммы на два. Очень может быть, что самый высокий доход сенаторов на Востоке не превышал 15 центенариев в год. Но даже в этом случае сенаторы были в состоянии собрать 6 тысяч либр золота, то есть 60 центенариев, без того, чтобы продавать мебель и драгоценности.

Сравним дань, которую Феодосий II платил гуннам, с данью, которую платили императоры другим варварам. Лев I (457—474) в 473 году обязался платить 2 тысячи либр в год Теодорику Страбону (сын готского во�дя Триария (в отличие от Теофриха Амала (454—526), сына Тиудимера, который после завоевания в 493 г. Италии стал королем. — Ред.), и в источниках нет ни слова о каких-либо протестах в Константинополе после обнародования этого решения. В 478 году император Зенон (474—491) согласился единовременно выплатить Теодорику 2 тысячи либр золота и 10 тысяч либр серебра и ежегодно выплачивать 10 тысяч солидов (1 солид, римская золотая монета, весил 4,55 г. — Ред.). И хотя в то время казна еще не оправилась после провальной экспедиции Василиска против вандалов в 486 году, мы опять не находим информации о каких-либо недовольствах, связанных с выплатой дани. Пожалуй, Анатолий во время первых переговоров с Аттилой согласился на ежегодную дань в размере 2100 либр золота, исходя из размера сумм, которые обычно устанавливались между восточными императорами и их северными соседями. Следует помнить, что Маркиан не возражал против субсидий. Он был готов давать Аттиле деньги, но только в качестве подарков, а не дани. Очень заманчиво думать, что Приск возражал не против выплаты денег гуннам и даже не против размеров выплачиваемых сумм, а против способа взимания налогов в империи.

Нам известно, что экспедиция против вандалов в 468 году обошлась казне более чем в 100 тысяч либр золота, то есть в 1000 центенариев — «целье моря... реки денег», по словам поэта. Эти расходы довели государство чуть ли не до банкротства, но дань не удалось бы выплатить, если бы в 443 году сенаторы находились в таком бедственном положении, как пытается представить Приск. Если казна была пуста, а высшее сословие разорилось до вступления на трон Маркиана,

то как тогда объяснить тот факт, что Маркиан отменил налоги на имущество сенаторов, а после его смерти в казне было более 100 тысяч либр золота?

У нас была возможность убедиться, что «Византийская история» Приска прежде всего литературное произведение, а не научный труд. Его обвинительный акт в отношении налоговой политики Феодосия II одно из тех «приукрашиваний», о которых мы всегда должны помнить. Приск заявляет, что сенаторы, чтобы заплатить налоги, были вынуждены продавать мебель и драгоценности своих жен. Полагаю, что это утверждение не что иное, как высказывание Евнапия в интерпретации Приска, как, впрочем, и рассказ о появлении гуннов в Крыму, который Приск нашел в сочинении Евнапия и с небольшими изменениями вставил в свою «Историю». Что касается Зосима, то в главе, в которой он перефразирует Евнапия и выдвигает обвинения в адрес финансовой политики Феодосия II, Зосим пишет, что «они отдавали не только деньги, но женские украшения и даже одежду, чтобы заплатить требуемые налоги». Слишком похожи фразы, чтобы мы поверили в простое совпадение.

Политика Феодосия II и Хрисафия в 443 году по добыванию денег для удовлетворения требований Аттилы ударила по карманам сенаторов, но не сильно отразилась на благосостоянии налогоплательщиков в целом. Как еще можно было собрать деньги, не причиняя неприятности восточным провинциям?

Есть превосходный пример такой же реакции со стороны класса крупных землевладельцев на подобную политику установления мира с помощью подкупа варваров; в этом случае сумма, которую заплатили варварам, была намного меньше, чем расходы на войну. В 408 году Аларих направил в Рим посольство с требованием уплаты крупной суммы денег за предоставленные услуги. Казна была пуста, и потребованную Аларихом сумму нельзя было тут же собрать из налогов. Правительст-

во Гонория, понимая, что необходимо сохранить мир, сочло возможным взыскать необходимую сумму с тех, у кого были наличные деньги, то есть с сенаторов. На обсуждении в сенате был поставлен вопрос: стоит ли объявлять войну готам. Во время дебатов Стилихону был задан вопрос, почему он отказывается воевать, а хочет купить мир с помощью денег. Стилихон так умело объяснил свою позицию, что, по словам греческого историка, с приведенными им доводами пришлось согласиться. Сенат выплатил Алариху 4 тысячи либр золота. Однако большинство голосовало только из страха перед Стилихоном. Лампадий, человек знатного происхождения и высокого положения, выкрикнул на латыни: «Это договор о рабстве, а не о мире!»

То, что вопрос обсуждался в сенате, свидетельствует о том, что все заранее знали, что сенаторы понесут расходы, если будут приняты условия Алариха. Следовательно, за их патриотическими и воинственными высказываниями просто скрывалось беспокойство за собственные кошельки. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что многие сенаторы считали справедливым решение Феодосия II в 443 году, но тем не менее они проголосовали за него прежде всего потому, что боялись Хрисафия. Единственное отличие этих двух случаев заключается в том, что политику, проводимую в 443 году, поддерживала группа благородных не только по происхождению, но и по убеждениям сенаторов — Анатолий, Ном, Сенатор и другие, которые отстаивали политику, при которой сами же и несли материальные издержки. Их противники нашли выразителя своего мнения в лице Приска.

В таком случае нам придется отказаться от первоначально высказанного предположения, что Приск был ярым патриотом. По-видимому, ему внушала неприязнь трусливая внешняя политика Хрисафия, из-за которой в проигрыше оказывался социальный класс, которому он симпатизировал. Приск был предан не империи

в целом, а прежде всего определенному классу этой империи. Создается впечатление, что в этом отношении его взгляды резко отличались от взглядов Олимпиодора, который чрезвычайно критически относился к неравномерному распределению богатства в империи, и даже от взглядов Аммиана, который, несмотря на его тесные связи с некоторыми членами сената, писал о непомерно больших состояниях, нажитых за счет экономической власти. По своим взглядам Приск скорее ближе к одному из греческих историков, Малху Филадельфийскому, резко критиковавшему финансовою политику Льва I, в основном за выплату субсидий варварам ради сохранения мира. Однако Малх, похоже, признавал, что Лев завоевал большую посмертную славу в «massах».

Таким образом, напрашивается вполне справедливый вывод, сделанный на основании сохранившихся фрагментов сочинений Приска, что его критика финансовой политики Феодосия II и Хрисафия свидетельствует о предвзятом, глубоко пристрастном отношении историка. Эта политика, как мы поняли, была рассчитана на тех, кто вполне мог взять на себя финансовые трудности, свалившиеся на империю. Приск, сторонник сенаторов, представил действия императора в искаженном свете, преувеличив бремя, которое взвали на себя сенаторы, и дал понять о тяжелом положении всего населения империи. Надо сказать, что в одном из отрывков сочинения Приск был вынужден признать, что Хрисафий пользовался поддержкой. В 449 году в критический для евнуха момент, когда его выдача требовал не только Аттила, но и исавр Зенон, военачальник на Востоке, Приск открыто признается, что «каждый желал ему удачи и оказывал поддержку». Нас не интересует, почему историк считал необходимым сделать это признание, стоит лишь отметить, что, видя в Хрисафии врага, он не умалял его значимости.

Феодосии II не мог испытывать удовлетворения, откупаясь от Аттилы. Почему же он не прекратил выплату дани путем принятия решительных мер? Те, кто считает, что правительство Феодосия II должно было предпринять попытку уничтожить гуннов в ходе военных кампаний, упустили, я думаю, суть конфликта между оседлым, земледельческим обществом, таким как римское, и непостоянным, кочевым, как гунны. Однако задолго до V века нашей эры всю сложность такой борьбы понимал, например, Геродот (V в. до н. э.). Люди без укрепленных городов, пишет Геродот в своей «Истории», живущие в повозках, приученные все до одного сражаться как конные лучники и расчетывающие не на продукты земледелия, а на свой скот, разве могут они позволить врагу подчинить себя или даже войти в соприкосновение с собой?

Другими словами, кочевое общество настолько мобильно, что ему ничего не стоит быстро исчезнуть при подходе вражеской армии. Кроме того, карательная экспедиция против кочевников обошлась бы намного дороже, чем ожидаемые трофеи, пленники и тому подобное. Китайский двор на протяжении долгих лет вел бесконечные дебаты, решая, нужно ли бороться с сюнну (гуннами) или умиротворять их «подарками», и самые мудрые советники никогда не одобряли политику военной экспансии на территорию кочевников. Мы выяснили, что за всю историю гуннов римское правительство (и Восточной и Западной империи) никогда не направляло карательных экспедиций против гуннов, кроме единственного случая, и, как всякое исключение, оно только подтверждает общее правило. В 452 году Маркиан отправил армию на гуннскую территорию — когда большая часть гуннской армии находилась в Италии. Когда подобная возможность представлялась Феодосию II? Если мы обвиняем «слабого и нерешительного»

Феодосия II в том, что он не посыпал карательной экспедиции, то нам могут возразить, что мы не обратили внимания на положение, в котором он оказался. Затраты на такую экспедицию были бы огромными, результаты же незначительными, а возможный ущерб, нанесенный гуннам, ничтожным. Аттила, особенно в последние годы, частично пожертвовал своей мобильностью; он получал дань и продовольствие с конкретных областей Центральной Европы и не видел смысла отказываться от этого. Он мог временно отступить, понеся незначительные потери, а на степных просторах имел блестящую возможность полностью уничтожить римскую армию. Опять же, если мы обвиняем Феодосия II в бездействии, то должны понимать, что после проведения кочевниками ответных ударов останется выжженная земля, которая будет единственным возмещением затрат на проведенную римлянами карательную кампанию.

Сейчас мы сделаем отступление, чтобы коротко обрисовать трудности, с которыми столкнулись римляне, захватив в плен гуннов. Их положение объясняет отрывок из Созомена, относящийся к кампании Ульдина во Фракии в 408 году. Напомню, что гуннов тогда поддерживала большая группа скиротов, из которых многие во время отступления попали в плен к римлянам. Созомен рассказывает о судьбе пленных. Их нельзя было вместе оставлять во Фракии; они могли сбежать и переправиться через Дунай. Поэтому часть из них правительство продало по дешевой цене — по-видимому, не нашлось покупателей, готовых много платить за таких потенциальных колонов (колон — в рабовладельческом обществе мелкий арендатор земли; в этом качестве в поздней Римской империи часто использовали купленных рабов. — *Ред.*). Остальных правительство вынуждено было просто отдать, обязав хозяев не оставлять их в Константинополе и даже в Европе, а отправить как можно дальше. Однако огромное количество скиротов не удалось никуда пристроить. Землевладельцы не соглашались

принять их даже в качестве подарка, и церковный историк видел множество скиротов, которые рассеялись по предгорьям и отрогам горы Олимп; они, по-видимому, работали фермерами-арендаторами в имперских поместьях. У нас нет подобной информации о судьбе пленных гуннов, но, вне всякого сомнения, у тех, кто захватил их в плен, было с ними намного больше проблем, чем с пленными скиритами. Гунны не имели навыков работы на земле; единственно, где их можно было использовать, так только в армии, в качестве наемников, сражавшихся против соплеменников. Но жители Асема не рассматривали такой возможности. Захватив в плен гуннов, осаждавших их город, они, не задумываясь, казнили всех пленных.

Бессмысленно говорить о «слабости» политики Хрисофия на дунайской границе. У него не было другой возможности, кроме как проводить политику субсидий, и «сила» Маркиана в 452 году проявилась благодаря абсолютно новой ситуации, возникшей в империи гуннов вскоре после вступления Маркиана на трон. Что касается политики Маркиана в 451 году, то она характеризуется скорее безрассудством, чем силой. Нет никаких сомнений в том, что политика, проводимая правительством Феодосия II, не всегда была успешна: римлянам не удалось предотвратить вторжение гуннов в 441—443 и 447 годах. В 441 году политика, которой впоследствии следовал император, еще не была претворена в жизнь. Правительство империи, привыкшее к сравнительно небольшим набегам, еще не осознано, что на самом деле означает война с кочевниками; об этом свидетельствуют их сомнения относительно выдачи Аттиле гуннов, служивших в имперской армии, о выдаче епископа Марга. Взимание с сенаторов налога на капитал демонстрирует отчаянное стремление правительства сохранить мир и предотвратить повторение событий 441—443 годов: вторжение варваров показало, какой политики следует придерживаться в отношении гуннов. В течение не-

скольких недель Феодосий II предпринял шаги, направленные на предотвращение повторения подобного вторжения, и яркое подтверждение тому мы находим в его Новелле (указе) от 12 сентября 443 года, адресованной Ному, человеку, который в дальнейшем отождествлялся с этой политикой. К сожалению, в связи с утерей соответствующей части работы Приска мы не можем сказать, почему в 447 году Аттила предпринял вторжение в Восточную Римскую империю, но у нас есть причина считать, что в этом нет вины Феодосия II и его министров.

Теперь нетрудно понять, почему в наших источниках в таком искаженном виде представлена финансовая и военная политика Феодосия II и Хрисафия. Тесное взаимодействие Приска с Максимином и особенно с Евфимием, кардинально изменившим политический курс предыдущей администрации, похоже, указывает на то, что хотя Приск не входил в высшее общество в Константинополе, однако разделял мнение сенаторов и возмущался политикой Хрисафия, из-за которой финансовое бремя легло на плечи сенаторов. Во-вторых, он мало что понимал в военных вопросах и, следовательно, не мог оценить проводимую правительством политику; к этому следует добавить, что Приск испытывал антипатию к группе сенаторов, которые намного лучше, чем он, разбирались в этих вопросах. Политика Хрисафия, которую они поддерживали, была нацелена на то, чтобы уберечь от финансовых проблем большую часть населения Восточной Римской империи, которая в те годы сильно пострадала от неурожая, эпидемий и землетрясений.

5

И наконец, последнее. Если правительство Феодосия II, когда его возглавлял Хрисафий, делало все в интересах большинства населения Восточной империи,

то почему история почти единодушна в осуждении евнуха? Ответ простой. Хотя другие историки тоже писали о правлении Феодосия II и правительстве Хрисафия, «Византийская история» Приска была признана классическим трудом по истории тех лет. Теперь мы понимаем, что этот классический труд содержал политическую необъективность и несправедливые высказывания. Последующие историки, работы которых сохранились, по большей части были ортодоксальными по своему вероисповеданию и еще до того, как знакомились с сочинением Приска, были настроены против Феодосия II и Хрисафия по религиозным соображениям. Общеизвестно, что Феодосий II в последние годы и в особенности Хрисафий, крестник Евтихия, были выраженнымми еретиками. Поэтому нет ничего странного, что, ознакомившись с резкой критикой Приска в адрес императора и евнуха, эти писатели с удовольствием включали его высказывания в свои работы. В то же время стоит отметить, что церковный историк Сократ тепло отзыается об императоре. Конечно, Сократу было бы опасно издавать работу, в которой он открыто критиковал императора, но если бы он осуждал позицию императора, то, по крайней мере, не стал столь явно выказывать к нему теплое отношение.

А вот Несторий осуждает Феодосия II, и, вероятно, исключительно по личным причинам. Он тоже обращает наше внимание на факт, который помогает понять отношение православных авторов. Чтобы собрать деньги для Аттилы, Феодосий II, действуя через Хрисафия, заставил пожертвовать определенную сумму и церковь. Флавиан, патриарх Константинопольский (447–449), сделал пожертвование с огромным неудовольствием. Император приказал, пишет Несторий, невзирая на недовольство, церковь должна сдать деньги, причем безотлагательно. Флавий был вынужден послать императору письмо, в котором сообщил, что он беден и у него нет собственного имущества, но даже если он продаст цер-

ковную утварь, то это будет меньше той суммы, которую от него требуют. По словам патриарха, он будет вынужден расплавить старинную церковную утварь, поскольку на него было оказано давление. Император якобы ответил, что ничего не хочет знать; церковь обязана внести свой вклад в общее дело.

Флавиан публично (чтобы вызвать у народа неприязнь к императору) расплавил золотую церковную утварь. Феодосий II, даже если в его действиях можно усмотреть излишнюю прямолинейность, несомненно, имел моральное право претендовать на церковное имущество, поскольку, как признает сам Несторий, народ был измучен «голодом, и мором, и засухой, и градом, и жарой, и землетрясениями, и рабством, и страхом, и всеми видами болезней». Варвары и скифы уничтожали все на своем пути, брали людей в плен, и у них не было никакой надежды на спасение. Вот так ересиарх описывает два вторжения Аттилы в 441—443 и 447 годах.

В большинстве дошедших до нас церковных источников Феодосий II и Хрисафий подвергаются неблагосклонной критике. С другой стороны, монофизит Захария из Митилены часто упоминает Феодосия II, всегда с уважением и никогда с критикой; свои нападки он предназначал Маркиану. Иоанн Малала, тоже, по всей видимости, монофизит, хотя имел под рукой сочинение Приска, писал, что император Феодосий II «пользовался хорошей славой, был любим народом и сенатом». Он, конечно, сильно преувеличивает всеобщую любовь: у землевладельцев не было особых причин любить Феодосия II.

Трудно согласиться с мнением Приска о Хрисафии, пишет Малала, поскольку «он был красив во всем». В конце концов, Хрисафий расстался с жизнью не потому, что был обвинен в вымогательстве (принимая во внимание его политику), а сразу после восшествия на престол «сенаторского» императора. Против него легко нашлись обвинения, поскольку, по словам Бюри, си-

стема повышения налогов в Восточной Римской империи была столь жесткой, что ни один император (в нашем случае мы можем сказать, что ни один министр) не избежал бы обвинений в преднамеренном стремлении разорить подданных. Но Хрисафия казнили не за вымогательство: его политика была нацелена на благосостояние не крупных землевладельцев, но других слоев населения. Отказ от религиозной политики Хрисафия стал важной частью процесса, в результате которого империя утратила расположение огромных масс населения восточных провинций и подготовила почву для арабского завоевания. Мелкие торговцы и ремесленники столицы с любовью вспоминали Хрисафия, по крайней мере до конца VI столетия. По сути, именно из-за антисенаторской позиции наши источники представили в мрачном свете отношения Феодосия II и Хрисафия с гуннами. И в этом в значительной степени виноват Приск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сделали попытку восстановить историю гуннов с момента их первого нападения на остготов и до исчезновения сыновей Аттилы в хаосе, последовавшем после смерти их отца. Мы также попытались описать общество гуннов и изменения, преобразовавшие его (в конечном счете вызвавшие его исчезновение). К огромному сожалению, сохранилось чрезвычайно мало документов. К примеру, нам ничего не известно о создании гуннской империи перед появлением Бледы и Аттилы, нет точной информации о той роли, которую Аттила сыграл в создании и расширении империи (о роли Руа нам известно и того меньше). Когда мы перевели разговор на обсуждение гуннского общества, то поняли, что только случайные фразы проливают свет на некоторые обычай, нормы и правила гуннского общества. Основываясь буквально на нескольких словах Приска, мы пытались сделать какие-то выводы о взаимоотношениях в гунской семье. Слова, вложенные автором в уста одного из героев, были единственным доказательством того, что гунны заставляли подчиненные народы обеспечивать их продовольствием, — в этом случае мы сделали выводы при полном отсутствии каких-либо прямых доказательств.

Почти невероятно, что появится какое-нибудь новое письменное свидетельство, и вряд ли стоит ждать по-

трясающих открытий, во всяком случае в ближайшем будущем, поэтому позвольте сделать пару замечаний общего свойства. Для начала обсудим общепризнанное мнение, что, так или иначе, Аттила был гением, был на самом деле «великим человеком», и только благодаря его выдающимся качествам существовала огромная гуннская империя. А затем поговорим о значении побед и достижений гуннов для развития Европы. И если бы гунны не вошли в соприкосновение с готами и римлянами, а направили внимание, скажем, на Иран или Индию — как это могло отразиться на европейской истории?

1

Историки поздней Римской империи сходились на том, что господство гуннов полностью обуславливалось гением Аттилы. Без него, это говорилось и подразумевалось, не было бы гуннской империи, сопоставимой с той, которой он управлял, а после смерти Аттилы крах этой империи был неизбежен. Я не могу согласиться с этим утверждением.

Во-первых, потому, что до Аттилы огромная гуннская империя уже была. Мы абсолютно уверены, что в подчинении у Аттилы находилось намного больше народов, чем у его предшественников, но в источнике подразумевается, что империя Руа и Октара была сопоставима с империей Аттилы. Спустя несколько лет после того, как Октар воевал восточнее Рейна, Руа вмешался в итальянскую политику и угрожал восточным римлянам на Дунае. Это говорит о том, что сфера их деятельности была огромной. Аттила тем и отличался от Чингисхана, что получил готовую империю (или почти готовую) от предшественников, в то время как монголы в молодые (и даже зрелые годы) Чингисхана оставались небольшими, отдельными пасторальными племенами.

Как ни прискорбно, но мы ничего не знаем о процессе, в результате которого произошло объединение гуннских племен в союз, которым впоследствии правил Аттила. Возможно, объединением руководил Руа с братьями. Если это так, то их помощь Аттиле была столь же велика, как помочь Чингисхана своим преемникам, и дает им право на славу (или известность) даже в большей степени, чем Аттиле.

То, что крах империи после смерти Аттилы был неизбежен, опровергает тот факт, что у Чингисхана были столь же толковые преемники, как он сам. Нет никакой существенной причины, по которой кочевая империя не должна пережить своего создателя. Если же пытаться объяснить причину развала гуннской империи по психологической причине, то ответ однозначен: не было никакой психологической причины, по которой за Аттилой не мог бы последовать такой правитель, как Угедей (Угэдэй, сын Чингисхана) или Хубилай (внук Чингисхана). Одним словом, ни обстоятельства создания, ни обстоятельства развала гуннской империи не зависели от характера и способностей конкретного человека.

Зачем же нам тогда говорить о «гениальности» Аттилы? Был ли он военным гением? Очень сомнительно. Да, он действительно легко победил восточных римлян в 441—443 годах, но он вторгся на их территорию, когда никто не оказал ему сопротивления, а в 443 году разгромил войска, которые в спешном порядке были переброшены из Сицилии, где на протяжении нескольких лет пребывали в бездействии, когда благодаря искусным маневрам вандалам удалось добиться ихнейтрализации. В 447 году Аттила одержал победу только за счет крупных потерь. Одно свидетельство древнего автора, связанного с обстоятельствами битвы на реке Утус, не дает основания предполагать, что она была одержана за счет военного гения Аттилы. Гунн дважды наносил поражение римлянам в открытой борьбе.

И поэтому он был военным гением? Две победы над армией, основу которой составляли ополченцы или наемники и тылы которой были враждебны к врагу не намного больше, чем к собственной армии, не дают Аттиле права называться «гением». Его подлинная «гениальность» проявилась в Галлии, когда он боролся с западными германцами, чье общество еще не сотрясали классовые войны, как в случае с римлянами. (Решающий вклад в победу на Каталаунских полях, напомним, все же римлян (можно сказать, «последних римлян») во главе с Аэцием, опрокинувших гуннов, прорвавших центр союзной армии. — Ред.) Погребальный костер из седел на равнине в Шампани — символ его полного провала.

А может, историки, говоря о гениальности Аттилы, имеют в виду его дипломатические способности? В 451 году вполне можно было победить вестготов и западных римлян. Если уж он был гением дипломатии, то летом 449 года Аттила должен был выполнить три условия, на которые он даже не обратил внимания.

Во-первых, надо было заниматься отдельно вестготами и отдельно западными римлянами. Поначалу казалось, что Аттила это понимает. Он собирался договориться с вестготами, по-прежнему заявляя, что является другом Равенны (резиденция западноримского императора). По мнению Аттилы, было крайне важно придерживаться этой линии поведения, поскольку Аэций, ограниченный в других отношениях человек (субъективная оценка. — Ред.), был блестящим военачальником. Но Аттила забыл о своем плане, как только получил приглашение от Гонории. Его неуклюжие попытки добиться ее руки привели к тому, что Запад объединился против гуннов. Действительно, когда мы говорили об отношениях Равенны и Тулузы (столица вестготского королевства) на протяжении десятилетий до 451 года, то сделали вывод, что только экстраординарное событие может бросить Аэция и вестготского

короля Теодориха в объятия друг друга. И Аттила сам создал ситуацию, при которой они объединили усилия в борьбе против гуннов.

Теперь относительно короля вандалов и аланов Гейзериха. По той или иной причине вандал активно настраивал Аттилу напасть на вестготов. Однако при этом не предлагал никакой практической помощи Аттиле, который должен был рассчитывать только на своих гуннов и покоренные народы. И это Гейзерих, который всю жизнь нападал на западных римлян. Истории известно несколько подобных правителей, которые бросали в бой старательных и знающих свое дело союзников.

Существует и третий довод, согласно которому мы не можем согласиться с утверждением, что Аттила обладал дипломатическим талантом. Самый неотразимый из всех доводов следующий. После бегства к гуннам в 448 году Евдоксия мы уже ничего о нем не знаем. Если бы Аттила встал во главе багаудов, то Галлию удалось бы очистить от вестготов и римлян за несколько месяцев, в реальности же среди союзников Аэзия на Каталаунских полях оказались жители Арморики (то есть Бретани).

Ситуация, доведенная до абсурда. Аттила, по сути, не мог встать во главе восставшего крестьянства. Паразитирующие грабители, вроде гуннов, использовали крестьян в других целях. В глазах Аттилы сторонники Тибатта и Евдоксия ничем не отличались от сторонников покоренных им германских королей: они были просто поставщиками зерна и скота, чтобы кормить гуннских воинов. Он даже не мог представить их в роли союзников, ведь багауды боролись против землевладельцев Галлии. У Аттилы не было никакого желания бороться с землевладельцами; он и сам был, можно сказать, «главным землевладельцем» в Европе. Способности Аттилы ограничивались обществом, породившим его. По всей видимости, среди гуннов никто не обладал дипломатическим талантом, и никто в Европе, даже Аэзий,

не мог всерьез рассматривать Аттилу как искусного дипломата.

Если мы продолжаем настаивать на величии этой личности, то следует обратиться к Моммзену. Основным достижением Аттилы, по мнению Моммзена, было упрочение централизованного управления гуннами. Но и в этом мы не до конца уверены. Нам не известно, насколько изменилось положение гуннского верховного вождя в созданном гуннами союзе со временем правления Руя до правления Аттилы. Однако вполне вероятно, что в этом вопросе Аттила достиг больших успехов, чем его предшественники. Руя довольствовался властью над частью гуннов; он делил власть с братьями Октаром и Мундзуком. Но, даже став единовластным правителем после смерти Октара, Руя не смог заставить все гуннские племена перейти под его власть. Вожди племен Амилзури, Итимари, Тунсур, Бойси и другие стремились сохранить независимость, которая у них была до созданного Руя гуннского союза. Они категорически не хотели входить в состав союза, и Руя умер раньше, чем смог заставить их подчиниться. С другой стороны, после убийства Бледы в 445 году Аттила пользовался неограниченной властью, и мы помним, что, когда в 449 году Приск посетил лагерь гуннов, власть Аттилы была абсолютной. Трудно предположить, что во времена Руя гунны полностью отказались от прежних вольностей, поэтому можем согласиться с Моммзеном. Теперь насчет величия Аттилы через призму понимания потенциальных возможностей гуннского общества. Аттила лучше своих предшественников понимал, что объединение всех племен под властью одного признанного лидера создаст единственное в своем роде орудие для эксплуатации народов Центральной (и Восточной. — Ред.) Европы. Без союза и сильной централизованной власти гунны исчезли бы, без особого шума, как многие племена (например, скифские) до них. Кроме того, Аттила осознавал потенциальные возможности своего народа

и был способен провести в жизнь свои идеи. Маловероятно, что он первым окружил себя избранными приближенными, поскольку у Ульдина тоже были в подчинении люди наподобие приближенных Аттилы. Но вполне вероятно, что именно Аттила придал институту приближенных лиц окончательную форму. Вместо того чтобы опираться на неуправляемых, независимых друг от друга вождей племен, он опирался на вассалов вроде Онегесия, Бериха и Эдеко, которые были преданы лично ему и зависели только от него.

У нас нет никакой информации о гуннском обществе при Руа, поэтому мы можем строить выводы только на основании догадок. Но даже если мы согласимся с мнением Моммзена, то должны признать, что Руа заложил фундамент величия своего племянника.

2

Позвольте теперь вернуться к гуннам в целом. Перед обсуждением влияния господства гуннов на ход европейской истории стоит обратить внимание на факт, который неоднократно подчеркивался на первых страницах этой книги: в длительном существовании империи гуннов были заинтересованы влиятельные круги во многих частях Европы. На Западе с 425 по 439 год Аэций удерживался исключительно за счет вспомогательных армий, предоставляемых в его распоряжение Руа и Аттилой, поддерживал дружеские отношения с гуннами вплоть до 451 года, начала военной кампании в Галлии. И даже после этого Аэций, похоже, считал, что гунны никогда не начнут военные действия против него и его друзей в Италии. Он, вероятно, надеялся на сотрудничество с Аттилой даже после сражения на Каталаунских полях, иначе зачем бы он позволил Аттиле спокойно отступить из Галлии. Крупных землевладельцев, которых поддерживал Аэций, устраивало такое от-

ношение к гуннам. Авита, конечно, возмутило ужасающее поведение гуннов, когда они проезжали мимо его поместья, направляясь в Нарбон, но кто бы еще, кроме гуннов, защитил его собственность от вестготов, бургундов и багаудов? Разумно предположить, что в тридцатых—сороковых годах V столетия земельную аристократию на Западе устраивало существование гуннской империи, которая предоставляла им помочь всякий раз, когда они оказывались в затруднительном положении. Но на Западе, конечно, были люди, которые думали иначе. Когда в 447 году гунны напали на Восточную Римскую империю, Аэций, естественно, не собирался заходить в тыл своих друзей—гуннов, чтобы помочь восточным римлянам. Мы уже говорили о том, что Аэция критиковали за бездействие, за то, что он не вмешался, когда гунны напали на Восточную Римскую империю. Некоторые люди, возможно, считали, что Аэций упускает прекрасную возможность навсегда избавить Европу от варваров. Было интересно узнать, кем были эти критики. Они, похоже, опять заговорили, когда весной 452 года Аттила, не встретив сопротивления, пересек Юлийские Альпы, и их позиция совпадла с отношением к происходившему Сальвина, считавшего, что лучше жить изгнаниником среди гуннов, чем бедняком в Римской империи.

В Восточной Римской империи не было земельной аристократии, которая стремилась извлечь выгоду из существования гуннской империи. Напротив, землевладельцы прикладывали все усилия, чтобы заставить Феодосия II бороться с Аттилой, и, когда Маркиан взошел на престол, он взял курс на политику «сохранения богатства тех, кто им обладает, в неприкословенности». Практически немедленно были предприняты решительные шаги, направленные на свержение власти гуннов в Центральной Европе. На Востоке, как мы уже говорили, были купцы, торговцы и производители, которые поддерживали Феодосия II. В этом нет

ничего удивительного, если обратиться к Фоксу, который подробно исследует силы, поддерживавшие империю Чингисхана. Мы не должны сбрасывать со счета влияние купцов, пишет Фокс, которые стекались в Монголию из Средней Азии и пограничных с Великой (Китайской) степной районов, как только Чингисхан создал прочное государство. Эти купцы быстро поняли огромную выгоду, которую они получат, если гениальный человек (Чингисхан) будет господствовать над Северным Китаем.

Именно поэтому создается впечатление, что купцы Восточной Римской империи думали о такой же выгоде. Перед появлением гуннов пограничные города на Дунае активно торговали с вестготами, которые в то время жили севернее Дуная. Без этой торговли вестготы вряд ли выжили бы, поскольку после трех кампаний императора Валента в 367—369 годах Атанарих был готов сдаться; согласно источникам, «торговля прекратилась, и варвары страдали из-за отсутствия самых необходимых товаров». Однако вестготы практически ничего не могли предложить в обмен на необходимые товары в отличие от гуннов во времена господства Аттилы, которые получали ежегодную дань от Феодосия II. Во время своего правления царь Сасанидского Ирана Пероз¹ согласился разделить судьбу с небольшой группой гуннов на границе своей страны, вероятно, в надежде получить выгоду от грабежей, которыми занимались его партнеры.

Вот что пишет Прокопий Кесарийский об этих гуннах, называемых эфталитами: «Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами, однако они не смешиваются и не обращаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них, но соседствуют они с пер-

¹ Пероз — семнадцатый сасанидский царь Фируз (или Пероз), правил с 459 по 484 г.

сами у северных их пределов, там, где у самой окраины Персии есть город по имени Горго. Здесь из-за пограничных земель они обычно воевали друг с другом. Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодоносной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским (персидским) войском. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их не похож на скотский, как у тех. Ими правит один царь, и обладают они основанным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже римлян или персов. Но богатые из них приобретают дружины, порой до двадцати человек, а то и больше, члены которой навсегда становятся их сотрапезниками, разделяя и все их богатства, так как в данном случае имущество у них становится общим. Когда же тот, у кого они являлись друженниками, умирает, эти мужи по существующему у них обычаю живыми ложатся с ним в могилу». Жизнь Пероза, как мы знаем, была сопряжена с рисками и опасностями, и он, вероятно, сожалел о круче империи Аттилы. (Автор оригинально трактует исторические события. Пероз был разбит эфталитами, взявшими его в плен, уплатил им контрибуцию, а также районы городов Мерв, Балх и Герат. — Ред.)

И наконец, некоторые германские «короли» (верховные вожди. — Ред.) были относительно удовлетворены своим положением при Аттиле. Это, конечно, не больше чем предположение, но если на самом деле их не устраивало такое состояние дел, то тогда они странным образом не замечали преимуществ своего зависимого положения.

Появление гуннов не освободило новые социальные и производительные силы, которые могли изменить положение Римской империи. Гунны просто не могли этого сделать (как и правители германских племен, и даже императоры Восточной Римской империи) —

то есть так изменить положение земледельцев (крестьян), чтобы привести к их окончательному освобождению. Тем не менее дальнейшее изучение социальной истории Восточной Римской империи показало, что в критический момент истории гунны сыграли важную (пусть даже и невольно) роль в сохранении Восточной Римской империи. В древние времена в связи с нехваткой средств производства земля сосредотачивалась в руках ограниченного числа людей, и нам известно, что в V веке относительная беспомощность Западной Римской империи в значительной степени объясняется именно этим фактом. Землевладельцы оказались настолько сильны, что правительство ничего не могло с ними поделать. Однако в Восточной Римской империи оппозицию крупным землевладельцам составлял довольно мощный и богатый класс купцов, торговцев, ремесленников и т. п. Мы вполне можем предположить, что существование империи гуннов и политика Феодосия II и Хрисафия в отношении этой империи усилили положение этого класса в ущерб земельной аристократии. После проведения тщательного исследования социальных отношений Восточной Римской империи можно предположить, что борьба между правительством и земельной аристократией откладывалась в значительной степени из-за гуннов. У купца из Виминации не было особых причин испытывать благодарность к Феодосию, поскольку торговцы пограничных городов понесли колоссальные убытки во время войн 441–443 и 447 годов. Однако тот же самый купец преуспевал в тридцатых годах в Виминации, чего, естественно, не случилось бы, если бы Маркиан вступил на трон двадцатью годами раньше и начал проводить свою политику, когда Аттила был еще молодым человеком. Несмотря на опустошение пограничных городов, торговля продолжалась, поскольку в противном случае гунны просто не выжили бы. Существующий уровень знаний о гуннах не позволяет нам настаивать на выво-

дах, подобных этому. Однако хочется спросить: кто же все-таки извлекал выгоду из 2100 либр золота, которые ежегодно получали гунны? Гунны вымогали деньги, потому что хотели тратить их.

3

Бюри занимался вопросом последствий и значения господства гуннов, и с его выводами согласились Алфельди и другие ученые. Бюри утверждает, что существование империи гуннов «помогло сдержать процесс германского расчленения империи». Во-первых, гунны, завоевав германские народы Центральной Европы и удерживая их в руках, на многие годы ослабили давление на римские границы. Правда, сами гунны опустошили римские провинции и на Востоке и на Западе, но, по мнению Бюри, эти набеги были не страшнее, если бы совершились германцами. В начале V века Италия почти полностью избавилась от нападений варваров из Дунайского бассейна. Нападения возобновились только в 452 году. Мы знаем, что после смерти узурпатора Иоанна в 425 году германцы редко совершали грабительские набеги в Галлию, и это, конечно, напрямую было связано с гуннами, завоевавшими германцев. Во-вторых, и Восточная и в особенности Западная Римские империи активно использовали гуннов в качестве наемников, которые, по словам Бюри, были «неоценимым ресурсом в борьбе с германскими врагами», такими как вестготы и бургунды.

По мнению Бюри, гунны фактически отсрочили крах Римской империи. Следует отметить, что утверждение Бюри совпадает с выводами, сделанными в предыдущем абзаце. Мы опытным путем пришли к этому выводу, изучая гуннов относительно внутренних условий Восточной, а не Западной Римской империи. Бюри пришел к этому выводу после изучения внешних отношений им-

перии в целом. Однако следует внести некоторые поправки в рассуждения Бюри. Мы допускаем, что при Аттиле гунны сдерживали германцев, но это относится к периодам до и после Аттилы. Если бы гунны не появились, то трудно представить какие-то катаклизмы, которые еще больше встряхнули бы Европу, чем те, которые были вызваны перемещением кочевников на Запад в 376—378 и 405 годах. Две эти даты — ориентиры в процессе распада империи. Когда готы пересекли Дунай и сражались при Адрианополе и когда вандалы, аланы и свевы пересекли Рейн, Римская империя очень быстро стала отличаться от той, какой она была, скажем, при Юлиане¹.

Два толчка гуннов задвинули германцев в Галлию, Испанию и даже в Африку гораздо глубже и намного раньше, чем это могло произойти, если бы гунны не наступали им на пятки. Возьмем случай с Аларихом. Можно предположить, что он был бы доволен положением наполовину друга, наполовину врага римлян, живя наполовину на жалованье у них, наполовину выманивая у них деньги обманом, если бы в его распоряжении оставались богатые земли нижнедунайской низменности. (До 376 г. вестготы уже жили здесь довольно долгое время, с 274 г., когда Дания была завоевана готами. — Ред.) Аларих захватил наше воображение взятием Рима в 410 году, но мы не должны забывать, что на протяжении всей жизни он был человеком, для которого отступление было невозможным. В поисках земли, на которой мог бы осесть и спокойно заниматься земледелием его народ, Аларих умер, так и не решив этой проблемы. В годы, последовавшие за смертью Аттилы, страдавшие от голода остготы были вынуждены снова добиваться земли и денег от римлян. Насколько другой была бы их история, если бы им позволили мирно жить к северу от

Дуная и на юге России, где они, возможно, на протяжении многих лет эксплуатировали многочисленные племена (иранские, славянские и угро-финские. — Ред.), входившие в империю Эрманариха.

Не появись гунны, не было бы так рано создано никакого вестготского королевства с центром в Тулусе и, позже остготского королевства в Италии так рано, как они появились. Германцы, конечно (возможно. — Ред.), создали бы свои королевства в Галлии, Италии и Африке, но без гуннов это произошло бы намного позже.

Гунны играли важную роль в европейской истории менее ста лет. Но мы видели, что, несмотря на короткое пребывание на европейской исторической сцене, их появление имело серьезные последствия для дальнейшего развития Западной Европы и, возможно, оказало значительное влияние и на Восток. Однако воздействие было косвенным. Внесли ли гунны вклад в развитие Европы? Могли ли они предложить что-то, кроме ужаса, который вселили в германские племена, заставив их сняться с насиженных мест и бежать за помощью к римлянам? Мы считаем, что гуннам нечего было предложить. Их общество было таким, что не могло внести никакого вклада в развитие Европы, как это делали германцы, иранцы и арабы (первые в этом списке были просто варварами, а последние настоящими грабителями и мародерами, но в процессе «переваривания» проглоченных кусков территории и народов великих греко-римской и иранской цивилизаций постепенно (мучительно и долго) приобщались к культуре. — Ред.). Они были просто грабителями и мародерами. Прискорбно им короткую, но емкую характеристику: гунны с презрением относятся к занятию сельским хозяйством, и, подобно волкам, нападают и расхищают пищу, добытую готами, так что готы находятся на положении рабов, добывая пищу гуннам.

¹ Флавий Клавдий Юлиан, известный также в истории христианства как Юлиан Отступник (правил в 361—363 гг.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
<i>Глава 1. Источники</i>	12
<i>Глава 2. История гуннов до Аттилы</i>	28
<i>Глава 3. Гуннское общество до Аттилы</i>	59
<i>Глава 4. Победы Аттилы</i>	82
<i>Глава 5. Мир на дунайской границе</i>	118
<i>Глава 6. Поражения Аттилы</i>	151
<i>Глава 7. Гуннское общество при Аттиле</i>	193
<i>Глава 8. Внешняя политика Рима и гунны</i>	220
Заключение	242

Томпсон Эдвард А.

ГУННЫ

Грозные воины степей

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *А.В. Максименко, М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.01.2008.
Формат 84×108^{1/12}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Уч.-изд. л. 11,98. + 1 вклейка = 12,41.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 2211.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru